

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(31)
2024**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2024

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

Тема номера**11 В.И. Лысенко**

Президентские выборы в государствах региона ОБСЕ —
электоральная практика

Теория права**47 Ю.А. Веденеев**

Юридическая наука: становление и развитие языка научной
дисциплины

73 А.А. Егоров

Либертарно-юридическая теория права и государства: анализ
основных положений и аргументированная критика

Муниципальное право**87 В.И. Захарова, Н.Т. Иоселиани**

Особенности муниципальных выборов с использованием
электронного голосования

Дорожная карта: идеи и концепции**95 И.Г. Чистобородов**

Эволюция методов государственного управления в условиях
глобализации

Политические технологии**107 Д.Ф. Алиев, В.Э. Саркисов**

Практические аспекты управления медийной политической
коммуникацией

За рубежом**123 А.А. Макарецев**

Принцип свободы выборов: особенности закрепления, содержание
и практика реализации в России и Казахстане

135 Ю.Б. Бочаров

Электоральный барьер и его влияние на состав и работу
парламента и стабильность правительства

Мировая практика

- 147 **А.Ю. Палюлин**
Правовое регулирование партийных систем в странах Южной Америки

Ракурс

- 153 **В.И. Карасев**
Время выбирать

Актуальная трибуна

- 168 **А.И. Петренко**
Спецпропаганда и борьба с ней в условиях специальной военной операции
- 182 **К.С. Стригунов, А.А. Алаудинов, А.Р. Гончаренко**
Классификация форм и методов ведения современных гибридных войн

Пространство молодого ученого

- 192 **А.А. Иванов**
Сущность и теоретическая природа представительного органа муниципального образования
- 204 Сведения об авторах

Topic of the Issue

- 11 V.I. Lysenko**
Presidential Elections in the States Osce Region – Electoral Practice

Theory of Law

- 47 Y.A. Vedeneev**
Urisprudence: Formation and Development of the Language Scientific Discipline

- 73 A.A. Egorov**
Libertarian Legal Theory of Law and State: Analysis of the Main Provisions and Reasoned Criticism

Municipal Law

- 87 V.I. Zakharova, N.T. Ioseliani**
Peculiarities of Municipal Elections Using Electronic Voting

Roadmap: Ideas and Concepts

- 95 I.G. Chistoborodov**
Evolution of Public Administration Methods in Conditions of Political Polarization

Political Technologies

- 107 D.F. Aliyev, V.E. Sarkisov**
Practical Aspects of Media Political Communication Management

Abroad

- 123 A.A. Makartsev**
The Principle of Freedom of Elections: Features of Implementation, Content and Practice in Russia and Kazakhstan
- 135 Y.B. Bocharov**
The Electoral Barrier and its Impact on the Composition and Work of Parliament and the Stability of the Government

World Practice

- 147 A.Y. Palyulin**
Legal Regulation of Party Systems in South American Countries

Foreshortening

- 153 V.I. Karasev**
It's Time to Choose

Actual Tribune

- 168 A.I. Petrenko**
Special Propaganda and the Fight Against it in the Context
of a Special Military Operation
- 182 K.S. Strigunov, A.A. Alaudinov, A.R. Goncharenko**
Classification of Forms and Methods of Conducting Contemporary
Hybrid Wars

Young Scientist's Space

- 192 A.A. Ivanov**
The Essence and Theoretical Nature of the Representative Body
of the Municipality
- 204 Our Authors**

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВАХ РЕГИОНА ОБСЕ — ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В мировой электоральной практике всеобщие и прямые выборы главы государства проводятся в 110 государствах и территориях, включая Палестину. В целом, в 2024 году во всеобщих и прямых президентских выборах, которые должны состояться в 26 государствах мира, должно принять участие более 1 миллиарда избирателей, и указанные выборы многими экспертами и политиками называются «мегавыборами». В 2024 году в 9 государствах региона ОБСЕ планируются выборы главы государства: Финляндия — 28 января, Азербайджан — 7 февраля (досрочные выборы), Россия — 15–17 марта, Словакия — 23 марта, Литва — май, Северная Македония — май, Исландия — 1 июня, США — 5 ноября, Хорватия — декабрь. В статье рассказывается об этих и других выборах, освещается проблематика, касающаяся в целом всеобщих, прямых и косвенных выборов, моделей однодневного и многодневного голосования, различных избирательных систем (мажоритарных, пропорциональных, смешанных). Особенное внимание уделяется явке избирателей при проведении президентских выборов в странах региона ОБСЕ.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, однодневное голосование, многодневное голосование, явка избирателей, регион ОБСЕ, президентские выборы.

PRESIDENTIAL ELECTIONS IN THE STATES OSCE REGION — ELECTORAL PRACTICE

Abstract. In the world electoral practice, general and direct elections of the head of state are held in 110 states and territories, including Palestine. In general, in 2024, more than 1 billion voters should take part in general and direct presidential elections, which are to be held in 26 countries of the world, and these elections are called «mega-elections» by many experts and politicians. In 2024, presidential elections are planned in 9 states of the OSCE region: Finland — January 28, Azerbaijan — February 7 (early elections), Russia — March 15–17, Slovakia — March 23, Lithuania — May, North Macedonia — May, Iceland — June 1, USA — November 5, Croatia — December. The article talks about these and other elections, highlights the problems related to general, direct, and indirect elections in general, models of one-day and multi-day voting, various electoral systems (majoritarian, proportional, mixed). Particular attention is paid to voter turnout during the presidential elections in the countries of the OSCE region.

Keywords: elections, electoral system, one-day voting, multi-day voting, voter turnout, OSCE region, presidential elections.

В 30-и из 34 государств региона ОБСЕ, в которых проводятся *всеобщие и прямые выборы первых лиц страны*, предусмотрена выборная должность индивидуального главы государства (президента), в двух государствах — модель тандема выборной должности президента и должности вице-президента (Болгария, США¹); в Боснии и Герцеговине применяется модель коллективного главы государства в формате выборного полиэтнического Президиума Боснии и Герцеговины в составе трех человек (босняка, хорвата и серба); в Армении глава государства определяется по результатам проведения парламентских выборов².

Одной из основных тенденций развития выборных начал в президентской ветви государственной власти в государствах региона является сохранение относительного равновесия прямых и косвенных президентских выборов с доминированием процедуры всеобщих и прямых выборов при начавшемся незначительном переходе от механизма проведения косвенных выборов к всеобщим и прямым выборам президента [1].

В последние годы в четырех государствах был осуществлен переход от косвенных выборов главы государства к всеобщим и прямым президентским выборам (Молдавия, Словакия, Турция, Чехия)³, при этом в Армении (с 2018 года) и Грузии (с 2024 года) — наоборот, от всеобщих и прямых президентских выборов — к косвенным выборам главы государства⁴.

В частности, до 2013 года президент Чехии избирался путем проведения косвенных выборов депутатами палат парламента — Палатой депутатов и Сената — на совместном заседании, затем — путем проведения всеобщих прямых выборов. В Армении с 2018 года осуществлен переход от всеобщих и прямых выборов президента к выборам главы государства в рамках парламентско-президентской избирательной системы;

¹ Выборы президента и вице-президента США проводятся в рамках смешанного порядка на основе сочетания проведения первоначально всеобщих и прямых выборов избирателями 50 штатов и Федерального округа Колумбия (г. Вашингтон) и затем избрания членами коллегии выборщиков, состоящей из 538 выборщиков.

² В целом из 56 государств — участников ОБСЕ, проведение всеобщих прямых президентских выборов предусмотрено в конституциях и законодательстве 33 государств; в 11 государствах предусмотрено проведение косвенных президентских выборов; в 11 государствах институт президентства отсутствует (Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Канада, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Норвегия, Швеция) и функции главы государства выполняет монарх — король, князь, герцог, либо назначаемый монархом генерал-губернатор (Канада); в одном государстве (Андорра) в состав коллективного главы государства входят по должности два лица (светское и религиозное).

³ В Молдавии первые всеобщие и прямые президентские выборы состоялись 30 октября 2016 г. В Словакии первые всеобщие и прямые президентские выборы были проведены 15 мая 1999 г. (первый тур голосования) и 29 мая (второй тур голосования). В Турции первые всеобщие и прямые президентские выборы состоялись 24 июня 2018 г. В Чехии первые всеобщие и прямые президентские выборы прошли 11–12 января 2013 г.

⁴ В Грузии после проведения 28 октября 2018 г. всеобщих и прямых президентских выборов и в соответствии с конституционными поправками 2017 г. с 2024 г. в соответствии со статьями 50 обновленной Конституции Грузии, после истечения шестилетнего конституционного срока полномочий избранного президента, вводятся косвенные президентские выборы, в рамках которых глава государства будет избираться коллегией выборщиков в составе 300 человек: из них 150 человек — депутаты парламента, а еще 150 человек — депутаты местных органов власти.

а в Грузии — с 2024 года — к косвенным выборам главы государства специальным органом в составе 300 представителей.

Срок президентских полномочий в государствах региона ОБСЕ, где проводятся всеобщие и прямые выборы главы государства, различен — *от четырех до семи лет*.

В *пяти государствах* (Босния и Герцеговина, Исландия, Молдавия, Словакия, США) срок полномочий главы государства составляет *четыре года*. В *18 государствах* (Белоруссия, Болгария, Казахстан, Кипр, Литва, Северная Македония, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Словения, Турция, Узбекистан, Украина, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия) срок полномочий главы государства составляет *пять лет*. В *шести государствах* {Австрия, Грузия (с 2017 года до 2024 года), Киргизия, Монголия (до 2021 года — четыре года), Россия, Финляндия} срок полномочий главы государства составляет *шесть лет*. В *четырёх государствах* (Азербайджан, Ирландия, Таджикистан, Туркмения) срок полномочий главы государства составляет *семь лет*.

При этом конституции и законодательство государств региона ОБСЕ по-разному закрепляют количество сроков, на которые одно и то же лицо может быть избрано на должность главы государства. В отдельных государствах закреплена модель *однократного избрания* одного и того же лица на должность главы государства (Киргизия, Монголия — с 2021 года). В некоторых других применяется модель исключительно *двукратного совокупного конституционного срока* занятия одним и тем же лицом должности главы государства (Австрия, Болгария, Ирландия, Северная Македония, Польша, Румыния, Сербия, США, Хорватия, Черногория). Есть варианты модели *кратного (как правило, двукратного подряд)* конституционного срока занятия одним и тем же лицом должности главы государства (Казахстан — после проведения конституционного референдума 5 июня 2022 года). При этом в случае проведения досрочных президентских выборов фактический срок полномочий главы государства, в течение которого лицо, занимавшее должность главы государства, исполняло свои полномочия, не включается в *двукратный подсчет* количества конституционных сроков. То есть фактически лицо может исполнять обязанности главы государства более двух конституционных сроков подряд (Турция). Имеются модели как *двукратного количества конституционных сроков полномочий* одним и тем же лицом должности главы государства, так и в течение *определенного календарного срока* после истечения второго подряд конституционного срока полномочий (Босния и Герцеговина, Португалия) [4].

В частности, конституционно и законодательно положение о том, что одно и то же лицо может быть избрано на должность главы государства *не более двух сроков подряд*, закреплено в Грузии — до 2024 года, Литве, Молдавии, России, Словакии, Словении, Узбекистане, Украине, Финляндии, Франции и Чехии.

Некоторые страны региона ОБСЕ пользуются моделью *неограниченного количества* конституционного срока полномочий — то есть не предусматриваются какие-либо ограничения по количеству сроков, на которые одно и то же лицо может быть избрано на должность главы государства (Азербайджан, Белоруссия, Исландия, Кипр, Таджикистан, Туркмения). В отдельных государствах в ходе проведения конституционных реформ *вводились новые модели конституционных сроков полномочий глав государств и их количества*, предусматривающие, с одной стороны, отмену либо инициирование отмены (модифицирование) ранее предусмотренных жестких конституционных ограничений на количество сроков (Азербайджан), с другой стороны, введение ограничений на количество таких сроков (Казахстан, Франция) [3].

По так называемой либеральной модели регулирования количества конституционных сроков занятия одним и тем же лицом должности главы государства в Азербайджане президент как глава государства избирается по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства без увязки, как это было ранее (до 2018 года), с явкой избирателей в качестве условия признания президентских выборов состоявшимися. При этом в соответствии с конституционными изменениями, утвержденными на референдуме 2009 года, были сняты ограничения на количество сроков избирания одного и того же лица на должность главы государства (ранее — не более двух раз); в настоящее время одно и то же лицо может быть избрано на должность президента Азербайджана *на неограниченное количество сроков*.

В рамках так называемой консервативной модели в США 21 марта 1947 года Конгрессом была принята конституционная поправка XXII, которая была ратифицирована необходимым числом штатов и вступила в силу 27 февраля 1951 года. Как реакция на четырехкратное занятие Франклином Делано Рузвельтом должности президента США (32-й президент США, который избирался на четыре подряд конституционных срока полномочий в период с 4 марта 1933 года до 12 апреля 1945 года), данная поправка предусматривает, что ни одно лицо не может быть избрано на должность президента более чем два раза, и ни одно лицо, если оно занимало эту должность либо исполняло обязанности главы государства в течение более двух лет, замещая первое лицо страны, не может быть избрано на должность президента более одного раза [5].

Во Франции в соответствии с конституционными поправками, принятыми в 2008 году, в статье 5 Конституции закреплено, что *никто не может осуществлять полномочия президента Франции более двух президентских мандатов подряд* [3].

Таким образом, в государствах региона ОБСЕ при решении вопроса о количестве конституционных сроков, на которые одно и то же лицо может быть избрано на должность главы государства, в том числе при проведении косвенных президентских выборов, применяются различные конституционно-правовые модели. В целом при проведении последних

президентских выборов в регионе был зарегистрирован большой количественный «разлет» кандидатов на должность главы государства: *от одного кандидата (Исландия) до двух кандидатов (Черногория) и до 25 кандидатов (Грузия) и даже до 39 кандидатов (Украина)*. Наиболее частотным числом кандидатов на должность главы государства является регистрация семи кандидатов (в частности, такое число кандидатов было зарегистрировано в 7 государствах — в Австрии, Ирландии, Казахстане, Литве, Португалии, Словении, Черногории) [3].

* * *

В государствах региона ОБСЕ общее голосование избирателей на президентских выборах проводится, как правило, в один календарный день. Только в Чехии голосование избирателей на выборах главы государства проводится в течение двух календарных дней (пятница и суббота)⁵. Законодательство отдельных государств предусматривает возможность *многодневного* голосования для зарубежных национальных избирателей (Монголия, Румыния). В 2019 году в Румынии был принят закон, предусматривающий трехдневное голосование (пятница, суббота, воскресенье) для зарубежных румынских избирателей (в пятницу голосование проводится с 12:00 до 21:00 по местному времени — 9 часов, в субботу и в воскресенье — с 07:00 до 21:00 — соответственно по 14 часов каждый день).

В соответствии с законодательством при проведении выборов глав государств применяются различные избирательные системы: *мажоритарная избирательная система абсолютного большинства* (при необходимости в два тура голосования) в: Австрии, Азербайджане, Белоруссии, Болгарии, Грузии — до 2024 года, Исландии, Казахстане, Кипре, Киргизии, Литве, Северной Македонии, Молдавии, Монголии, Польше, Португалии, России,

⁵ На основе поправок, внесенных парламентом 8 февраля 2012 г. в Конституцию, был осуществлен переход от косвенных выборов президента Чехии двухпалатным парламентом к всеобщим и прямым президентским выборам на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании по правилам мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства, а также введено *двухдневное голосование* избирателей на президентских выборах.

В некоторых государствах Африканского континента президентские выборы также проводятся в режиме многодневного голосования избирателей.

В Египте с 2014 г. президентские выборы проводятся в рамках многодневного (трехдневного) голосования избирателей и в этих условиях они являются первыми на Африканском континенте президентскими выборами, проводимыми в несколько календарных дней, то есть *многодневными*: *последние очередные президентские выборы были проведены в Египте в период с 10 по 12 декабря 2023 г. (в течение трех календарных дней)*.

В Зимбабве 23 и 24 августа (среда, четверг) 2023 г. всеобщие (парламентские, президентские и местные) выборы прошли в течение двух календарных дней, при этом первоначально голосование должно было проводиться в течение одного календарного дня, однако в связи с некоторыми организационно-техническими проблемами проведения голосования избирателей (задержками во времени — в отдельных провинциях страны продолжительностью до 10 часов) указом Президента Зимбабве Эммерсона Мнангагва был введен второй день голосования (24 августа) в отдельных провинциях страны (на 40 избирательных участках в окрестностях столицы — города Хараре, в провинциях Центральный Машоналенд и Маникаленд), и указанные всеобщие выборы таким образом стали многодневными (двухдневными).

Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Таджикистане, Туркмении, Турции, Узбекистане, Украине, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Чехии; *мажоритарная избирательная система относительного большинства* (Босния и Герцеговина); *комбинация мажоритарной избирательной системы относительного большинства при избрании выборщиков и абсолютного большинства при избрании президента и вице-президента* (Соединенные Штаты Америки — за исключением штатов Небраска и Мэн); *пропорциональная избирательная система единственного передаваемого голоса* (Ирландия); *смешанная (парламентско-президентская) избирательная система* (Армения — с 2018 года, ранее — мажоритарная избирательная система абсолютного большинства) [1].

Некоторые государства региона применяют модель так называемых *безальтернативных президентских выборов*, по которой в случае выдвижения или регистрации только одного кандидата на должность главы государства голосование избирателей не проводится и кандидат провозглашается избранным на должность главы государства (Ирландия, Исландия, Кипр, Словакия, Финляндия) либо проводится в форме национального референдума (Австрия), либо проводятся новые президентские выборы, если во втором туре голосования остается только один кандидат на должность главы государства (Словакия)⁶. В случае выдвижения и регистрации только двух кандидатов на должность главы государства *президентские выборы проводятся в один тур голосования* (Черногория).

Законодательство подавляющего числа государств региона ОБСЕ не закрепляет явку избирателей в качестве одного из оснований признания президентских выборов состоявшимися. В некоторых государствах, наоборот, предусматривается проведение президентских выборов и определение кандидата избранным на должность главы государства *в увязке с явкой избирателей* (Белоруссия, Болгария, Литва, Северная Македония, Молдавия, Монголия, Таджикистан, Узбекистан). При этом в одних государствах явка избирателей имеет юридическое значение для признания президентских выборов или соответствующего тура (первого или второго либо обоих туров) голосования избирателей состоявшимися. В Белоруссии явка избирателей в первом и втором турах голосования должна составлять не менее 50 процентов, в Литве — не менее 50 процентов избирателей в первом туре голосования, в Монголии — не менее 50 процентов, в Таджикистане — не менее

⁶ В некоторых государствах Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Африканского континента конституциями и законодательством также предусматривается положение: если зарегистрирован только один кандидат на должность главы государства, президентские выборы (голосование избирателей) не проводятся, а зарегистрированный кандидат признается избранным главой государства (Алжир, Гайана, Сингапур).

В Египте после событий «арабской весны» 2011 г. и в соответствии с новым законодательством 2014 г. допускается проведение президентских выборов (голосование избирателей) на безальтернативной основе (ст. 35 Закона о выборах президента Египта).

50 процентов, в Северной Македонии — не менее 40 процентов, в Молдавии и Узбекистане — не менее 33 процентов (в первом туре голосования) [3].

В Белоруссии глава государства избирается по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства в обоих турах голосования, при этом для признания президентских выборов состоявшимися необходима явка более 50 процентов избирателей, и указанное требование предъявляется к обоим — *первому и второму — турам голосования*.

В Болгарии в соответствии с обновленным избирательным кодексом президентские выборы проводятся по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (первый тур голосования) в увязке с участием в голосовании не менее 50 процентов зарегистрированных избирателей для признания выборов состоявшимися.

В соответствии со статьей 81 Конституции Литвы избранным считается кандидат на должность президента, набравший *при первом голосовании (в первом туре голосования) и при участии в голосовании не менее половины всех избирателей свыше половины (более 50%) действительных голосов всех принявших участие в выборах избирателей*, либо набравший не менее одной трети голосов *всех зарегистрированных избирателей, независимо от числа избирателей, принявших участие в голосовании*. Если в первом туре голосования ни одним из кандидатов на должность президента не набрал необходимого большинства голосов, через две недели проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее число голосов избирателей. Избранным на должность президента Литвы считается кандидат, набравший большее число голосов избирателей (при этом требование к признанию голосования состоявшимся в аспекте явки избирателей не применяется, то есть голосование считается состоявшимся при любой явке избирателей). Если же в первом туре голосования приняло участие не более двух кандидатов на должность президента и ни один из них не набрал необходимого числа голосов избирателей, проводятся *повторные выборы*.

В Северной Македонии в соответствии с законодательством президентом избирается кандидат, получивший поддержку большинства проголосовавших избирателей *при условии, что в голосовании приняло участие не менее 40 процентов зарегистрированных избирателей*.

В Молдавии президентские выборы проводятся по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства в увязке с явкой избирателей (не менее 33% зарегистрированных избирателей в первом туре голосования) в качестве условия признания президентских выборов состоявшимися; во втором туре голосования явка избирателей не имеет юридического значения.

В Монголии в рамках мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства в первом и во втором турах голосования для признания голосования избирателей состоявшимся — при проведении повторного голосования на тех избирательных участках, на которых явка избирателей

была менее 50 процентов, — в голосовании должно принять участие не менее половины зарегистрированных избирателей.

В Таджикистане при проведении президентских выборов применяется мажоритарная избирательная система абсолютного большинства в первом туре и относительного большинства — во втором туре голосования. Здесь для признания президентских выборов состоявшимися в голосовании должно принять участие не менее 50 процентов зарегистрированных избирателей.

В Узбекистане в соответствии с законодательством *для того чтобы первый тур президентских выборов был признан состоявшимся, существует требование к явке избирателей, которое составляет 33 процента.*

При этом в отдельных государствах, наоборот, такая законодательная «связка» для признания президентских выборов состоявшимися была отменена (Азербайджан, Киргизия). Президент Азербайджана избирается по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства без увязки, как это было до 2018 года, с явкой избирателей в качестве условия признания президентских выборов состоявшимися. В Киргизии в соответствии со статьей 61 Конституции президент избирается на шесть лет по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства без увязки, как это было ранее, с явкой избирателей в качестве условия признания президентских выборов состоявшимися.

* * *

В ряде государств региона ОБСЕ предусматривается обнародование органом, организующим проведение выборов, промежуточных сведений о ходе голосования (явке) избирателей в день голосования на президентских выборах. Частотность такого обнародования различается. В одних случаях обнародование сведений о ходе голосования избирателей производится однократно и, как правило, в середине либо в начале второй половины дня голосования (Хорватия); в других — на более широкой интервальной основе и включает, чаще всего, трехразовое представление таких сведений в день голосования (Черногория) либо в иные регулярные интервалы (Казахстан, Молдавия); обнародование промежуточной явки избирателей в день голосования может быть связано с организационно-временной структурой процедуры голосования (Кипр).

В некоторых странах данные о ходе участия избирателей в голосовании предоставляются на регулярной основе с разбивкой *по возрасту и полу, в разрезе участия в голосовании избирателей за рубежом*, а также на время окончания процедуры голосования избирателей (Казахстан). В рамках *модели одноразового представления сведений о ходе голосования избирателей* (Польша, Хорватия) в Польше при проведении 28 июня 2020 года перенесенных с 10 мая из-за эпидемии коронавируса президентских выборов обновленным законодательством была предусмотрена так называемая *смешанная система голосования избирателей* — непосредственно в помещении для

голосования избирательного участка либо по почте (для лиц, находящихся на карантине). Голосование избирателей проводилось с 07:00 до 21:00 по местному времени, то есть продолжительность голосования составила 14 часов. По информации Государственной избирательной комиссии Польши *по состоянию на 12:00 местного времени* в голосовании приняло участие 24,08 процента избирателей (почти на 10% больше, чем при проведении последних президентских выборов в мае 2015 года – 14,61%).

В Хорватии при проведении 22 декабря 2019 года очередных президентских выборов явка избирателей также обнародовалась *один раз в день*. Голосование избирателей проводилось с 08:00 до 20:00 по местному времени, то есть продолжительность голосования составила 12 часов. Государственная избирательная комиссия Хорватии обнародовала информацию о том, что по состоянию на 16:30 по местному времени явка избирателей составила 38,82 процента, что было более чем на 2 процента больше, чем в ходе проведения выборов президента в 2014 году.

По модели *многоразового представления сведений о ходе голосования избирателей – от трех до шести раз* (Казахстан, Черногория) в Черногории при проведении 7 апреля 2013 года президентских выборов голосование избирателей проводилось с 08:00 до 20:00 по местному времени (продолжительность голосования – 12 часов). Государственная избирательная комиссия Черногории обнародовала промежуточную явку избирателей *три раза в день* по состоянию на 09:00, 12:00 и 17:00 по местному времени.

В Казахстане при проведении 9 июня 2019 года внеочередных выборов президента явка избирателей устанавливалась не три (как ранее), а *шесть раз*: по состоянию на 10:00 она составила 12,8 процента, на 12:00 – 35,1 процента, на 14:00 – 51,8 процента, на 16:00 – 65,9 процента, на 18:00 – 72,9 процента, на 20:00 – 77 процентов от общего числа избирателей, включенных в списки избирателей⁷. В 22:20 по местному времени 9 июня состоялось заседание ЦИК Республики Казахстан, где было сообщено о том, что в день голосования избирательные бюллетени получили 77,4 процента избирателей.

В рамках модели *голосования избирателей с учетом организационно-временной структуры дня голосования* на Кипре при проведении 17 февраля 2013 года очередных выборов президента голосование избирателей проводилось с 07:00 до 18:00 по местному времени (продолжительность голосования – 10 часов), а с 12:00 до 13:00 был официальный перерыв в проведении голосования. Промежуточная явка избирателей предоставлялась один раз по состоянию на 12:00 по местному времени (окончание первого временного отрезка голосования избирателей и начало официального перерыва до 13:00 в проведении голосования).

⁷ Аналогичный временной график обнародования информации о ходе голосования применялся при проведении 20 ноября 2022 года внеочередных выборов президента Казахстана.

* * *

В целом, в государствах региона ОБСЕ итоговая явка избирателей на президентских выборах различается, иногда весьма существенно (*см. таблицу*). В одних государствах она традиционно высокая, в других — традиционно низкая, в иных — нестабильна, а в ряде случаев неуклонно снижается. Как показывает электоральная практика, в группу государств региона ОБСЕ с *наибольшей явкой избирателей* (более 50% в первом туре голосования) на последних президентских выборах входит: Туркмения — 97,17 процента (2022 г.), Таджикистан — 85,44 процента (2020 г.), Турция — 84,15 процента (2023 г.), Белоруссия — 84,28 процента (2020 г.), Узбекистан — 79,88 процента (2023 г.), Азербайджан — 76,43 процента (2023 г.), Франция — 73,69 процента (2022 г.), Кипр — 72,04 процента (2023 г.), США — 70,75 процента (2020 г.), Чехия — 70,22 процента (2023 г.), Черногория — 70,14 процента (2023 г.), Казахстан — 69,44 процента (2022 г.), Польша — 68,18 процента (2020 г.), Финляндия — 67,58 процента (2024 г.), Исландия — 66,95 процента (2020 г.), Австрия — 65,19 процента (2022 г.), Украина — 62,07 процента (2019 г.), Армения — 60,09 процента (2013 г.; с 2018 г. выборы главы государства проводятся в рамках парламентских выборов), Монголия — 59,29 процента (2021 г.), Сербия — 58,40 процента (2022 г.), Литва — 57,37 процента (2019 г.), Грузия — 56,34 процента (2018 г.; с 2024 г. главу государства будут избирать на косвенных выборах), Хорватия — 54,99 процента (2019 г.), Босния и Герцеговина — 51,45 процента (2022 г.), Румыния — 51,18 процента (2019 г.)⁸.

В группу государств региона ОБСЕ с *наименьшей явкой избирателей* (т.е. менее 50%) на последних президентских выборах в первом туре голосования входит 7 государств: Болгария — 38,7 процента (2020 г.), Киргизия — 39,16 процента (2021 г.), Португалия — 39,24 процента (2021 г.), Ирландия — 43,87 процента (2018 г.), Северная Македония — 41,67 процента (2019 г.), Молдавия — 48,54 процента (2020 г.), Словакия — 48,74 процента (2019 г.).

В государствах обеих групп явка избирателей на президентских выборах, за редким исключением, довольно значительно снизилась — от 1,65 процента (Туркмения) до 47,03 процента (Киргизия).

В Киргизии, в целом, с 1995 года данное снижение составило 49,84 процента, в Болгарии — 36,47 процента (с 1992 г., при введении в 2016 г. обязательного избирательного права она снизилась на 17,58%),

⁸ В России в соответствии с законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в 2 тура голосования) в 1991 г. в голосовании приняло участие 74,66% избирателей, в 1996 г. — 68,88%, в 2000 г. — 68,64%, в 2004 г. — 64,39%, в 2008 г. — 69,71%, в 2012 г. — 65,27%, в 2018 г. — 67,50%. Таким образом, за указанный период наблюдается тенденция незначительного снижения уровня участия избирателей в голосовании, а именно: на 7,16%. В современной электоральной истории президентских выборов в России (с 1991 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1991 году — 74,66%, наименьшая — в 2004 г. — 64,39%.

№ п/п	Государство	Явка избирателей на последних президентских выборах (в %)	Рост/снижение явки избирателей по сравнению с соответствующим годом проведения президентских выборов (в %)
1	Австрия	65,19 (2022 г.)	-19,17 (с 1992 г.)
2	Азербайджан	76,43 (2024 г.)	-9,27 (с 1991 г.)
3	Албания	косвенные выборы	
4	Андорра	коллективный глава государства по должности	
5	Армения	60,09 (2013 г.) с 2018 г. выборы главы государства проводятся в рамках парламентских выборов	-9,91 (с 1991 г.)
6	Белоруссия	84,28 (2020 г.)	+14,35 (с 1994 г.)
7	Бельгия	монарх — глава государства	
8	Болгария	38,70 (2021 г.)	-36,47 (с 1992 г.) -17,58 (с 2016 г. — введение обязательного участия избирателей в голосовании)
9	Босния и Герцеговина	51,45 (2022 г.)	-23,97 (с 1990 г.)
10	Великобритания	монарх — глава государства	
11	Венгрия	косвенные выборы	
12	Греция	косвенные выборы	
13	Грузия	56,34 (2018 г.) с 2024 г. — косвенные выборы	-26,25 (с 1991 г.)
14	Дания	монарх — глава государства	
15	Ирландия	43,87 (2018 г.)	-20,27 (с 1990 г.)
16	Исландия	66,95 (2020 г.)	-18,99 (с 1996 г.)
17	Испания	монарх — глава государства	
18	Италия	косвенные выборы	
19	Казахстан	69,44 (2022 г.)	-18,79 (с 1991 г.)
20	Канада	монарх Великобритании — глава государства	
21	Кипр	72,04 (2023 г.)	-20,82 (с 1993 г.)
22	Киргизия	39,16 (2021 г.)	-49,84 (с 1991 г.)
23	Латвия	косвенные выборы	
24	Литва	57,37 (2019 г.)	-27,74 (с 1993 г.)
25	Лихтенштейн	монарх — глава государства	
26	Люксембург	монарх — глава государства	
27	Северная Македония	41,67 (2019 г.)	-30,00 (с 1994 г.)

№ п/п	Государство	Явка избирателей на последних президентских выборах (в %)	Рост/снижение явки избирателей по сравнению с соответствующим годом проведения президентских выборов (в %)
28	Мальта	косвенные выборы	
29	Молдавия	48,54 (2020 г.)	-1,63 (с 2016 г.)
30	Монако	монарх — глава государства	
31	Монголия	59,29 (2021 г.)	-33,44 (с 1993 г.)
32	Нидерланды	монарх — глава государства	
33	Норвегия	монарх — глава государства	
34	Польша	68,18 (2020 г.)	+14,78 (с 1992 г.)
35	Португалия	39,24 (2021 г.)	-27,05 (с 1996 г.)
36	Россия	67,50 (2018 г.)	-7,16 (с 1991 г.)
37	Румыния	51,18 (2019 г.)	-24,72 (с 1996 г.)
38	Сан-Марино	косвенные выборы	
39	Сербия	58,40 (2022 г.)	-9,72 (с 2006 г.)
40	Словакия	48,74 (2019 г.)	-26,58 (с 1999 г.)
41	Словения	51,74 (2022 г.)	-34,10 (с 1992 г.)
42	США	70,75 (2020 г.)	-11,51 (с 1992 г.)
43	Таджикистан	85,44 (2020 г.)	-1,05 (с 1991 г.)
44	Туркмения	97,17 (2022 г.)	+0,46 (с 1990 г.)
45	Турция	84,15 (2023 г.)	+10,02 (с 2014 г.)
46	Узбекистан	79,88 (2023 г.)	-14,28 (с 1991 г.)
47	Украина	62,07 (2019 г.)	-22,13 (с 1991 г.)
48	Финляндия	67,58 (2024 г.)	-9,38 (с 1994 г.)
49	Франция	73,69 (2022 г.)	-5,99 (с 1995 г.)
50	ФРГ	косвенные выборы	
51	Хорватия	54,99 (2019 г.)	-19,91 (с 1992 г.)
52	Черногория	70,14 (2023 г.)	+3,76 (с 1997 г.)
53	Чехия	70,22 (2023 г.)	+11,14 (с 2013 г.)
54	Швейцария	косвенные выборы	
55	Швеция	монарх — глава государства	
56	Эстония	косвенные выборы	
	ИТОГО	В 34 государствах региона ОБСЕ проводятся всеобщие и прямые выборы главы государства	В 28 государствах явка избирателей снизилась, в 6 — повысилась

в Словении — 34,1 процента (с 1992 г.), в Монголии — 33,44 процента (с 1993 г.), в Португалии — 27,05 процента (с 1996 г.), в Северной Македонии — 30 процентов (с 1994 г.), в Словакии — 26,58 процента (с 1999 г.), в Хорватии — 19,91 процента (с 1992 г.), в Грузии — 26,25 процента (с 1995 г. по 2018 г.), в Литве — 27,74 процента (с 1993 г.), в Румынии — 24,72 процента

(с 1996 г.), в Боснии и Герцеговине — 23,97 процента (с 1996 г.), на Украине — 22,13 процента (с 1994 г.), в Кипре — 20,82 процента (с 1993 г.), в Ирландии — 20,27 процента (с 1990 г.), в Австрии — 19,17 процента (с 1998 г.), в Исландии — 18,99 процента (с 1996 г.), в Казахстане — 18,79 процента (с 1999 г.), в Узбекистане — 14,28 процента (с 1991 г.), в США — 11,51 процента (с 1992 г.), в Сербии — 9,72 процента (с 2006 г.), в Финляндии — 9,38 процента (с 1994 г.), в Азербайджане — 9,27 процента (с 1991 г.), во Франции — 5,99 процента (с 1995 г.), в Молдавии — 1,63 процента (с 2016 г.), в Таджикистане — 1,05 процента (с 1994 г.) [3].

В Армении, как уже отмечалось, с 2018 года осуществлен переход к модели выборов президента при проведении парламентских выборов, когда кандидат под первым номером списка кандидатов победившей политической партии автоматически становится главой государства. До этого на последних в 2013 году всеобщих и прямых президентских выборах явка избирателей составила 60,18 процента. По сравнению с 1996 годом она упала всего на 0,14 процента, что является своеобразным электоральным рекордом (в целом, с 1991 г. она, однако, снизилась на 9,91%).

В таких странах, как, например, Польша, явка избирателей, наоборот, выросла на 14,78 процента (с 1992 г.), в Белоруссии этот показатель составил 14,35 процента (с 1994 г.), в Чехии — 11,14 процента (с 2013 г.), в Турции — 10,02 процента (с 2014 г.), в Черногории — 3,76 процента (с 1997 г.), в Туркменинии — 0,46 процента (с 1990 г.).

* * *

В современной электоральной истории государств региона ОБСЕ наибольшая явка избирателей была в Туркменинии: при проведении в 1992 году президентских выборов она составила 99,82 процента; наименьшая — в Болгарии: в 2021 году она составила 38,7 процента⁹.

В большинстве стран ОБСЕ участие в голосовании на президентских выборах является правом избирателя (в 32 государствах), тогда как в Болгарии оно считается обязанностью¹⁰, в Турции — обязательным, а в Португалии — гражданским долгом. Однако, как выше было сказано, среди государств

⁹ В мировой электоральной практике наименьшая явка избирателей была зафиксирована на президентских выборах в Гаити — 18,11% (2016 г.).

¹⁰ В апреле 2016 г. в Избирательный кодекс Болгарии были внесены изменения, предусматривающие, в частности, введение положения об обязательном участии избирателей в голосовании (т.е. так называемое обязательное избирательное право) в связи с хронически низкой явкой избирателей на выборах и необходимостью повышения уровня легитимации выборов. Обновленная законодательная формулировка закрепляет: «Голосование является обязательным, осуществляется лично избирателем и является проявлением его гражданского долга».

За неучастие в голосовании для работающих избирателей предусматривается ответственность в виде штрафа в размере 50 левов (около 25 евро), для безработных — лишение социального пособия сроком на три месяца, при этом для инвалидов и избирателей старше 80 лет какие-либо меры ответственности за неучастие в голосовании законодательством не предусмотрены.

региона именно в Болгарии явка избирателей на последних президентских выборах — в условиях введения обязательного избирательного права — оказалась самой низкой (38,70% — 2020 г.). В Португалии явка избирателей на последних президентских выборах также имеет один из самых низких показателей (39,24% — 2021 г.), при этом по сравнению с 1996 годом она снизилась на 27,05 процента.

По электоральной практике президентские выборы в регионе (в рамках мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства) проводятся, как правило, в два тура (Болгария, Кипр, Литва, Северная Македония, Молдавия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Финляндия¹¹, Франция, Хорватия, Чехия). При этом явка избирателей в указанной группе во втором туре голосования, обычно, выше, чем в первом; такое превышение варьируется, в частности, от 0,15 процента (Финляндия — 1994 г.) до 13,29 процента (Болгария — 2001 г.).

По мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства при проведении президентских выборов кандидат на должность главы государства признавался избранным чаще всего в первом туре голосования избирателей (Австрия, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Монголия, Португалия, Сербия — в 2017 и 2022 годах, Таджикистан, Туркмения, Турция — за исключением выборов 2023 года, Узбекистан, Черногория).

В Боснии и Герцеговине, Ирландии, Исландии, США на президентских выборах применяется мажоритарная избирательная система относительного большинства или иные избирательные системы, предусматривающие проведение голосования избирателей в один тур. В Армении выборы президента осуществляются на основе и в рамках парламентской избирательной системы, всеобщих и прямых парламентских выборов.

В европейской электоральной практике известны два так называемых квазислучая повторного проведения голосования избирателей во втором туре президентских выборов. В Австрии в 2016 году в соответствии с решением федерального конституционного суда, признавшего недействительными результаты голосования на президентских выборах во втором туре, повторно проводился второй тур голосования, в результате которого был избран федеральный президент. На Украине в 2004 году в связи с судебным признанием недействительными итогов голосования во втором туре президентских выборов был проведен (по инициативе БДИПЧ ОБСЕ) так называемый третий тур голосования избирателей, не предусмотренный законодательством о президентских выборах, в соответствии с результатами которого был избран президент Украины.

¹¹ В Финляндии практически все президентские выборы проводились в два тура голосования, за исключением выборов 2018 г., когда кандидат на должность президента Финляндии был избран в первом туре: тогда главой государства стал Саули Ниинистё, получивший 62% действительных голосов избирателей.

В 2024 году очередные либо досрочные президентские выборы проводятся в 9 государствах региона ОБСЕ (Азербайджан — досрочные выборы, Исландия, Литва, Северная Македония, Россия, Словакия, США, Финляндия, Хорватия)¹².

* * *

В Австрии в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах федерального президента является *правом избирателя*. До 1945 года президент избирался на косвенных выборах, затем — на всеобщих и прямых выборах. В новейший политический период в Австрии все президентские выборы были многокандидатурными: в 1998 году было зарегистрировано 5 кандидатов на должность федерального президента, в 2004 году — 2, в 2010 году — 3, в 2016 году — 6, в 2022 году — 7. Все президентские выборы проводились в один тур голосования (1998, 2004, 2010, 2022 гг.), за исключением 2016 года¹³.

В Австрии законодательно закреплено положение о том, что *если на выборах федерального президента баллотируется только один кандидат, то выборы должны быть проведены в форме голосования за или против кандидата*, то есть фактически в форме национального референдума.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования), в которых принимает участие два и более кандидата на должность федерального президента, в 1992 году в голосовании приняло участие 84,36 (первый тур голосования) и 80,91 процента (второй тур) избирателей, в 1998 году — 74,4, в 2004 году — 71,6, в 2010 году — 53,57, в 2016 году — 72,21, в 2022 году — 65,19 процента. Таким образом, за указанный период наблюдается снижение уровня участия избирателей в голосовании, а именно: на 15,72 процента. В современной электоральной истории президентских выборов в Австрии (с 1951 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1957 году — 97,16 процента, наименьшая — в 2010 году — 53,57 процента.

¹² В 2024 г. в 41 государстве и территории проводятся президентские выборы, кроме вышеперечисленных в Азиатско-Тихоокеанском регионе президентские выборы проводятся в 8 государствах и территориях (Индонезия, Кирибати, Макао, Пакистан, Палау, Тайвань, Фиджи, Шри-Ланка), на Африканском континенте — в 18 государствах (Алжир, Буркина-Фасо, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Коморские острова, Маврикий, Мавритания, Мали, Мозамбик, Намибия, Руанда, Сенегал, Сомалиленд, Южный Судан, Тунис, Чад, Эфиопия), в Америке — в 6 государствах (Венесуэла, Доминикана, Мексика, Панама, Сальвадор, Уругвай).

¹³ В 2016 г. впервые в австрийской электоральной практике результаты президентских выборов, проведенных 24 апреля и 22 мая, были признаны Конституционным судом Австрии недействительными в связи с нарушением тайны голосования при подсчете голосов избирателей, проголосовавших по почте. Повторное проведение голосования на президентских выборах первоначально было запланировано на 2 октября, затем в связи с плохим качеством клея для запечатывания конвертов с вложенными в них избирательными бюллетенями избирателей, проголосовавших по почте, было перенесено, и новые президентские выборы (повторное проведение второго тура голосования) были проведены 4 декабря 2016 г.

В **Азербайджане** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. В новейшей политической истории Азербайджана все президентские выборы были многокандидатурными, только в 1991 году был зарегистрирован один кандидат на должность президента страны, который и был избран. В 1992 году кандидатов на должность президента было 5, в 1993 году — 3, в 1998 году — 6, в 2003 году — 8, в 2008 году — 7, в 2013 году — 10, в 2018 году — 8, в 2024 году — 7.

Все президентские выборы в Азербайджане проводились в один тур. При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1991 году в голосовании приняло участие 85,7 процента избирателей, в 1992 году — 97,07, в 1993 году — 97,6, в 1998 году — 78,92, в 2003 году — 71,23, в 2008 году — 75,35, в 2013 году — 71,63, в 2018 году — 74,24, в 2024 году — 76,43 процента. Таким образом, за указанный период (с 1991 г.) наблюдается снижение уровня участия избирателей в голосовании на 9,27 процента. Здесь наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1993 году — 97,6 процента, наименьшая — в 2003 году — 71,23 процента.

В **Армении** в соответствии с законодательством до 2018 года проводились всеобщие и прямые президентские выборы, и участие в голосовании на выборах президента являлось *правом избирателя*¹⁴. В новейшей политической истории этой страны (с 1991 г.) все президентские выборы были альтернативными: здесь в 1991 году было зарегистрировано 6 кандидатов на должность президента, в 1996 году — 4 кандидата, в 1998 — 12 кандидатов, в 2003 — 9, в 2008 — 9, в 2013 — 7 кандидатов. Президентские выборы проводились в один тур голосования (за исключением президентских выборов 1998 года и 2003 года, когда выборы главы государства были проведены в два тура голосования избирателей).

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1991 году в голосовании приняло участие 70 процентов избирателей, в 1996 году — 59,21, в 1998 году — 63,48 (первый тур голосования) и 68,14 процента (второй тур голосования), в 2003 году — 63,21 (первый тур голосования) и 67,04 процента (второй тур голосования), в 2008 году — 72,14, в 2013 году — 60,09 процента. Таким образом, за указанный период наблюдалось снижение уровня участия избирателей в голосовании на 9,91 процента.

¹⁴ В соответствии с обновленным законодательством с 2018 г. осуществлен переход к избранию главы государства от всеобщих и прямых президентских выборов к проведению голосования в рамках парламентских выборов, когда кандидат под первым номером в списке кандидатов победившей политической партии становится президентом Армении.

Наибольшая явка избирателей в Армении была зафиксирована в 1991 году — 70 процентов, наименьшая — в 1996 году — 59,21 процента.

В Белоруссии в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. Здесь все президентские выборы были альтернативными: в 2001 году было зарегистрировано 3 кандидата на должность президента Белоруссии, в 2006 году — 4, в 2010 году — 10 кандидатов, в 2015 году — 4 кандидата, в 2020 году — 5 кандидатов. Все президентские выборы в этой стране проводились в один тур голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1994 году в Белоруссии в голосовании приняло участие 69,90 процента избирателей, в 2001 году — 83,86, в 2006 году — 92,94, в 2010 году — 90,65, в 2015 году — 87,22, в 2020 году — 84,28 процента. Таким образом, за указанный период наблюдается рост на 14,35 процента уровня участия избирателей в голосовании. В истории президентских выборов в Белоруссии (с 1994 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 2006 году — 92,94 процента, самая низкая — в 1994 году (69,9 процента).

В Болгарии в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента и вице-президента — *обязанность избирателя*. Здесь с 1992 года все президентские выборы были альтернативными, — в частности, в 2001 году было зарегистрировано 6 пар кандидатов на должность президента и вице-президента, в 2006 году — 7, в 2011 году — 18, в 2016 году — 21, в 2021 году — 23. Все президентские выборы в Болгарии проводились в два тура голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1992 году в голосовании приняло участие 75,17 процента избирателей, в 1996 году — 49,79, в 2001 году — 54,92, в 2006 году — 42,62, в 2011 году — 48,25, в 2016 году — 56,28, в 2021 году — 38,70 процента. Таким образом, несмотря на законодательное закрепление голосования как обязанности граждан, наблюдается резкое снижение уровня участия избирателей в голосовании — на 17,58 процента, а по сравнению с 1992 годом — на 36,47 процента. Наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1992 году — 75,17 процента, а наименьшей она оказалось в 2021 году — 38,7 процента.

В Боснии и Герцеговине участие в голосовании на квотных выборах трех этнических (босняка, хорвата, серба) членов Президиума Боснии и Герцеговины (коллективного главы государства) является *правом избирателя*. Начиная с 1990 года выборы членов Президиума Боснии и Герцеговины были многокандидатурными: в 1990 году было выдвинуто 9 кандидатов-босняков,

7 кандидатов-хорватов и 7 кандидатов-сербов, кроме того, баллотировались 5 других кандидатов; в 1996 году выдвигались 8 кандидатов-босняков, 4 кандидата-хорвата и 4 кандидата-серба; в 1998 году, соответственно, 4, 5 и 3; в 2002 году — 11, 8 и 16; в 2006 году — 6, 6 и 11; в 2010 году — 9, 7 и 3; в 2014 году — 10, 4 и 3; в 2018 году — 6, 5 и 4; в 2022 году — 3, 2 и 5. В соответствии с законодательством выборы Президиума Боснии и Герцеговины проводятся в один тур голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе относительного большинства (в один тур голосования) в 1990 году в голосовании приняло участие 74,42 процента избирателей, в 1996 году — 80,42, в 1998 году — 67,87, в 2002 году — 55,45, в 2006 году — 55,31, в 2010 году — 56,57, в 2014 году — 54,57, в 2018 году — 54,02, в 2022 году — 51,45 процента. Цифры говорят в том числе и о том, что за указанный период наблюдается тенденция значительного снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 23,97 процента. Наивысшей явки граждан на выборы избирательная система Боснии и Герцеговины добивалась в 1996 году — 80,42 процента, наименьшей она получилась в 2022 году — 51,45 процента.

В **Грузии** до 2024 года участие в голосовании на выборах президента являлось *правом избирателя* (затем, в соответствии с обновленным законодательством с 2024 года будут проводиться косвенные выборы президента Грузии). Здесь президентские выборы практически каждый раз были альтернативными: в 1991 году было зарегистрировано 4 кандидата на должность президента Грузии, в 1992 году — 1 кандидат, в 1995 году — 6 кандидатов, в 2000 году — 6, в 2004 году — 6, в 2008 году — 7, в 2013 году — 23, в 2018 году — 25. Все президентские выборы проводились в один тур голосования за исключением последних всеобщих и прямых президентских выборов 2018 года.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1991 году в голосовании приняло участие 82,59 процента избирателей, в 1992 году — 74,17, в 1995 году — 68,29, в 2000 году — 75,86, в 2004 году — 87,97, в 2008 году — 56,19, в 2013 году — 46,95, в 2018 году — 46,81 (первый тур) и 56,34 процента (второй тур голосования).

Здесь также преобладает тенденция существенного снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 26,25 процента. В истории президентских выборов в Грузии (с 1995 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 2004 году — 87,97 процента, наименьшая — в 2018 году — 56,34 процента.

В **Ирландии** участие в голосовании на выборах президента — *право избирателя*. В новейшей электоральной истории этой страны президентские

выборы в основном проходили на альтернативной основе: в 1990 году было зарегистрировано 3 кандидата на должность президента, в 1997 году — 4, в 2011 году — 7 кандидатов, в 2019 году — 6. При этом *в соответствии с законодательством при участии в президентских выборах только одного зарегистрированного кандидата голосование избирателей не проводится, и кандидат автоматически считается избранным на должность президента Ирландии*. На практике безальтернативное избрание кандидата на должность президента Ирландии было 6 раз: в 1938, 1952, 1974, 1976, 1983 и в 2004 годах¹⁵.

При проведении президентских выборов в рамках избирательной системы единственного передаваемого голоса (в один тур) в 1990 году в голосовании приняло участие 64,1 процента избирателей, в 1997 году — 47,6, в 2011 году — 56,11, в 2018 году — 43,87 процента. Ирландия также входит в число стран, в которых очевидна тенденция резкого и значительного снижения уровня участия избирателей в голосовании — здесь оно составляет 20,27 процента. Наивысшая явка избирателей была в Ирландии в 1990 году — 64,1 процента, а наименьшая — в 2018 году — 43,87 процента.

В Исландии в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. Здесь президентские выборы, как правило, проходят на альтернативной основе: в 1996 году было зарегистрировано 4 кандидата на должность президента, в 2004 году — 3, в 2012 году — 6 кандидатов, в 2016 году — 9, в 2020 году — 2 кандидата. При этом *в соответствии с законодательством, в случае, если имеется только один зарегистрированный кандидат, он считается законно избранным президентом Исландии без голосования избирателей*¹⁶. В истории исландских выборов такая ситуация повторялась 10 раз: в 1945, 1949, 1956, 1960, 1964, 1972, 1984, 1992, 2000, 2008 годах (во всех указанных случаях единственным кандидатом на должность президента выступал действующий глава государства, баллотировавшийся на новый срок).

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе относительного большинства (в один тур) в 1996 году в голосовании приняло участие 85,94 процента избирателей, в 2004 году — 62,92, в 2012 году — 69,32, в 2016 году — 75,7, в 2020 году — 66,95 процента¹⁷. Таким

¹⁵ При проведении 30 октября 2004 г. очередных выборов президент Ирландии Мэри Маккалис выдвинула свою кандидатуру в порядке самовыдвижения и была единственным зарегистрированным кандидатом: в соответствии с законодательством по завершении 1 октября календарного периода выдвижения и регистрации кандидатов она была объявлена избранной на должность главы государства.

¹⁶ В 2010 г. была инициирована конституционная реформа, которая среди прочего предусматривала изменение избирательной системы при проведении выборов президента Исландии с тем, чтобы при большом числе кандидатов глава государства не был избран незначительным числом голосов избирателей, то есть *предусматривался переход к мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства*; однако, указанная реформа не была проведена.

¹⁷ Очередные президентские выборы должны состояться 1 июня 2024 г.

образом, за указанный период видна тенденция существенного снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 18,99 процента.

В современной истории президентских выборов (с 1996 г.) наивысшая явка избирателей в Исландии была зафиксирована в 1996 году — 85,94 процента, наименьшая — в 2004 году — 62,92 процента.

В **Казахстане** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента Казахстана — *право избирателя*. В этой стране с 1991 года президентские выборы в основном были многокандидатурными (за исключением выборов 1991 года, когда был зарегистрирован только один кандидат): в 1999 году было зарегистрировано 4 кандидата на должность президента Казахстана, в 2005 году — 5 кандидатов, в 2011 году — 4 кандидата, в 2015 году — 3, в 2019 году — 7 кандидатов, в 2022 году — 6. Во всех случаях президентские выборы проводились в один тур голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1991 году в голосовании приняло участие 88,23 процента избирателей, в 1999 году — 87,05, в 2005 году — 76,78, в 2011 году — 89,99, в 2015 году — 95,21, в 2019 году — 77,54, в 2022 году — 69,44. Таким образом, и здесь за рассматриваемый период сохраняется тенденция значительного снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 18,79 процента.

Наивысшая явка избирателей в Казахстане была зафиксирована в 2015 году — 95,21 процента, наименьшая — в 2022 году — 69,44 процента.

В **Кипре** Конституция и законодательство участие в голосовании на выборах президента определяют как *право избирателя*. В данной стране с 1998 года все президентские выборы проходили с участием нескольких претендентов: в 1998 году было зарегистрировано 8 кандидатов на должность президента, в 2003 году — 10, в 2008 году — 9, в 2013 году — 11, в 2018 году — 9, в 2023 году — 14. Все президентские выборы проводились в два тура (за исключением 2003 г., когда президент был избран в первом туре). При этом в соответствии с законодательством, *в случае, если выдвинут и зарегистрирован лишь один кандидат, он провозглашается избранным на должность президента Кипра*.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура) в 1993 году в голосовании приняло участие 93,27 процента избирателей, в 1998 году — 91,72 (первый тур) и 93,37 процента (второй тур), в 2003 году — 90,55, в 2008 году — 89,62 (первый тур) и 90,84 процента (второй тур), в 2013 году — 81,85, в 2018 году — 71,88 (первый тур) и 73,97 процента (второй тур), в 2023 году — 72,05 (первый тур) и 72,45 процента (второй тур голосования). Цифры говорят о существенном снижении уровня

участия избирателей в голосовании — на 20,82 процента. В истории этой республики наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1998 году — 93,37 процента, наименьшая в 2023 году — 72,04 процента.

При проведении двухтуровых президентских выборов *явка избирателей во втором туре голосования зачастую превышала уровень первого тура*; только в 2013 году явка избирателей во втором туре голосования была *ниже, чем в первом туре*.

В **Киргизии** участие в голосовании на выборах президента законодательно закреплено как *право избирателя*. Здесь президентские выборы почти каждый раз проходили на альтернативной основе (исключение составили выборы 1991 года, когда был зарегистрирован только один кандидат): в 1995 году было зарегистрировано 3 кандидата на должность президента Киргизии, в 2000 году — 6 кандидатов, в 2005 году — 6, в 2009 году — 6, в 2011 году — 16, в 2017 году — 11, в 2021 году — 17. Все президентские выборы проводились в один тур.

При мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1991 году в голосовании приняло участие 89 процентов избирателей, в 1995 году — 86,19 процента, в 2000 году — 78,4, в 2005 году — 72,52, в 2009 году — 79,2, в 2011 году — 61,29, в 2017 году — 56,32, в 2021 году — 39,16 процента. Иначе говоря, очевидна тенденция к более чем существенному снижению явки избирателей, которая практически граничит с массовым абсентеизмом и составляет 49,84 процента. Об этом же свидетельствуют электоральные факты: наивысшая явка избирателей в Киргизии была зафиксирована в 1991 году — 89 процентов, наименьшая — в 2021 году — 39,16 процента.

В **Литве** участие в голосовании на выборах президента — *право избирателя*. В этой стране все президентские выборы были альтернативными: в 1993 году было зарегистрировано 2 кандидата на должность президента, в 1998 году — 7 кандидатов, в 2003 году — 17, в 2004 году (досрочные выборы) — 5, в 2009 году — 7, в 2014 году — 7, в 2019 году — 9. В основном президентские выборы проводились в два тура (за исключением 1993 г. и 2009 г., когда выборы главы государства были проведены в один тур).

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1993 году в голосовании приняло участие 78,62 процента избирателей, в 1998 году — 73,66, в 2003 году — 52,65, в 2004 году — 52,46, в 2009 году — 47,37, в 2014 году — 47,37, в 2019 году — 53,88 процента¹⁸. В рамках двухтуровых президентских выборов в 1998 году в первом туре голосования приняло участие 71,45 процента избирателей, во втором

¹⁸ Очередные президентские выборы должны состояться в мае 2024 года.

туре — 73,66 процента, то есть на 2,21 процента больше, чем в первом туре; в 2003 году — соответственно, 53,95 и 52,65 процента (то есть, наоборот, — на 1,3 процента меньше, чем в первом туре); в 2004 году (досрочные выборы в связи с импичментом президента Р. Паскаса) — 48,4 и 52,46 процента (4,06%, чем во втором туре), в 2009 году — 52,23 и 47,37 процента (и опять, наоборот, — на 4,86% меньше, чем в первом туре); в 2019 году — 57,37 и 53,88 процента, — во втором туре на 3,49 процента меньше, чем в первом.

Наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была зафиксирована в 1998 году — 73,66 процента, наименьшая — в 2009 году — 47,37 процента; при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был в 2004 году (+4,06%), наименьший — в 1998 году (+2,21%). В Литве также преобладает тенденция к серьезному снижению участия избирателей в голосовании — на 24,74 процента. Здесь наивысшая явка избирателей была отмечена в 1993 году — 78,62 процента, наименьшая в 2014 году — 47,37 процента [3].

В **Северной Македонии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. В этой стране при мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости выборы проводятся в два тура) в 1994 году в голосовании приняло участие 76,65 процента избирателей, в 1999 году — 65,12 (первый тур) и 69,1 процента (второй тур), в 2004 году — 55,18 (первый тур) и 53,64 процента (второй тур), в 2009 году — 56,88 (первый тур) и 42,63 процента (второй тур), 2014 году — 48,87 (первый тур) и 54,38 процента (второй тур), в 2019 году — 41,67 (первый тур) и 46,65 процента (второй тур)¹⁹. Тенденция резкого и значительного снижения уровня участия избирателей в голосовании здесь довольно высока — 30 процентов. Наивысшая явка избирателей в Северной Македонии была зафиксирована в 1994 году — 76,65 процента, наименьшая — в 2009 году — 42,63 процента.

По пяти двухтуровым президентским выборам можно обратить внимание на следующие показатели: в 1999 году в первом туре в голосовании приняло участие 65,12 процента избирателей, во втором — 69,10 процента, то есть на 3,98 процента больше, чем в первом туре; в 2014 году — соответственно, 48,87 и 54,38 процента (+3,51%), в 2019 году — 41,67 и 46,65 процента (+4,98%). В 2004 году в первом туре в голосовании, наоборот, приняло участие больше избирателей, чем во втором: 55,18 процента против 53,64 процента (на 1,54 процента больше, чем во втором туре); в 2009 году — соответственно, 56,88 и 53,64 процента (-4,15%).

¹⁹ Очередные президентские выборы должны состояться в мае 2024 года.

Здесь наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 1999 году — 69,1 процента, наименьшая в 2009 году — 42,63 процента; наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был в 2019 году (+4,98%), наименьший — в 2014 году (+3,52%).

В **Молдавии** в соответствии с Конституцией и законодательством всеобщие и прямые президентские выборы проходили в 1991 и в 1996 годах. Затем, в рамках конституционной реформы до 2016 года президент избирался парламентом на косвенных выборах. После этого вновь стали проводиться всеобщие и прямые выборы главы государства. На этой основе в соответствии с законодательством с 2016 года участие в голосовании на всеобщих и прямых выборах президента Молдавии является *правом избирателя*. С 1991 года президентские выборы в республике в основном были многокандидатурными (только в 1991 году был зарегистрирован один кандидат, который и был избран главой государства): в 1996 году было зарегистрировано 9 кандидатов на должность президента, в 2016 году — также 9, в 2020 году — 8. Выборы (за исключением выборов 1991 г.) проводились в два тура голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура) в 1996 году в голосовании приняло участие 68,13 (первый тур) и 71,64 процента избирателей (второй тур), в 2016 году — 49,18 (первый тур) и 53,45 процента (второй тур), в 2020 году — 45,68 (первый тур) и 55,08 процента (второй тур).

С 2016 года в Молдавии наблюдается снижение явки избирателей в первом туре голосования — на 4,05 процента, и повышение во втором туре — на 1,63 процента, а с 1996 года — снижение составляет 16,56 процента. Наибольшая явка избирателей была зафиксирована в 1991 году — 83,96 процента, наименьшая — в 2020 году — 45,68 процента (первый тур голосования). На практике *явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом туре*: в 1996 году в первом туре в голосовании приняло участие 68,13 процента избирателей, во втором — 71,61 процента, то есть на 3,48 процента больше, чем в первом туре голосования; в 2016 году эти показатели составили, соответственно, 49,18 и 53,45 процента (+4,33%); в 2020 году — 45,68 и 55,08 процента (+9,40%). Таким образом, наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 1996 году (71,61%), наименьшая — в 2016 году (53,45%); а наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура) был в 2020 году (+9,40%), наименьший — в 1996 году (+3,48%).

В **Монголии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента — *право избирателя*. Все

президентские выборы здесь были альтернативными, но малокандидатурными: в 1993 году было зарегистрировано 2 кандидата на должность президента, в 1997 году — 3, в 2001 — 3, в 2005 — 4, в 2009 — 2, в 2013 — 3, в 2017 — 3, в 2021 году — 3. Президентские выборы проводились в один тур голосования (за исключением 2017 г.).

При мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1993 году в голосовании приняло участие 92,73 процента избирателей, в 1997 году — 85,06, в 2001 году — 82,94, в 2005 году — 74,98, в 2009 году — 73,59, в 2013 году — 66,79, в 2017 году — 68,27 (первый тур голосования) и 60,67 процента (второй тур), в 2021 году — 59,29 процента. И в этой стране уровень участия избирателей в голосовании близок к масштабному абсентеизму: тенденция к его снижению составляет 33,44 процента. Наивысшая явка избирателей на президентских выборах в Монголии была зафиксирована в 1991 году (92,73%), наименьшая — в 2021 году (59,29%) [1].

В Польше в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. Здесь все без исключения президентские выборы были многокандидатурными: в 1990 году было зарегистрировано 6 кандидатов на должность президента, в 1995 — 13, в 2000 — 12, в 2005 — 12, в 2010 — 10, в 2015 — 11, в 2020 году — 11. Практически все президентские выборы проводились в два тура голосования (за исключением 2000 г.).

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1990 году в выборах приняло участие 53,4 процента избирателей (второй тур), в 1995 году — 68,23 процента (второй тур), в 2000 году — 61,12 процента (президент был избран в первом туре голосования), в 2005 году — 50,99 процента (второй тур), в 2010 году — 55,30 процента (второй тур), в 2015 году — 55,34 процента (второй тур), в 2020 году — 68,18 процента (второй тур). В отличие от многих стран региона в Польше в последние годы наблюдается рост уровня участия избирателей в голосовании. Здесь он составляет 14,78 процента.

В современной электоральной истории президентских выборов в Польше (с 1990 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1995 году — 68,28 процента, наименьшая — в 2005 году — 55,34 процента.

При проведении двухтуровых президентских выборов, как правило, *явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом*, при этом только на первых президентских выборах 1990 года явка избирателей во втором туре голосования была *ниже, чем в первом туре*.

Так, в 1990 году в первом туре в голосовании приняло участие 60,63 процента избирателей, во втором туре — 53,4 процента, то есть на 7,23 процента

меньше, чем в первом туре голосования; в 1995 году в голосовании приняло участие 64,7 и 68,23 процента (+3,53%), в 2005 году — 49,72 и 50,98 процента (+1,26%), в 2010 году — 54,92 и 55,30 процента (+0,38%), в 2015 году — 48,96 и 55,34 процента (+1,38%), в 2020 году — 64,51 процента и 68,18 процента (+3,67%) избирателей.

Наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 1995 году — 68,23 процента, наименьшая — в 2005 году — 50,98 процента, при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был в 2020 году (+3,67%), наименьший — в 2010 году (+0,38%).

В **Португалии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента закреплено как *гражданский долг избирателя*. В новейшей политической истории Португалии все президентские выборы были альтернативными: в частности, в 1996 году было зарегистрировано 2 кандидата на должность президента, в 2001 году — 5, в 2006 году — 6, в 2011 году — 6, в 2016 году — 10, в 2021 году — 7. В то же время все президентские выборы проводились в один тур голосования.

При проведении президентских выборов в стране применяется мажоритарная избирательная система абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования)²⁰. В 1996 году в голосовании приняло участие 66,29 процента избирателей, в 2001 году — 49,71, в 2006 году — 61,53, в 2011 году — 46,52, в 2016 году — 48,7 и в 2021 году — 39,24 процента.

Несмотря на то, что право голоса избирателя в Португалии закрепляется как гражданский долг, наблюдается тенденция *резкого и значительного снижения* уровня участия избирателей в голосовании — на 27,05 процента. В современной электоральной истории президентских выборов (с 1996 г.) здесь наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1996 году — 66,29 процента, наименьшая — в 2021 году — 39,24 процента [2].

В **Румынии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. Здесь в новейшей политической истории (с 2000 г.) все президентские выборы были многокандидатурными: в 2000 году было зарегистрировано 12 кандидатов на должность президента Румынии, в 2004 году — 12, в 2009 году — 12, в 2014 году — 14, в 2019 году — 14. В этих условиях все президентские выборы проводились в два тура голосования.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1996 году в голосовании приняло участие 75,90 процента

²⁰ Президентские выборы, состоявшиеся в 1986 г., являются пока единственными выборами, которые прошли в два тура, т.е. все остальные президентские выборы были проведены в один тур голосования.

избирателей, в 2000 году — 56,62, в 2004 году — 55,21, в 2009 году — 58,02, в 2014 году — 64,11 и в 2019 году — 51,18 процента. Таким образом, за указанный период наблюдается тенденция заметного резкого снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 24,72 процента. В современной электоральной истории президентских выборов наивысшая явка избирателей в Румынии была зафиксирована в 1996 году — 75,90 процента, наименьшей она оказалась в 2019 году — 51,18 процента.

Здесь при проведении двухтуровых президентских выборов *явка избирателей во втором туре голосования, как показывает электоральная практика, была выше, чем в первом туре*, при этом в 2000 и в 2004 годах явка избирателей во втором туре голосования была *ниже, чем в первом туре*. В 2000 году явка избирателей в первом туре голосования была выше, чем во втором туре: соответственно, 65,31 и 57,50 процента, то есть выше на 7,81 процента, в 2004 году — соответственно 58,49 и 55,21 процента, то есть выше на 3,28 процента; в 2009 году в первом туре в голосовании приняло участие 54,37 процента избирателей, во втором туре — 58,02 процента, то есть на 3,65 процента выше, чем в первом туре голосования; в 2014 году в голосовании приняло участие, соответственно, 53,18 и 64,11 процента (+10,93%), в 2019 году — 51,18 и 55,07 процента (+3,89%).

Таким образом, наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 2014 году — 64,11 процента, наименьшая — в 2019 году — 55,07 процента, при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был в 2014 году (+10,93%), наименьший — в 2009 году (+3,65%).

В Сербии участие в голосовании на выборах президента законодательством зафиксировано как *право избирателя*. В этой стране с 2006 года все президентские выборы были многокандидатурными: в 2008 году было зарегистрировано 9 кандидатов на должность президента Сербии, в 2012 году — 12, в 2017 году — 11, в 2022 году — 8. В этих условиях президентские выборы проводились в 2008 и 2012 годах в два тура голосования, в 2017 и 2022 годах — в один тур.

В 2006 году здесь прошли первые президентские выборы по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования), — в рамках самостоятельного государства после выхода Сербии из государственного союза с Черногорией. Тогда в голосовании приняло участие 68,12 процента избирателей. В последующем цифры явки избирателей оказались ниже: в 2012 году — 46,26 процента, в 2017 году — 54,36 и в 2022 году — 58,4 процента. Тенденция снижения явки за указанный период (9,72%) в отличие от многих других стран не катастрофична, но оптимистичной ее тоже нельзя назвать. В современной электоральной истории президентских выборов в Сербии наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 2006 году — 68,12 процента, наименьшая — в 2012 году — 46,26 процента.

В 2008 году при проведении двухтуровых президентских выборов *явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом туре*, в 2012 году, наоборот, *ниже, чем в первом туре*. В 2008 году явка избирателей в первом и втором турах голосования составила, соответственно, 61,37 и 68,12 процента, в 2012 году — 51,91 и 46,26 процента.

В **Словакии** в 1998 году в соответствии с конституционными поправками, принятыми на национальном референдуме, выборы президента стали всеобщими и прямыми. Участие в голосовании на выборах президента здесь является *правом избирателя*. В новейшей политической истории страны (с 1999 г.) все президентские выборы были многокандидатурными: в 1999 году при проведении первых всеобщих и прямых президентских выборов было зарегистрировано 10 кандидатов на должность президента, в 2004 году их было 12, в 2009 году — 7, в 2014 году — 14, и в 2019 году — 15. Президентские выборы проводились в два тура голосования. В соответствии с законодательством в случае, *если на должность президента Словакии претендует только один зарегистрированный кандидат, голосование проводится исключительно по его кандидатуре; президент считается избранным, если кандидат получит более половины действительных голосов избирателей, участвующих в выборах*. В электоральной истории Словакии данная избирательная процедура не применялась.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования)²¹ в 1999 году в голосовании приняло участие 75,42 процента избирателей, в 2004 году — 43,48, в 2009 году — 51,67, в 2014 году — 50,48, в 2019 году — 48,74 процента²². Исходя этих показателей, можно сказать, что наблюдается значительное снижение (падение) уровня участия избирателей в голосовании — на 26,58 процента.

Наивысшая явка избирателей здесь была зафиксирована в 1999 году — 75,42 процента, наименьшая — в 2019 году — 48,74 процента.

В рамках пяти двухтуровых президентских выборов в 1999 году в первом туре в голосовании приняло участие 73,89 процента избирателей, во втором туре — 75,45 процента, то есть на 1,56 процента больше, чем в первом туре, в 2009 году — соответственно, 43,62 и 51,65 процента (+8,03%), в 2014 году — 43,39 и 50,47 процента (+7,08%). При этом в 2004 году в первом туре голосования, наоборот, участвовало больше избирателей, чем во втором: в первом туре проголосовало 73,89 процента избирателей, во втором — 75,45 процента, то есть на 1,56 процента больше, чем в первом туре, в 2019 году — соответственно, 48,74 и 41,80 процента (-6,94%).

²¹ В соответствии с законодательством, в случае если на втором туре президентских выборов останется один кандидат, второй тур не проводится, и Председатель Национального совета — парламента Словакии назначает в срок до семи дней новые выборы, с тем чтобы они были проведены в срок до 60 дней с момента их назначения.

²² Очередные президентские выборы должны быть проведены 23 марта 2024 года.

Наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была достигнута в 1999 году — 75,45 процента, наименьшей она получилась в 2019 году — 41,8 процента; при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура) был зафиксирован в 2009 году (+8,03%), наименьший — в 1999 году (+1,56%).

В **Словении** участие в голосовании на выборах президента также является *правом избирателя*. При мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1992 году в голосовании на президентских выборах приняло участие 85,84 процента избирателей, в 1997 году — 68,65, в 2002 году — 65,24, в 2007 году — 58,45, в 2012 году — 42,41, в 2017 году — 42,13 и в 2022 году — 51,74 процента. Здесь за указанный период тенденция снижения уровня участия избирателей в голосовании достаточно тревожна и составляет 34,1 процента. В современной электоральной истории президентских выборов в Словении (с 1992 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1992 году — 85,84 процента, наименьшей она была в 2012 году — 42,41 процента.

Все президентские выборы были в Словении альтернативными: в 1992 году было зарегистрировано 8 кандидатов на должность президента страны, в 1997 году — 8, в 2002 году — 9, в 2007 году — 7, в 2012 году — 3, в 2017 году — 9, в 2022 году — 7.

Президентские выборы здесь, как правило, проводились в два тура голосования (за исключением 1992 г. и 1997 г., когда выборы главы государства были проведены в два тура голосования). При этом во втором туре голосования явка избирателей оказывалась выше, чем в первом, только на трех (из семи) президентских выборах, состоявшихся в 2007 году (+0,81%), в 2012 году (+6,01%), в 2022 году (+1,86%).

В рамках двухтуровых президентских выборов в 2002 году явка избирателей в первом туре голосования была выше, чем во втором: соответственно, 72,04 и 65,24 процента, то есть выше на 6,8 процента; в 2007 году — соответственно, 57,64 и 58,45 процента — здесь, наоборот, явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом на 0,81 процента; в 2012 году в первом туре голосования она снова оказалась выше, чем во втором: соответственно, 48,41 и 42,4 процента, то есть выше на 6,01 процента; в 2017 году — соответственно, 44,22 и 42,13 процента и на 2,09 процента меньше, чем в первом туре голосования, в 2022 году — 51,73 и 53,59 процента и, наоборот, на 1,86 процента выше, чем в первом туре голосования. Таким образом, наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 2002 году — 65,24 процента, наименьшая — в 2017 году — 42,13 процента; при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура) был также в 2002 году (+6,80%), наименьший — в 2022 году (+1,86%).

В **Соединенных Штатах Америки** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является

правом избирателя. При проведении выборов президента и вице-президента США в рамках смешанного порядка избрания (в один тур голосования избирателей и голосования коллегии выборщиков) в 1996 году в выборах приняло участие 82,26 процента избирателей, в 2000 году — 85,55, в 2004 году — 88,5, в 2008 году — 70,33, в 2012 году — 66,66, в 2016 году — 65,44 и в 2020 году — 70,75 процента²³. Таким образом, за указанный период наблюдается тенденция снижения на 11,51 процента уровня участия избирателей в голосовании. В современной электоральной истории президентских выборов в США (с 1996 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 2008 году — 88,5 процента, наименьшая — в 2016 году — 65,44 процента.

В Таджикистане в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*.

В новейшей политической истории Таджикистана (с 1991 г.) все президентские выборы были альтернативными: в 1991 году было зарегистрировано 7 кандидатов на должность президента, в 1994 году — 2 кандидата, в 1999 году — 2, в 2006 году — 5 кандидатов, в 2013 году — 6, в 2020 году — 5. Все президентские выборы проводились в один тур голосования.

Президентские выборы здесь проводились по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования). В 1991 году в голосовании приняло участие 86,49 процента избирателей, в 1994 году — 95,01, в 1999 году — 98,92, в 2006 году — 90,9, в 2013 году — 86,64, в 2020 году — 85,44 процента. Цифры показывают, что в стране сохраняется высокий уровень участия избирателей в голосовании: снижение явки избирателей составило всего 1,05 процента. В президентских выборах в Таджикистане наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1999 году — 98,92 процента, наименьшая — в 2020 году — 85,44 процента.

В Туркмении в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. В новейшей политической истории этой страны (с 1991 г.) президентские выборы были альтернативными за исключением выборов 1990 и 1992 годов. В 1990 году и в 1992 году был зарегистрирован только один кандидат, который и был избран на должность главы государства. В 2007 году при проведении президентских выборов было зарегистрировано 6 кандидатов на должность президента Туркмении, в 2012 году — 8, в 2017 году — 9, в 2022 году — 9. Все президентские выборы укладывались в один тур.

При применении на президентских выборах мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1990 году в голосовании приняло участие 96,71 процента избирателей, в 1992 году — 99,82, в 2007 году — 98,92, в 2012 году — 96,7, в 2017 году — 97,28 и в 2022 году — 97,17 процента. С 1990 года явка избирателей держится на предельно высоком уровне, более того, она возросла

²³ Очередные выборы президента и вице-президента США проводятся 5 ноября 2024 года.

на 0,46 процента. В современной электоральной истории президентских выборов в данной стране наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1992 году — 99,82 процента, наименьшая — в 2012 году — 96,70 процента.

В **Турции** участие в голосовании на выборах президента — *обязательно*. С 2014 года выборы президента в данном государстве являются всеобщими и прямыми (ранее — глава государства избирался в ходе косвенных выборов депутатами парламента). В новейшей политической истории страны (с 2014 г.) президентские выборы проходили на альтернативной основе: в 2014 году было зарегистрировано 3 кандидата на должность президента Турции, в 2018 году — 6, в 2023 году — 4. Все президентские выборы проводились в один тур голосования (за исключением выборов 2023 г.).

В 2014 году в первых всеобщих и прямых президентских выборах по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) приняло участие 74,13 процента избирателей, в 2018 году — 86,24, в 2023 году — 87,04 (первый тур)²⁴ и 84,15 процента (второй тур). За указанный период наблюдается тенденция заметного роста участия избирателей в голосовании — на 10,02 процента.

В современной электоральной истории президентских выборов в Турции наивысшая явка избирателей зафиксирована в 2023 году — 87,04 процента, наименьшая — в 2013 году — 74,13 процента. При проведении президентских выборов обнародуются сведения об участии избирателей в голосовании не только на территории Турции, но также за ее пределами и в пунктах пересечения государственной границы страны. 14 мая 2023 года в первом туре очередных президентских выборов в голосовании приняло участие 87,04 процента избирателей, при этом на территории Турции — 88,92 процента, за ее пределами и в пунктах пересечения государственной границы — 53,73 процента. Во втором туре голосования, состоявшемся 28 мая, в голосовании приняло участие 84,15 процента избирателей — на 2,89 процента меньше, чем в первом туре (на территории страны — 85,72%, то есть на 3,2% меньше, чем в первом туре; за ее пределами и в пунктах пересечения государственной границы — 53,73%, значит, на 2,61% больше, чем в первом туре)²⁵[2].

В **Узбекистане** в соответствии с Конституцией и избирательным кодексом участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. В новейшей политической истории этой страны (с 1991 г.) президентские выборы были альтернативными: в 1991 году было зарегистрировано

²⁴ В регионах, пострадавших от разрушительного землетрясения 6 февраля 2023 г. на территории 10 провинций Турции, явка избирателей была ниже; самая низкая явка избирателей была зафиксирована в провинциях Диярбакыр и Малаатья и составила 81,7%.

²⁵ Высший избирательный совет Турции, не нарушая законодательство, в течение дня голосования избирателей на президентских выборах не обнародовал данные о ходе голосования (явку избирателей); данные о явке избирателей, в том числе с разбивкой по избирательным участкам, не были обнародованы до принятия решения об установлении официальных результатов выборов президента Турции.

2 кандидата на должность президента, в 2000 году — 2, в 2007 году — 4, в 2015 году — 4, в 2016 году — 4, в 2021 году — 5, в 2023 году — 4. Все президентские выборы проводились в один тур голосования.

Президентские выборы здесь проводятся по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования). В 1991 году в них приняло участие 94,16 процента избирателей, в 2000 году — 95,11, в 2007 году — 90,6, в 2015 году — 91,08, в 2016 году — 87,73, в 2021 году — 80,42, в 2023 году — 79,88 процента. Следовательно, за последние годы налицо тенденция снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 14,28 процента. В современной электоральной истории президентских выборов (с 1991 г.) наивысшая явка избирателей в Узбекистане была зафиксирована в 2000 году — 95,11 процента, наименьшая — в 2023 году — 79,88 процента.

На **Украине** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. С 1991 года все президентские выборы здесь проходили на многокандидатурной основе: в 1991 году было зарегистрировано 6 кандидатов на должность президента, в 1994 — 7, в 1999 — 13, в 2004 — 5 основных кандидатов, в 2010 — 18, в 2014 — 21 и в 2019 году — 39. Они проводились в два тура, притом в 1991 и в 2014 годах выборы проводились в один тур, в 2004 году — в три тура голосования (по рекомендации БДИПЧ ОБСЕ).

В стране при проведении президентских выборов применяется мажоритарная избирательная система абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования). В 1991 году в выборах участвовало 84,2 процента избирателей, в 1994 году — 70,4 (первый тур) и 71,63 процента (второй тур), в 1999 году — 70,1 процента (первый тур) и 74,92 процента (второй тур), в 2004 году — 74,54 процента (*первый тур*), 81,12 процента (*второй тур*), 77,28 процента (*так называемый третий тур*), в 2010 году — 69,70 процента (второй тур), в 2014 году — 60,82 процента (один тур), в 2019 году — 62,86 процента (первый тур) и 62,07 процента (второй тур голосования)²⁶. С 1991 года наблюдается значительное снижение уровня участия избирателей в голосовании — на 22,13 процента.

В современной электоральной истории президентских выборов на Украине наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 1991 году — 84,2 процента, наименьшая — в 2014 году — 59,48 процента.

В **Финляндии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента — *право избирателя*. При этом

²⁶ Очередные президентские выборы на Украине должны были состояться в марте 2024 года, однако их проведение перенесено до окончания военного положения в стране (при этом они могут состояться не ранее шести месяцев со дня отмены военного положения): в конце ноября 2023 года соответствующая декларация была подписана всеми партийными фракциями в Верховной раде Украины, в том числе с учетом позиции которой президентом Украины было принято решение о продлении военного положения в стране и непроведении очередных выборов главы государства в марте 2024 года.

законодательно предусмотрено, что в случае *участия в выборах только одного зарегистрированного кандидата голосование избирателей не проводится, и кандидат считается избранным на должность президента*. В нынешней электоральной истории Финляндии не было случаев выдвижения только одного кандидата на должность главы государства. Здесь с 1994 года все президентские выборы были альтернативными: в 1994 году было зарегистрировано 11 кандидатов, в 2000 году — 7, в 2006 году — 8, в 2012 году — 8, в 2018 году — 8, в 2024 году — 9. *Все президентские выборы проводились в два тура голосования (за исключением выборов 2018 года, когда президент был избран в первом туре)*.

При применении мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1994 году в голосовании приняло участие 76,96 процента избирателей, в 2000 году — 76,8, в 2006 году — 74,05, в 2012 году — 68,86, в 2018 году — 66,76 и в 2024 году — 67,58 процента. Таким образом, за указанный период наблюдается снижение на 9,38 процента уровня участия избирателей в голосовании. Наивысшая явка избирателей здесь была зафиксирована в 1994 году — 76,96 процента, наименьшая — в 2018-м — 66,76 процента.

В 1994 году явка избирателей во втором туре голосования была на 0,15 процента выше, чем в первом: соответственно, 78,43 и 78,68 процента; в 2000 году — 73,63 и 76,83 процента (+3,20%), в 2006 году — 70,82 и 74,05 процента (+3,23%), в 2012 году — 69,74 и 65,98 процента (+4,24%). В 2024 году явка избирателей во втором туре голосования *впервые* была ниже, чем в первом туре: 71,55 (первый тур) и 67,58 процента (второй тур), то есть ниже на 3,97 процента. Таким образом, наибольшая явка избирателей во втором туре голосования была в 1994 году — 78,68 процента, наименьшая — в 2012 году — 65,98 процента; наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был отмечен в 2012 году (+4,24%), наименьший — в 1994 году (+0,15%) [3].

Во **Франции** в соответствии с Конституцией и Избирательным кодексом участие в голосовании на выборах президента является *правом избирателя*. С 2002 года, когда срок полномочий главы государства был сокращен с 7 до 5 лет, все президентские выборы проводились в два тура и были многокандидатурными (1995 г. — 9 кандидатов, 2002 г. — 16, 2007 г. — 12, 2012 г. — 10, 2017 г. — 11, 2022 г. — 12 кандидатов).

По мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости в два тура голосования) в 1995 году в выборах президента приняло участие 79,66 процента избирателей, в 2002 году — 79,71, в 2007 году — 83,97, в 2012 году — 80,35, в 2017 году — 74,56, в 2022 году — 71,99 процента. Во всех случаях глава государства был избран во втором туре голосования. В 1995, 2002, 2007 и 2012 годах *явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом туре*. На последних двух президентских выборах (в 2017 и в 2022 гг.) явка избирателей во втором

туре впервые стала ниже, чем в первом туре голосования и надо отметить, что эта тенденция начинает приобретать устойчивый характер.

При проведении президентских выборов в 1995 году в первом туре в голосовании приняло участие 78,38 процента избирателей, во втором туре — 79,66 процента или на 1,2 процента больше, чем в первом туре; в 2002 году, соответственно, 71,6 и 79,71 процента или на 8,65 процента больше, чем в первом туре; в 2007 году — 83,77 и 83,97 процента (+0,20%), в 2012 году — 79,48 и 80,35 процента (+0,87%). В 2017 году в первом туре в голосовании приняло участие 77,77 процента избирателей, во втором туре — 74,56 процента или на 3,22 процента ниже, чем в первом туре.

На последних президентских выборах в первом туре (10 апреля 2022 г.), в котором принимало участие 12 кандидатов на должность президента Франции, в голосовании приняло участие 73,69 процента избирателей, во втором туре голосования (24 апреля) явка избирателей *снизилась* на 1,7 процента и составила 71,99 процента. И если в первом туре недействительными было признано 0,69 процента голосов избирателей, а так называемыми «пустыми голосами» оказалось 1,51 процента голосов (суммарно 2,27%), то во втором туре — соответственно, 2,29 и 6,37 процента (суммарно 8,66%). Таким образом, наблюдается почти трехкратный рост «дефектных» голосов избирателей.

В целом, самая высокая явка избирателей во втором туре голосования была в 2007 году — 83,97 процента, самая низкая — в 2022 году — 71,99 процента, при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура) был зафиксирован в 2002 году (+8,65%), наименьший — в 2007 году (+0,20%). За последние годы наблюдается снижение на 5,99 процента уровня участия избирателей в голосовании. В современной электоральной истории президентских выборов во Франции (с 1995 г.) наивысшая явка избирателей была зафиксирована в 2007 году — 83,97 процента, наименьшая — в 2022 году — 73,69 процента (первый тур голосования).

В **Хорватии** в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на выборах президента — *право избирателя*. На президентских выборах по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 1992 году в голосовании приняло участие 74,9 процента избирателей, в 1997 году — 54,62 процента, в 2000 году — 60,88, в 2005 году — 51,04, в 2010 году — 50,12, в 2015 году — 59,03, в 2019 году — 54,99 процента²⁷. За указанный период наблюдается тенденция снижения уровня участия избирателей в голосовании — на 19,91 процента. Наивысшая явка избирателей на президентских выборах в Хорватии была зафиксирована в 1992 году — 74,90 процента, наименьшая — в 2010 году — 50,12 процента.

²⁷ Очередные президентские выборы должны состояться в декабре 2024 г.

Здесь с 1992 года все президентские выборы были альтернативными: в 1992 году было зарегистрировано 8 кандидатов, в 1997 году — 3 кандидата, в 2000 году — 9 кандидатов, в 2005 году — 13, в 2010 году — 12, в 2015 году — 4 кандидата, в 2019 году — 11 кандидатов. Президентские выборы чаще всего проводились в два тура (за исключением 1992 и 1997 гг., когда выборы главы государства были проведены в один тур). На данных выборах *явка избирателей во втором туре голосования была выше, чем в первом* (за исключением выборов 2000 г.). Если в 2000 году при проведении президентских выборов в первом туре в голосовании приняло участие 62,98 процента избирателей, а во втором — 60,88 процента или на 2,1 процента меньше, чем в первом туре, то на последующих президентских выборах (2005, 2010, 2015, 2019 гг.) явка во втором туре была стабильно выше, чем в первом.

В частности, в 2005 году в первом туре в голосовании приняло участие 50,57 процента избирателей, во втором туре — 51,04 процента или на 0,47 процента выше, чем в первом туре, в 2010 году, соответственно, 43,94 и 50,12 процента (или +6,18%), в 2015 году — 47,10 и 59,03 процента (+11,93%), в 2019 году — 51,58 и 54,99 процента (+3,88%).

Самая высокая явка избирателей во втором туре голосования была в 2000 году — 60,88 процента, самая низкая — в 2009 году — 50,12 процента, при этом наибольший «разрыв» в двухтуровой явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был в 2015 году (+11,93%), наименьший — в 2019 году (+3,88%).

В Черногории участие в голосовании на выборах президента конституционное и законное *право избирателя*. В ее актуальной политической истории (с 1997 г.) все президентские выборы были многокандидатурными и альтернативными: в 1997 году было зарегистрировано 8 кандидатов на должность президента Черногории, в 2002 году — 11, в 2003 году (февраль, досрочные выборы) — 11, в 2003 году (май, досрочные выборы) — 3, в 2008 году — 4, в 2013 году — 7, в 2023 году — 7. Президентские выборы проводились в один тур (за исключением 1997 и 2023 годов, когда выборы главы государства были проведены в два тура голосования). В соответствии с законодательством *регистрация только двух кандидатов на должность президента Черногории означает, что президентские выборы проводятся в один тур голосования*.

Президентские выборы здесь проходят по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования). В 1997 году в голосовании приняло участие 67,55 процента (первый тур) и 73,90 процента (второй тур) избирателей, в 2002 году — 45,87, в 2003 году (февраль, досрочные выборы) — 46,73, в 2003 году (май, досрочные выборы) — 48,32, в 2008 году — 68,20, в 2013 году — 63,90, в 2018 году — 63,92, в 2023 году — 63 (первый тур) и 70,14 процента (второй тур). Наблюдается не столь значительное, но все же снижение уровня участия избирателей в голосовании на 4,55 процента.

В Черногории с 1996 года по настоящее время наивысшая явка избирателей на президентских выборах была зафиксирована в 2008 году — 68,2 процента, наименьшая — в 2002 году — 45,87 процента. По электоральному опыту *явка избирателей во втором туре голосования бывает выше, чем в первом*. В 1997 году при проведении президентских выборов в первом туре в голосовании приняло участие 67,55 процента избирателей, во втором туре — 73,9 процента или на 6,35 процента больше, чем в первом; в 2023 году — соответственно, 63 процента и 70,14 процента или на 7,14 процента выше, чем в первом туре голосования. Самая высокая явка избирателей во втором туре голосования была в 1997 году — 73,9 процента, самая низкая в 2023 году — 70,14 процента, при этом наибольший «разрыв» в явке избирателей (в пользу второго тура) был в 2023 году (+7,14%), наименьший — в 1997 году (+6,35%).

В Чехии в соответствии с Конституцией и законодательством участие в голосовании на всеобщих и прямых выборах президента Чехии, проводимых с 2013 года, является *правом избирателя*. В этой стране с 2013 года все президентские выборы были многокандидатурными: в 2013, 2018 и 2023 годах было зарегистрировано по 9 кандидатов на должность президента. Каждый раз президентские выборы проводились в два тура.

При проведении президентских выборов по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства (при необходимости — в два тура голосования) в 2013 году (первых всеобщих и прямых президентских выборов) в голосовании приняло участие 61,27 процента избирателей (первый тур голосования) и 59,08 процента избирателей (второй тур голосования), в 2018 году — соответственно, 61,88 и 66,57 процента, в 2023 году — соответственно, 68,19 и 70,22 процента. За указанный период (в рамках двухдневного голосования) на президентских выборах стабилизация уровня участия избирателей в голосовании наблюдается с ростом явки избирателей 9,16 процента. С 2013 года на всеобщих и прямых выборах президента наивысшая явка избирателей в Чехии была зафиксирована в 2023 году — 68,24 процента²⁸, наименьшая — в 2013 году — 59,08 процента.

На двухтуровых президентских выборах *явка избирателей обычно во втором туре голосования оказывалась выше, чем в первом* (за исключением 2013 г.). В 2013 году в первом туре в голосовании приняло участие 61,27 процента избирателей, во втором — 59,08 процента или на 1,19 процента меньше, чем в первом туре; в 2018 году, наоборот, в первом туре в голосовании приняло участие 61,88 процента избирателей, во втором — 66,57 процента или на 4,69 процента больше, чем в первом туре; в 2023 году — соответственно,

²⁸ Как было отмечено в Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ, высокая явка избирателей на президентских выборах свидетельствует о высоком уровне интереса избирателей к кандидатам, баллотирующимся на должность президента Чехии, к основным вопросам и проблемам, отраженным в их предвыборных программах (платформах) и, в целом, к президентским выборам.

68,19 и 70,22 процента или на 2,03 процента больше, чем в первом туре голосования.

Самая высокая явка избирателей во втором туре голосования была достигнута в Чехии в 2023 году — 70,22 процента, самая низкая — в 2013 году — 59,08 процента; при этом наибольший «разрыв» в явке избирателей (в пользу второго тура голосования) был зафиксирован в 2018 году (+4,69%), наименьший — в 2023 году (+2,03%) [2].

Список литературы

1. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Европейско-Азиатский регион / В.И. Лысенко; Под общей ред. В.Е. Чурова; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Вып. 4. М., 2015.
2. Международные избирательные стандарты: Сборник документов и материалов: Выпуск пятый // Отв. ред.: кандидат юридических наук И.Б. Борисов и доктор юридических наук В.И. Лысенко. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017.
3. Современные избирательные системы. Вып. 16: Иран, Латвия, Литва / Н.А. Филин, В.О. Кокликов, А.С. Ходунов (и др.); науч. ред. В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2021.
4. Современные избирательные системы. Вып. 17: Португалия, Турция, Эстония / В.А. Автономов, В.А. Оленченко, А.И. Сбитнева; науч. ред. В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2022.
5. Voter Turnout since 1945. Global Report on Political Participation / Rafael Lopez Pintor, Maria Gratshdchew. International IDEA. Stockholm, Sweden. 2002.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

***Аннотация.** Право существует, выражает и определяет себя в системе социальных, политических, культурных координат на языке категорий, понятий и определений своего исторического времени. Языки социальных фактов и языки их описания и объяснения, языки права и языки науки права живут, совмещая в себе одновременно институциональное и концептуальное наследие отдельных исторических эпох своего прошлого и настоящего, предвосхищая тем самым границы и параметры языков социального общения будущего. Трём классическим формациям юридических знаний и конструкций, представленным языками правовой мифологии, правовой теологии и правовой теории, корреспондируют свои образы и символы, концепты и культурные практики восприятия и переживания, описания и объяснения правовой реальности каждой исторической эпохи. Ее видение и понимание образуют и репрезентируют, соответственно, конкурирующие институты правового общения и аналитические практики — предметы, языки и дисциплинарные структуры юриспруденции. Генеалогия постмодерна заключена в генеалогии языков социального общения и генеалогии юридических языков их классификаций, конструкций и квалификаций. Институциональная реальность такова, каков концептуальный язык рассуждения о реальности, поскольку грамматика правопорядка заключена в языках понимания и определения нормативных границ социального общения. Языки классической, неклассической и постклассической юриспруденции в их отношениях и переходных состояниях составляют предмет эпистемологии права. Юридические институты и знания — органические части общей правовой реальности. Выявление траекторий и тенденций развития языков правовых систем в динамике фактических и возможных изменений позволяют увидеть новый мир будущих форм и практик социального общения, который заключен в истории развития языка и концептов культуры.*

Ключевые слова: право и наука права, классическая юриспруденция и неклассическая юриспруденция, право в определениях языка нормативно-правовых актов, право в определениях языка социокультуры, концепты и институты, постюриспруденция, концептуальное наследие эпохи, концептуальная биография понятий права, эпистемология и аксиология права, лексика и грамматика правопорядка, концептология.

URISPRUDENCE: FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE SCIENTIFIC DISCIPLINE

***Abstract.** Law exists, expresses, and defines itself in the system of social, political, cultural coordinates in the language of categories, concepts, and definitions of its historical time. The languages of social facts and the languages of their description and explanation, the languages of law and the languages of the science of law live, combining simultaneously the institutional and conceptual heritage of individual historical epochs of their past and present, thereby anticipating the boundaries and parameters of the languages of social communication of the future. The three classical formations of legal knowledge and constructions, represented by the languages of legal mythology, legal theology, and legal theory, correspond to their images and symbols, concepts and cultural practices of perception and experience, descriptions, and explanations of the legal reality of each historical epoch. Its vision and understanding form and represent, respectively, the competing institutions of legal communication and analytical practices – the subjects, languages, and disciplinary structures of jurisprudence. The genealogy of postmodernism is encapsulated in the genealogy of the languages of social communication and the genealogy of legal languages, their classifications, constructions, and qualifications. Institutional reality is what the conceptual language of reasoning about reality is since the grammar of the rule of law is contained in the languages of understanding and defining the normative boundaries of social communication. The languages of classical, non-classical, and post-classical jurisprudence, in their relations and transitional states, constitute the subject matter of the epistemology of law. Legal institutions and knowledge are organic parts of the general legal reality. The identification of trajectories and trends in the development of languages of legal systems in the dynamics of actual and possible changes allows us to see a new world of future forms and practices of social communication, which is contained in the history of the development of language and cultural concepts.*

***Keywords:** law and science of law, classical jurisprudence and non-classical jurisprudence, law in definitions of the language of normative legal acts, law in definitions of the language of socio-culture, concepts and institutions, post-jurisprudence, conceptual heritage of the epoch, conceptual biography of legal concepts, epistemology and axiology of law, vocabulary and grammar of law and order, conceptology.*

...право есть совокупность слов, имеющих власть.
Диего Валадес. Язык права и право языка

Право, прежде чем стать предметом изучения, предстает объектом восприятия и переживания в представлениях повседневного языка своей исторической эпохи. Язык — феномен культуры, выражение конститутивных, внутренних мировоззренческих интенций, ожиданий и настроений [см.: 1; 2; 3; 4; 5]. Он обладает исторической памятью, несет в себе одновременно наслоения прошлого, настоящего и будущего. Язык культуры

лежит в основании правовой реальности. Отсюда собственно и проистекает проблема соотношения фактической правовой реальности, воображаемой правовой реальности и аналитической правовой реальности, соответственно, явления, образа и понятия. Право фактом своего языкового существования одновременно концептуально, контекстуально и конвенционально в своих социальных и культурных проявлениях. Оно производно из *среды* обитания или декораций, на фоне которых сталкиваются желания, интересы и ценности, и *конвенций* социальных и культурных обменов, основанных на доверии или недоверии, признании или непризнании взаимных отношений и правил ролевого поведения. В этом смысле история права есть история перманентного конфликта метаязыков (концептов) и языков социальных отношений — интересов, ценностей и понятий.

Исторически политико-правовые институты, связанные с организацией социальной власти и нормативным регулированием, в своей онтологии, то есть бытийно, имеют место в любой теории. Это — состояние институциональной реальности, еще не ставшей предметом рефлексии, — осмысления и определения. В современных условиях существование права связано с юридическими определениями форм зависимости и нормативного регулирования. В этом аспекте существования правовое развитие определяется базовыми представлениями своей эпохи о должном порядке в организации власти и правил регулирования. Понятие права и есть развернутая в определениях заключенного в нем юридического концепта действительности форма выражения и существования правовой реальности. Правовая реальность — это концептуальная реальность, производная культуры языка своего понимания и определения. Современное правовое развитие не имеет места и не существует вне доктринальных языков и подходов осмысления и управления социальными процессами. В этом плане институты права есть проявление социокультуры, ее ценностных смыслов и доктринальных концептов. Именно концепты или фундаментальные проектные представления и лежат в основании регулирования развития социальных институтов конкретной исторической эпохи [категория «юридический концепт действительности»¹ введена в научный оборот Г. Гаджиевым; — см.: 6].

¹ Значение данной категории понимания права (правил) и науки права (эпистем) фундаментально, поскольку стоит в категориальном ряду с такими цивилизационными конструктами как гештальт Освальда Шпенглера, габитус Пьера Бурдьё, паттерны Йохана Арнасона. Смысл категории заключен не в том, что она является составной частью правовой реальности, содержащейся в ее онтологии. С этим нельзя не согласиться, придерживаясь авторской позиции. Вместе с тем концепты — это не столько часть действительности. Концепты и есть сама действительность в определениях нормативного языка социокультуры своего исторического времени. Ментальная или концептуальная реальность предваряет вещественную или институциональную реальность. Юридическая картина мира в системе ее концептов вмещает в себя возможные проявления заключенной в них действительности. Это ни на йоту не умаляет важность научного открытия автора. Факт введения в юридический язык данной категории имеет значение в становлении новой дисциплинарной области правоведения. Правовая концептология со своим предметом, символическим языком, дисциплинарной структурой и аналитикой перехода от линейной и сегментарной к матричной модели междисциплинарных связей юридической науки — новое поле правовых исследований. Юридический концепт действительности как культурно-

Концептуальное бытие первично относительно всех иных, производных форм существования или форм присутствия социальных явлений в историческом времени и пространстве. Историческое время течет, концепты, существуя во времени, охраняют себя и свою собственную идентичность в институтах, ценностях, этнических мифах и знаниях, пока не произойдет парадигмальный сдвиг, выражающий завершенность социокультурного процесса в рамочных определениях своего концепта ожидания мессии нового неба и новой земли. Изменения в системе концептуального видения мира или юридических картин мира формируют свою институциональную реальность, ее аксиоматику, аналитику и догматику. Исторические следы присутствия юридического концепта действительности прошлого заданы в самой онтологии, аксиологии и эпистемологии правовой системы, в правилах, ценностях и эпистемах настоящего, поскольку это то, без чего его нет.

Концептогенез — составная часть культурогенеза, ментально и когнитивно сущее социального порядка, выполняющее ориентационные и регуляторные функции как практик правообразования, так и практик познания правовой реальности. Предмет историко-культурной генеалогии языка концептуальных парадигм. Концепты, их структура и виды варьируются в широком диапазоне возможных культурно-исторических образований и проявлений. Различные наименования (мифологемы, габитус, эпистемы) обозначают глубинные ментальные паттерны восприятия, переживания и понимания социально-исторических процессов [7; 8] или *историческое a priori* в определении Яна Хакинга [9, с. 16], *апприорные основания* Адольфа Райнаха [10], *ноэмы* Эдмунда Гуссерля [11]. Право, прежде чем стать институтом, существует в форме юридических концептов действительности — культурно-исторических ментальных нормативных синтезов эпохи. Наличные институты власти их нормативного регулирования и их переходные формы существуют как социальный факт и мифологическая и религиозная, образная проекция факта в сознании. Факт органического явления до его понятия. Современные институты живут и действуют в доктринальных и концептуальных определениях языка своего времени. Представления, отражая политико-правовую реальность, предметно выражены и заключены в самих институтах. Факт культурного существования явления в исторических репрезентациях своего понятия. Они отражают, создают и формируют, производят, конструируют и легитимируют институциональную реальность.

Социальная реальность живет культурным производством языков общения [см.: 12; 13]. Языки общения воспроизводят социальную реальность. Генезис правовых институтов связан и определяется генезисом языков понимания и определения того, что такое, чем является, чем должно быть и чем может стать право определенной исторической эпохи своего существования.

исторический феномен и метанормативное основание правовых систем обнаруживает себя в пересечениях институциональных и аналитических структур ее существования и выражения, пронизывая все составные уровни и элементы права и науки права.

Право — это одновременно концептуальная реальность, институциональная реальность и языковая реальность. Это симбиотическое отношение, когда одно его проявление переходит в другое и наоборот. Это социокультурный и политико-правовой институт, текст и контекст, синтез идей и представлений, решений и действий. Это система координат социальных, политических, культурных коммуникаций. Ее основания лежат в социально-экономических интересах, культурных ценностях и господствующих концептуальных обозначениях. Политико-правовое развитие современного мира живет в системе не только социальных, политических, культурных, но также языковых и концептуальных координат. Юридическая наука и есть не что иное как доктринальная и понятийная конструкция политико-правовой системы языка определенной исторической эпохи. Эволюция институтов — это эволюция представлений об институтах, выраженных в языках и текстах социокультуры своей исторической эпохи. Становление и развитие институтов — это движение исторических форм юридического мышления. Генезис институтов власти и нормативного регулирования — это и генезис юридических картин мира, правосознания и правовой культуры.

Постмодерн — грядущий мир ухода с исторической сцены одних сущностей — стабильных, структурированных на принципах линейной иерархии и авторитета форм и практик социального общения, их языков, субъектов и институтов, и прихода текучих социальных реальностей с подвижными формами социальных сетей, обозначаемых и обозначающих категорий и понятий. Базовый концепт постмодерна, относительно которого выстраиваются доктринальные и аналитические проекты и тенденции социального развития заключается в различении мира социального ядра и периферии. Постмодерн в своей внутренней доктринальной сути и институциональной практике означает прощание с такими конструктами модерна, как гражданское общество, правовое и социальное государство. Двойственные для своих и других языки и дискурсы постмодерна лежат в основании реальной политики деления социального мира на зоны правопорядка и задворки — депрессивные территориальные анклав и культурные резервации, закрытое ядро и бесконечную периферию.

Общая архитектура изменений выстроена и определена не только появлением на исторической сцене новых субъектов и институтов, но, прежде всего, языков их понимания, описания и объяснения. Традиционные, иерархически организованные категориально-понятийные ряды замещают глобальные сетевые концептуальные порядки организации и управления реальностью. За внешним и мнимым хаосом юридической грамматики постмодерна прячется жесткий глубинный правопорядок. Ключевая задача постмодерна, так же и других классических форм концептуализации реальности — правовой мифологии и правовой теологии, не только и не столько описать и объяснить реальность в терминах языка постмодерна. Это вторичная тема поиска аналитического инструментария действительности.

Главная же идеологическая и технологическая проблема заключалась в переводе нового категориально-понятийного словаря эпохи в формирующиеся и действующие институты власти, собственности и управления, структурирующие исходные социальные основания любого правопорядка. *Политика именований и переименований превращается в синоним существования. Язык обретает статус культурной реальности — творящей сущности. Производство культурных текстов становится производством социальной реальности. Язык и текст не только отражают реальность, — они превращаются в реальность. Реальность и есть социокультурный текст в определениях концептов и политики производства своего исторического языка и дискурса [14; 15; 16, с. 381–405; 17, с. 5–17; 6].*

Аналитическая разработка перечисленных универсальных категорий юридической науки в историческом контексте генезиса и современного состояния в развитии знаниевых формаций и языка права составляет общий предмет таких востребованных практикой научных дисциплин, как историческая эпистемология, антропология права, юридическая лингвистика, когнитивная юриспруденция или концептология объединяемых в общий дисциплинарный кластер. Изучение типологически различных языков социального общения (родовой субъект, культурный герой, индивид) в их эволюционной ретроспективе, языков публичного политического властвования в различных эволюционных форматах организации власти (традиционная, харизматическая, бюрократическая власть), эволюции языков нормативного регулирования (мононорматика, дуалистические и монистические модели) в контексте исторических правопорядков образует новую область юридических исследований и знаний — культурно-историческую или культуральную юриспруденцию [18; 19; 20]. Базовая парадигма дисциплины привязана к категории «юридическая картина мира» или видения миропорядка в представлениях и определениях мифопоэтических (образно-символических), дуалистических (сакральное и профанное) и логоцентрических (понятийные ряды, иерархии и сети) систем организации юридических знаний.

Предмет и историография вопроса

Понимание права как социальной и языковой реальности, существующей в системе категорий и понятий своей исторической эпохи, привело к изменениям в структуре предмета юридической науки, сместив акцент изучения формальных институтов к изучению концептуального языка и аналитического словаря юриспруденции [21; 22; 23; 24; 25]. Разумеется, на начальной фазе переосмысления предмета дисциплины речь не шла о введении в категориально-понятийные ряды новых сущностей и конструкций. Вопрос новой эпистемологии права и культурно-исторической юриспруденции в ее предметных составляющих поэтики и семиотики юридического текста не стоял и не мог стоять в наличной концептуальной повестке дня.

Касаясь истории отечественной исследовательской традиции изучения языка позитивного права, следует обратить внимание, прежде всего, на исследование русского правоведа, профессора харьковского Императорского университета В.Д. Каткова [26]. Работа знаковая, хотя авторская позиция, аргументация и суждения пребывали в рамках стандартной версии понимания права [27]. До лингвистического поворота было еще далеко. Постановка вопроса соотношения языка и мышления, различения мифологического и научного течений в юриспруденции, научного качества используемых терминов и аналитических понятий хотя и была весьма перспективной, но еще не означала существенных сдвигов системы догматической конструкции предмета и категорий дисциплины. Призывая развивать систему категорий юриспруденции, используя результаты языковедения своего времени и критикуя проявления метафизических представлений о праве, автор исключал какую-либо возможность изучения права как самостоятельного социального и культурного явления и предмета анализа за рамками законотворческой деятельности государства.

Новый взгляд в понимании предметной и методологической логики развития юридической науки и концептуальную альтернативу господствующему нормативному понятию права представил Б.А. Кистяковский [28]. Включение широкого социального и культурного контекста эволюции права в построении методологии правовой науки в качестве взаимозависимых оснований и общего предмета юриспруденции, ее социальной онтологии, либеральной аксиологии и критической эпистемологии знания стало новым шагом в исследовании правовой реальности. На фоне развернутой дискуссии относительно разнообразных аналитических подходов в определении права, изложенных в трудах отечественных и зарубежных правоведов своего времени², работа, безусловно, носила инновационный характер.

Эпистемология Кистяковского, включая в свою концептуальную схему такие взаимозависимые структурные категории социального порядка, как общество, право, государство, правосознание и культура, права человека и гражданина, позволила построить интегральную картину мира юридических знаний в определениях социальных интересов, политической воли и культурных ценностей. В рамочных аналитических конструкциях данного подхода было обозначено будущее видение методологической природы науки о праве как комплексной дисциплины, объединяющей социологические, политологические и культурологические составляющие и измерения

² Впечатляют сами по себе круги интеллектуального общения внутри юридической мысли эпохи. Сергей Муромцев, Павел Новгородцев, Иван Ильин, Габриэль Шершеневич, их зарубежные коллеги Рудольф Иеринг, Георг Еллинек, Отто фон Гирке, Рудольф Штаммлер, Ганс Кельзен и другие мыслители, оказавшие существенное влияние на развитие доктринального и аналитического языка юриспруденции. Данное направление в изучении права как системы юридических знаний нашло себя, прежде всего, в трудах Рудольфа Радбруха, автора «Введения в науку права», изданного в 1910 году и переведенного на русский язык в 1915 году, и Льва Петражицкого, открывшего значение языка психологии в описании и объяснении государственно-правовых процессов и институтов.

правовой реальности в предметных и понятийных рядах языков антропологии и социологии права, политической и культуральной юриспруденции.

Наступившая эпоха перемен внесла свои коррективы в отечественную действительность и, не ограничив себя революционными практиками социальных преобразований, затронула и юриспруденцию [29]. Имя правоведа Н.С. Тимашева, продолжившего традицию формирования новой методологии в изучении права и внесшего существенный вклад в понимание социальной природы правовых категорий и понятий, было вычеркнуто из истории отечественной науки [30; 31, с. 160–170]. Столь же крупная утрата становления культурно-социологического направления отечественной юриспруденции имела место в лице Г.Д. Гурвича, разработавшего концепцию макро- и микроуровней правовой реальности и языков ее описания и объяснения. Активный участник круга социологических исследователей права, как исторического опыта социального общения в разнообразных аспектах и процессах его проявлений, Гурвич ввел в аналитический оборот такие важные категории современного правопонимания, как плюрализм существования разнообразных социальных и культурных формаций и понятие социокультурной обусловленности правовых институтов [32; 33].

Философско-аналитические основания различения предмета и языка формально-догматической и социокультурной юриспруденции, заложенные в предреволюционный период развития правовой науки, были благополучно забыты в наступившие темные времена советского правопорядка. На смену правоведению в собственном и плюралистическом смысле данного явления и понятия пришло законоведение. Наступила эпоха закрытой и завершенной в себе политико-правовой теологии в понимании природы права, выработанной в 1938 году крупнейшим собранием представителей советской юридической мысли. Главным событием соборной деятельности стало появление канонической формулы классового права или правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу [см.: 34]³.

В определении был установлен исчерпывающий арсенал возможных аргументаций нового законопорядка: и доктринальная манифестация позитивизма в его этатистской версии абсолютной веры в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как

³ Правовой язык — социальный институт и факт культурной психологии эпохи. Настоящая и будущая реальность уже эвентуально, а не только ее проявлениями, была априори заключена в тексте господствующего глубинного сознания эпохи, в формальной лексике, грамматике и дискурсивной логике которого живет политика бесправия и насилия над самой реальностью. Догматический язык выражает реальность в санкционированных представлениях о правопорядке. Догматические представления о правовой реальности творят единственный законопорядок.

воли и представления в редакции никем и ничем неограниченной власти в идеологических представлениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса действует по настоящее время, правда, с известными вариациями на тему правового государства и гражданского общества, сохраняя и охраняя доктринальное и формальное наследие прошлого. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях конституции — своего рода политико-правовом контракте, забыв при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает концепт *«доверие государству»*. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

Провозглашенная носителями передовой юридической мысли доктрина получила развернутое догматическое закрепление в первом официальном учебном курсе С.А. Голунского и М.С. Строговича [35]. Из доктринального гнезда марксистско-ленинского учения о власти выпорхнула вся отечественная догматическая юриспруденция, живущая ее аналитикой до настоящего времени [36; 37; 38; 39; 40]. Вклад И.А. Покровского [41], И.Д. Левина [42], Я.М. Магазинера [43], Б.Б. Черепихина [44] и многих других, утонувших и всплывших в эпоху перемен, составляет сегодня золотой фонд теоретического правоведения. Лишь в начале 1970-х годов стали пробуждаться к теоретико-правовой жизни отдельные веяния если не нового правопонимания, то более широкого аналитического контекста оснований развития права [45]. Появились переводы зарубежных лингвистов и правоведов, в которых были представлены если не итоги развития современной социальной науки и юриспруденции, то отдельные методологические подходы в изучении права, адаптированные к наличной действительности [46; 20; 47].

Особое место в аналитическом контексте становления современной юриспруденции заняла работа А.М. Васильева, обозначившая новое направление в развитии правовой науки, связанное с изучением категориального языка права и его знаниевых форм выражения [48]. Новизна исследования, помимо общих методологических посылок в изучении правовых категорий, их места в системе правовых знаний и группировок в исторические и логические понятийные ряды, состояла во введении в научный оборот нетрадиционных конструкций генезиса права и исторических типологий права. И, что особенно важно для развития отечественного теоретического правоведения, выделение в составе аналитических построений научной дисциплины категории «метатеория права» или в современной редакции — «теория теории права». Следует отметить, что авторская концепция исследования исходила из четкого различения предмета изучения собственно права и структуры знаний о праве, что в современной дисциплинарной логике развития самой юридической науки уже составляет предмет эпистемологии права.

Однако, в системе категориально-понятийных рядов Васильева, как и в отечественной юриспруденции того периода, сохранял и воспроизводил себя принципиальный момент в понимании логики организации и функционирования ее правовой системы в целом, а именно, отсутствие онтологического различения категорий и понятий макро- и микроуровневой существования и аналитического описания правовой реальности. То есть, различения языка микро- и макроюриспруденции — юридических картин мира эпохи, стиля и форм правового осмысления действительности, глубинных факторов и механизмов воспроизводства права. По существу, из предмета юридической науки выпадали категории и понятия, определяющие онтологические основания права и, соответственно, связанных с ними правовых феноменологии и эпистемологии. Дисциплинарная структура и методология юридической науки вращалась вокруг таких единиц догматического анализа, как нормы права, правоотношения и источники права и тому подобное в их формальных значениях, а не в социокультурно и концептуально разноуровневых контекстах понимания и объяснения системы и структуры языка явления и языка понятия права. Время расставляет свои акценты и то, что произвело впечатление при появлении монографии, сегодня воспринимается как живая архаика родного позитивизма [49]⁴. Все-таки всему свое время. Каждая историческая эпоха живет своими концептуальными смыслами.

Новые подходы в изучении практического языка права и аналитического языка науки права нашли и обозначили себя как культурный и лингвистический повороты в историческом развитии систем знаний [50; 20]⁵. Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка формальных юридических текстов, следует отметить абсолютную [51, с. 17–18; 52] недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не только язык догматических высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенных воображением

⁴ Одна и та же работа в контекстах своего времени и чужого времени имеет различное содержательное наполнение. Она может либо остаться частью новой концептуальной жизни, либо быть предметом исторической семантики и исторической эпистемологии. Новая среда обитания текста при внешнем его тождестве прочитывает его уже в системе другого языка и дискурса. Текст — живая ментальная реальность. Это проявление контекстуальности текста стало предметом размышлений еще во времена Р. Козеллека.

⁵ Идея структурных сдвигов или смены парадигм в терминах Т. Куна имела глубокие последствия в развитии теории социальных изменений, описывающей переходные процессы в системе социально-экономических и политико-правовых институтов. Любой институт самоопределяет себя в терминах своего языка. Поэтому включение в научный оборот категории «язык» в качестве ключевой модели и техники описания и объяснения институциональных изменений оказало глубокое влияние на развитие социальной науки и получило общее наименование лингвистического поворота. Важно было понять только один существенный момент и аспект роли практического языка институтов и аналитического языка науки. Что первично, а что вторично в развитии социальных систем — повороты языка институтов или повороты языка понятий, и какой механизм определяет политику приемлемости или неприемлемости принимаемых решений, их своевременности и адекватности.

и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, а то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства.

Изучение лексики и семантики понятийного поля конкретной исторической эпохи лежит в русле современных тенденций развития социальных наук. Этот эпистемологический сдвиг нашел свое выражение в появлении двух школ концептуальной истории языка и теории знаний — школы эволюции языка понятий Р. Козеллека и Кембриджской школы эволюции языка идей в контекстах своего исторического существования и понимания К. Скиннера. Обе школы историографии понятий и идей возникли практически одновременно, как востребованная культурно-исторической практикой потребность установить основные тенденции развития социально-политических процессов через изменения и трансформации языков социального общения, понимания и поведения. При известных различиях в предметах и методологии изучения динамики изменений культурных смыслов и значений базовых категорий и институтов их объединяло главное в подходе к исследуемым явлениям и процессам. Ориентация на понятийные (Р. Козеллек) и доктринальные (К. Скиннер) комплексы в становлении, развитии и функционировании социально-политических систем исходила из общего понимания необходимости перехода от застывших в себе статичных представлений о различных сферах социальной реальности к текучим в своих определениях аналитическим конструкциям. Текучей социальной реальности должна корреспондировать только текучая понятийная, а значит языковая реальность.

История понятий школы Р. Козеллека и история идей школы К. Скиннера вместе с тем представляли различные концептуальные подходы в описании и объяснении развития социальной реальности. Картина мира континентальной традиции изучения социальных понятий отражала линейную логику понимания внутренних сдвигов смыслов и значений в процессе постепенного и последовательного наполнения их новым содержанием и была выражена структурой отдельных исторических слоев изменений лексики и семантики в определениях языков отдельных эпох. Картина мира англосаксонской традиции изучения политических идей акцентировала внимание на динамической стороне развития идей в рамочных определениях внутренних интенций развития и исторического контекста эпохи. Ее предмет составляла концептуальная борьба внутри идейно-политического словаря своего времени в динамическом силовом поле реальных интересов, мировоззрений и предпочтений.

Основные понятия рассматривались не только объектами лингвистического анализа языков объяснения или обоснования тех или иных институциональных и концептуальных практик их разработки и реализации,

но и в качестве индикаторов движения мировоззрений и миропониманий в длительном лаге исторического времени и меняющихся контекстах переходных эпох. Социальная психология восприятия и переживания реальности, выраженная в изменениях языков культуры своего времени, открывала глубоко спрятанные пласты сознания, выпадающие из анализа в системе только формально-логических языков их описания и объяснения. «История понятий, — отмечал Козеллек, — выступает посредником между историей языка и фактической историей» или историей пониманий и определений реальности [53]. Аналогичная концептуальная парадигма была также высказана Скиннером в его программной статье, опубликованной в 1969 году: «Итоговая дилемма в рамках моей нынешней задачи может быть сформулирована в ключевом по форме... предположении, что те модели и предварительные представления, в терминах которых мы неизбежно организуем и к которым приспособливаем свои впечатления и мысли, сами будут влиять на то, что мы думаем или ощущаем» [54].

При всех своих различиях концептуальные позиции школ были идентичны в том отношении, что они придавали фундаментальное значение языковым и дискурсивным аспектам и аналитическим техникам изучения социальных и политических категорий, что, разумеется, касается в полном объеме их содержательных экспликаций и такой базовой категории правовой науки, какой является юридический текст; причем текст не в формальном, а в широком социокультурном (ментальном и когнитивном) значении своего понимания и определения. Всё, с чем имеют дело практикующие и теоретизирующие юристы, есть текст в определениях практического и аналитического языка своего исторического времени. Право одновременно институциональная и языковая реальность — концепт и конструкт. Правовые категории как отображения языка своей исторической эпохи, ее лексики, семантики и грамматики меняются вместе с социокультурными основаниями своего существования и развития. Своевременно или с опозданием — это уже вопрос качества правовой реальности в ее всевозможных измерениях и составляющих, а также законодательно-правовой политики — важнейшей компоненты и инструмента развития или стагнации права.

Очевидно, что важно обладать адекватным языком описания и объяснения возникающих проблем, поскольку язык понятий не только отражает реальность, он также ее постоянно проблематизирует и производит. Отечественная социальная наука, существуя на периферии современных программных тенденций ее концептуального развития, постоянно открывает для себя нечто как новацию, что давно превратилось в уставшую от самой себя традицию. Базовые тексты вводятся в научный оборот либо со значительным опозданием и сразу становятся предметом историографии, либо для поддержания духа открытия нового в глубоко старом раскручивают немислимые для нормального понимания предмета концепции. Научные и издательские пути новой аналитики истории понятий и истории

идей неисповедимы, они живут и продолжают жить своей скрытой жизнью [55, с. 298–319; 56, с. 22–74]⁶.

Правовая культура проявляет себя в политике признания того, что концептуальные основания права, его аналитические объяснения и обоснования не только предворяют институциональное и нормативное развитие отдельных правовых систем, но и устанавливают онтологические границы возможных изменений и усвоения новых институтов и подходов их изучения. Понимание архаических мифов, религиозных воззрений и научных понятий в качестве социальных институтов, выражающих и определяющих цивилизационную принадлежность экономических и политико-правовых систем, составило фундаментальный вклад в аналитический язык европейской культурной антропологии, социологии и лингвистики эпохи модерна. Языки социальной практики и теории обладают и формальной, и концептуальной нормативностью, расширяя или сужая границы объяснения наличной реальности и воздействия на формы и тенденции ее развития. Социокультурный и концептуальный транзит выработанных историей мировоззрений и артикулирующих их ценностей, лексики и семантики может быть успешным, если культуры понимания и объяснения их смыслов и значений в основных категориях, а также определениях, практиках взаимодействия отдельных социальных систем и правопорядков связаны общими ментальными и когнитивными источниками существования, мотивациями поведения и действия и вытекают из них.

Языки характеризуют инструментальные свойства переводимости и усвоения актуальных содержаний одной социокультуры в другой, границы и способности языковых обменов между различными системами своего культурного наследия⁷. Возможные концептуальные ловушки, возникающие при этом, охарактеризовал П. Вирно: «Здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона» [57]. Постоянные смещения словаря значений свидетельствовали о более значимых и глубинных ментальных

⁶ Так, программная статья Р. Козеллека «Социальная история и история понятий», в которой были изложены фундаментальные подходы и темы концептуальной истории и теории понятий, написанная в начале 70-х годов прошлого века, была опубликована в сборнике «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков» в 2006 году. Программная статья основоположника Кембриджской школы истории идей К. Скиннера «The State» была опубликована в 2002 году.

⁷ Классический пример неполноты и неадекватности лексико-семантических заимствований приведен в работе Александра Бикбова «Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность». Работа знаменитого французского ученого, культуролога и лингвиста Эмиля Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» (Москва, 1995) в переводе потеряла свое самое главное семантическое значение. Категория «институт» при переводе была периформатирована в слово «термин», что радикально меняло концептуальный смысл исследования. Можно полагать, что вопрос заключен не столько в неадекватном переносе значений одного языка на другой, вопрос скорее в различии культуры понимания смысла и значения используемых понятий. Аналогичная ситуация повторилась с работой британского теоретика искусства Майкла Баксандалла «Patterns of Intention. On the Historical Explanation of Pictures», изданной в 1985 году и переведенной на русский язык под названием «Узоры интенции. Об историческом толковании картин» в 2003 году. Говорить о несовместимости исторической семантики понятия «паттерн» и слова «узоры» полагаю излишним.

основаниях отклонений в предметах понимания явлений, связанных с различиями природы социального мышления в отдельных культурах их выражения. При переводе на русский язык новой работы М. Баксандалла «Живопись и опыт в Италии XV века: введение в социальную историю живописного стиля», впервые опубликованную издательством Оксфордского университета в 1972 году, редакторы сочли возможным и позволили себе изменить такой элемент авторской концептуализации предмета исследования как подзаголовков книги, в котором была зашифрована базовая интенция исследования. А именно, формула «Букварь социальной истории живописного стиля» [58]. Ничего не поделаешь, образ жизни и образ мыслей автора текста, переводчика и читателя никогда не совпадают, — феномен интертекстуальности [59; 60]. Это говорит только об одном: все перечисленные ролевые субъекты имели перед собой письменный текст, представленный различными культурными текстами и прочитанный языками — автора, переводчика и читателей. Мы живем в разных языковых мирах, поскольку мыслим различными социокультурными категориями и понятиями. Остается только развивать способность видеть другой мир в его действительном свете, то есть на языке собственных культурных смыслов и значений.

Генезис языковых формаций

Прежде всего необходимо развести категории «право и язык нормативных определений практической юриспруденции» и «наука права и язык аналитических определений теоретической юриспруденции». По существу, основной предмет в изучении права заключается в определении, с одной стороны, что есть право и что не есть право, а с другой стороны, что есть наука права и что не есть наука права. Проблема состоит в том, что юридический язык данных проявлений правовой реальности, языки правовых институтов или институциональной составляющей правовой системы и языки понятий или концептуальной составляющей правовой системы (хоть и обе подсистемы являются органическими частями общей правовой системы) выполняют различные функции в социальном механизме формирования, становления и развития правопорядка — регуляторную и познавательную. Язык институтов или определений нормативных актов переходит в язык понятий, а язык аналитических понятий переходит в язык формальных институтов. Социокультурный трансфер институтов и понятий и их заимствований протекает в непрерывной явной и скрытой борьбе доктринальных представлений о должном и недолжном порядке социальных отношений.

Среди множества конкурирующих направлений научной рефлексии на предмет правил поведения и форм знаний о правилах поведения, что составляет предмет особой дисциплины в общем корпусе правовой науки — юридической историографии, особое место занимает проблематика эволюции систем юридических знаний на различных фазах культурно-исторической

эволюции права. Юриспруденция пребывает в состоянии непрерывного поиска новых подходов и методов, выражая эту интенцию в истории становления классических и неклассических теорий и концепций описания и объяснения правовой действительности. Расширение дисциплинарного кластера юридической науки, включая антропологию и социологию права, сравнительное правоведение и юридическую лингвистику, вполне закономерно [61, с. 30–99; 14; 62; 63; 50; 64; 65]. Общий предмет исследования составляет эволюция правовых институтов, юридических картин мира и юридических знаний, в совокупности раскрывающих социальные и культурные изменения языков правового общения в различных контекстах эпохи домодерна, модерна и постмодерна.

Языки права *эпохи домодерна* — по факту происхождения и генезиса социоприродные языки. Языки без собственной истории, истоки которых спрятаны в глубине времен. Это праязык, язык юриспруденции звука, жеста и инициаций [66]; язык социоприродных фактов и ритуальных практик; язык архаической картины мира и язык юриспруденции мифа. Реконструкция соционормативной организации первоначальных сообществ, как правило, осуществляется в рамках археологических и этнографических источников с использованием методов исторических типологий и аналитического языка историко-генетической юриспруденции [67; 68; 69, с. 28–36; 70]. Изучение языка правовой архаики позволило расширить понимание его исторической и культурной функции в процессах формирования институтов эпохи домодерна. Генезис юридического языка лежит в основании генезиса социальных институтов, поскольку язык социального общения как таковой является социальным конструктом, то есть институтом. Переход от жестких и закрытых техник социально-нормативной регуляции к более эластичным, гибким и персонифицированным формам языка правового общения открыл новую юридическую перспективу формирования дуалистической модели правопорядка в составе институтов публичного и частного права [71].

Язык права *эпохи модерна* — это уже язык социокультурного процесса, язык исторического контекста меняющегося во времени и пространстве, язык линейного развития и существования социальных отношений, требующих религиозной, моральной и политической легитимации и санкций [72; 73; 74; 75; 76]⁸. Это язык осмысления социальной реальности в системе

⁸ К сожалению, в отечественной традиции политических и правовых исследований термин «*политическая юриспруденция*» не прижился. И проблематика данной научной дисциплины идентифицируется с имеющей весьма высокий концептуальный статус *историей политических и правовых учений*, что с методологической точки зрения не вполне корректно, поскольку стирает различие между собственно теорией и историей вопроса взаимозависимости и транзита языка правовых понятий в политические институты и наоборот. Это также имеет негативный эффект и в прагматическом отношении в части развития такой практико-ориентированной составляющей юриспруденции как *правовая политика*. Фактическое исчезновение из образовательного процесса «истории политических и правовых учений» и низкий уровень аналитической разработки проблематики правовой политики вносит неопределенность в понимание действительной логики процессов, протекающих в этой междисциплинарной и трансграничной сфере научного и практического развития.

концептуальных определений и понятий своей социокультуры. Язык понятий в отличие от социоприродного языка включает в себе множество слоев исторических значений, пребывая одновременно в своем прошлом, настоящем и будущем. Языковые формации права и науки права, исторически существуя в определениях правовой мифологии, правовой теологии и правовой теории, составляют предмет культурно-исторической юриспруденции — междисциплинарного комплекса, позволяющего исследовать отдельные аспекты правовой реальности как одновременно институциональной, концептуальной и языковой реальности в общей структуре их взаимных отношений и пересечений.

Историография вопроса эволюции аналитического языка юриспруденции имеет глубокую исследовательскую традицию [77; 78; 79; 80; 81]. Мы остановимся только на инвариантных и рамочных характеристиках данного социокультурного явления и процесса. Следует иметь в виду, что эпистемические основания различения отдельных исторических форматов правовых знаний связаны и определяются различиями юридических картин мира, в рамочных концептах которых собственно и протекает познавательный процесс как разновидность социокультурного процесса. Эволюция права — это не только эволюция правовых институтов или типов нормативности и типов рациональности или догматики и аксиоматики знаниевых систем. Это, прежде всего, смена юридических картин мира или социокультурных, ментальных и когнитивных матриц социального общения, смена культур понимания цивилизационной принадлежности отдельных видов правовых систем или гештальта в определениях мифопоэтической, религиозно-символической или рационально-логической техник осмысления окружающего мира.

Мифопоэтическая юридическая картина мира образует исторически первоначальное основание формирования эгалитарных правовых систем. В подобной модели нормативное регулирование основано на принципе концептуального тождества или переносе отношений с природным миром на социальную реальность, являющуюся в своей онтологии социоприродной. Именно в этом смысле традиционное право представляет симбиоз природного и социального начал в организации этнически маркированных форм общения. Ключевые элементы наличных форм юридических знаний выражены системами тотемных классификаций, генеалогий, инициаций и культов предков. Жесткая социокультурная матрица регулирования поведения, основанная на традиции и запретах, знаниевые формы первоначального права жестко ограничены коллективными формами восприятия и переживания окружающей действительности. Исторически следующая религиозно-символическая юридическая картина мира образует культурно-историческое основание системы вероучительных знаний о правопорядке. Само представление о должном порядке обладает абсолютной нормативностью. Ключевой принцип юридического знания о мироустройстве состоит в признании невидимого и видимого начал или правопорядка, основанного

на различении небесного и земного, космоса и таксиса. Подобная теологическая модель нормативного регулирования исходила из принципа иерархии и доминирования сакрального права над профанным или юриспруденции веры над юриспруденцией повседневности. Фундаментальные религиозные тексты и их канонические интерпретации лежали в основании ветхозаветной, новозаветной и коранической юриспруденции. Социокультурная матрица регулирования поведения представлена в определениях и квалификациях греха и неотвратимости воздаяния. Современная рационально-логическая юридическая картина мира составляет культурно-историческое основание существующих светских правовых систем. Ключевой принцип как аналитики, так и правообразования лежит в техниках логического вывода формальных правил от общего к конкретному или от конкретного к общему. Данный универсальный принцип пролегает в основании формирования позитивного права, что нашло свое концептуальное и нормативное выражение в различении систем континентального и англосаксонского, законодательного и прецедентного права.

В литературе вопроса принято различать и аналитически разграничивать эволюцию языков права и науки права по отдельным историческим периодам, фиксируя одновременно переходные фазы в развитии систем юридических знаний, рассматривая их в определениях классической, неклассической и постклассической юриспруденции со своими предметами исследования, аналитическим инструментарием и дисциплинарной структурой. Классическая юриспруденция как система категорий, понятий и дефиниций, содержание которых связано определениями нормативно-правовых актов, в своей завершенной форме представлена формально-догматической юриспруденцией. Уже в наименовании данной концептуальной формы организации юридических знаний заключены ее онтология, аксиология и эпистемология. Формально-догматическая юриспруденция — юриспруденция аксиоматических нормативных суждений как в части понимания своего предмета, так и доктринальных оснований и понятийного языка, выводимого из законодательных актов. В этом смысле наименование «законоведение», видимо, в большей степени отвечает ее научному статусу, чем «правоведение». Важнейшее качество дисциплины, раскрывающее ее место в системе социальных и политических наук — междисциплинарность, ограничено весьма узким диапазоном пересечений предметов и методов анализа.

Аксиоматика формально-догматической юриспруденции нормативна во всех проявлениях понимания своих доктринальных оснований, границ своего предмета, языка своих категорий и понятий. Это юриспруденция формально-логических суждений о праве, выводимых из законодательных актов, и в этом смысле наименование «законоведение» в большей степени соответствует ее научному статусу, чем правоведение. Дисциплинарный кластер классической юриспруденции охватывает традиционный набор отраслевых правовых дисциплин, включая философию и социологию

права. Формально-догматическая юриспруденция, консервативная по своим теоретико-методологическим основаниям, продолжает нести бремя апологии наличного правопорядка. В этом и состоит, видимо, в известном отношении ее позитивная черта, предохраняющая от размывания своего главного предмета, — нормативного понятия права и своей правовой системы в целом. Формально-догматическая юриспруденция последовательно отстаивает собственное место в общей системе юридического знания, активно сопротивляясь попыткам изменения своего концептуального ядра и ограничению собственной монополии на определение содержания и языка выражения, интерпретации и использования позитивного права. Ответом на вызовы актуальной потребности комплексного видения своего предмета и методологии стало появление особого знаниевого формата дисциплины — энциклопедии права [82]⁹. Формально-догматическая юриспруденция, безусловно, сохраняет свое аналитическое и юридико-техническое значение. Ее место в системе практико-ориентированной юридической науки не могут заменить никакие новые подходы и версии правопонимания. Это аксиома, не требующая особых аргументаций и доказательств. Юридическая аналитика правовой догматики и аксиоматики так же необходимы для понимания и воспроизводства права, как и концептуальные новации.

Право — это не только и не столько формальный текст и язык его определений. Если мы хотим понять и принять действительную природу права в культурно-психологическом контексте его существования и форм выражения, следует выйти за рамки догматического понимания права при всем практическом значении юридической формы категоризации, концептуализации и конструирования социальной реальности. Право — это не только и не столько провозглашенный или санкционированный текст и язык, представленный в различных лексических, грамматических и жанровых формах. Право пронизывает все аспекты социальной реальности. Сама социальная реальность есть юридический текст и язык, но в их культурно-исторических смыслах и значениях. Право в своей внутренней глубинной онтологии — феномен социокультуры и проявление исторической психологии своего времени.

⁹ Формат учебного пособия лишь подтверждает ранее высказанный тезис. На вершине юридического олимпа продолжает царствовать позитивистская версия понимания права в ее трех редакциях — этатизм, легализм и реализм и их совместное дитя — законоведение в теории и практике. Тридцатилетняя война с либертарной теорией права закончилась тихим исходом последней на кладбище истории политических и правовых учений. Развитая историческим временем традиция самосохранения обеспечила собственное существование в объятиях официально санкционированной формы осмысления правовой действительности. Ограниченная содержательно и формально новация, связанная принципом концептуальной и языковой относительности, не мешает быть тем, чем всегда была формально-догматическая юриспруденция, — научной дисциплиной, предметом которой является право как таковое (*per se*) без каких-либо нежелательных концептуальных примесей — метафизики, герменевтики, синергетики и других проявлений буржуазной правовой мысли. Вопрос концептуальной сущности юриспруденции эпохи постмодерна остается открытым. Позитивизм как научное наследие и концептуальная перспектива развития отечественного права, видимо, бессмертен.

Язык юриспруденции не только язык юридических конструкций и формальных дефиниций. Это язык переживаний и отношений, ценностных суждений и метафизических интуиций нового неба и новой земли, — язык социокультуры и исторической психологии ожиданий грядущего будущего. Это еще много чего, чего мы еще не знаем, но можем только догадываться, прячась в привычные формы и стереотипы мышления и поведения. Но это видели и понимали на грани скрытых умонастроений и интуиций в поиске новых интеллектуальных континентов в бесконечной вселенной слов, текстов, знаков и дискурсов разработчики концептуальных манифестов и исследовательских программ Мишель Фуко, Ролан Барт, Умберто Эко и другие первопроходцы, находящиеся в тени настоящего для предвидения будущего за границами ментальных и когнитивных представлений уходящей классической эпохи [83].

Неклассическая юриспруденция в этом отношении, не претендуя на безусловную аналитическую достоверность и исключительность, пришла и заняла свою исследовательскую нишу, внося уже фактом своего появления изменения в предмет и дисциплинарную структуру правовой науки. Этому есть все основания, заключенные, прежде всего, в самой правовой действительности, в ее онтологии и феноменологии. Право — сложная социокультурная категория, — оно и институт, и концепт в их взаимных отношениях и определениях. Это одновременно и институциональная, и концептуальная, и культурная реальность. Это комплекс сложных динамичных связей и пересечений интересов, воли и ценностей, выражаемый на языках права и науки права, языках практической и теоретической юриспруденции. И здесь такие фундаментальные качества в развитии и преобразовании систем правовых знаний, как контекстуальность и междисциплинарность, являются исходными эпистемическими основаниями формирования нового аналитического языка, — языка неклассической юриспруденции.

Формально-догматическая юриспруденция видит то, что должна и может увидеть в определениях выработанной собственной практикой категориально-понятийного языка. Она знает о праве ровно то и столько, что требует государственная законодательная политика — источник и критерий формальной истины. Неклассическая юриспруденция открывает новые концептуальные рамки осмысления феномена права и аналитических аргументаций, являясь источником и основанием конкурирующих между собой версий понимания, описания и объяснения феномена права в разнообразных формах дисциплинарных репрезентаций. Дисциплинарный кластер неклассической юриспруденции носит сегментарный характер. Междисциплинарная логика и структура аналитических определений внутри отдельных дисциплинарных комплексов — антропологии права, правовой лингвистики, сравнительного права, культуральной юриспруденции с ее историческими словарями языков эпохи — лексикой, жанровыми формами и образами права, ставит неклассическую юриспруденцию перед

проблемой поиска сложных форм построения ее общего предмета [82]¹⁰. Механический формат организации юридического знания — энциклопедия права — уходит на периферию, сохраняя свое значение в качестве учебной дисциплины. Переход от формата классической к формату неклассической юриспруденции смещается в направлении формирования новой эпистемологии права, выраженной в понятии «интегральная юриспруденция» или «аналитический синтез» в построении предмета, содержания и структуры правовой науки.

Новые темы и проблемы в системе юридических знаний *эпохи постмодерна* связаны с процессами становления и развития глобальных систем трансграничных отношений и обменов институтами и языками права [84; 85; 86; 87]. Постмодернистская культура рассматривает язык определений и понятий в качестве глубинных эпистемических оснований развития институтов. Институты права, прежде чем стать фактом социально-правовой реальности, существуют в форме концептов. Язык юриспруденции — составная часть правовой системы и правосознания своей эпохи. Изменения юридических картин мира влекут изменения в составе и структуре ее понятийного поля, изменения модальности лексики, семантики и грамматики конкурирующих порядков жесткого или мягкого, национального и глобального права. Современная ситуация понимания права является выражением целого веера возможных вариантов и переходных состояний в развитии эпистемологии юридических знаний, а именно — эпистемологии классической юриспруденции в системе определений языка дефиниций нормативно-правовых актов, эпистемологии неклассической юриспруденции в системе определений языка конкурирующих аналитических подходов, эпистемологии постмодерна в системе определений глобального языка трансграничных институтов [89; 90; 91, с. 12–26; 92, с. 229–239].

Предмет юриспруденции постмодерна — правовой язык как универсальная форма мышления и понимания действительности, исторические типы и коллизии нормативности жесткого и мягкого права, исторические типы и коллизии социокультурных оснований права в глобальном контексте открытых и закрытых правовых систем. Парадигма и концепции постмодерна вытекают из понимания и определения новых функций языка эпохи перемен. Язык юридической науки не только описывает и объясняет право в различных модусах его существования и проявлений, — юридический язык производит правовую реальность. Социально-правовая реальность существует и манифестирует себя в определениях языка своей исторической эпохи. Язык как таковой обладает эпистемической нормативностью и сам в себе устанавливает нормативные границы существования и определения социальной реальности. Управление языком социально-правового общения

¹⁰ Современный междисциплинарный подход в исследовании права развивает теоретические взгляды на право в единстве концептуальных суждений и формальных правил, оценочных высказываний и аналитических определений.

одновременно есть управление коллективным и индивидуальным сознанием и поведением [93, с. 43–60; 94; 95]. Дисциплинарный кластер постюриспруденции формируется в парадигме концептуальных определений правовой герменевтики, когнитивной юриспруденции, исторической семантики и семиотики юридического текста [96, с. 509–560; 97].

* * *

Глобальный мир требует унифицированного сетевого языка социального общения. Борьба за доминирование отдельных групп интересов и конкурирующих программ глобального правопорядка открывает новое поле правовых исследований. Эта тема и проблема была поставлена еще на заре становления глобальной парадигмы социального развития [98, с. 197–206]. Тема мягкого права и дискурс-анализа в эпистемологии права также нашла себя в отечественной теоретической юриспруденции [99; 100, с. 140–159]. Концептуальное основание правовой культуры постмодерна — юриспруденция языка мягкого права и глобальной унификации в системе отношений и пересечений трансграничных институтов [101]. Юриспруденция постмодерна — юриспруденция языка трансграничных институтов в структуре сетевых отношений. Значение концепта «мягкое право» в образовании институтов и понятий постмодерна фундаментально. Во-первых, данный концепт определяет разнообразие ландшафта юридических дискурсов; во-вторых, он образует аналитическое основание языка юриспруденции постмодерна; в-третьих, санкционирует подвижные нормативные основания формирования и применения права постмодерна. Право постмодерна в отличие от права модерна характеризует открытость и эластичность языка трансграничных институтов.

Отсюда и проистекают конститутивные принципы правовой реальности постмодерна притягательные своей функциональной инновационной сущностью — консенсуальность, конвенциональность и инклюзивность права нового будущего. Принцип *консенсуальности* структурирует коммуникативные основания сетевого общения в системе глобального права. Принцип *конвенциональности* выражает формальные основания вхождения в социальный и культурный механизмы трансграничного права как права без границ. Принцип *инклюзивности* означает включенность в процесс реализации общих проектов на условиях равноправия всех заинтересованных сторон. В каждое время постмодерн — не исключение, он рождает свои ментальные утопии и социальные ловушки.

Общая конструкция институтов и языка трансграничного права в практиках глобальной унификации национальных правопорядков сегодня нашла признание в концепции мягкого права, рассматриваемого в качестве и нормативного, и аналитического ядра правовой системы постмодерна. В аналитически развитой форме концепт глобального трансграничного и наднационального правопорядка, а также связанной с ним мягкой

политико-правовой аргументации сегодня представлен и разработан достаточно полно [102, с. 30–71]. Правовая традиция и правовая новация встретились лицом к лицу, чтобы выяснить: кто же в поисках формальной определенности в ситуации неопределенности языков социальных коммуникаций и культурных предпочтений останется в живых, — право национального суверенитета или право трансграничных коммуникаций и юрисдикций.

Язык наличного права — это язык правовых институтов и концептов, язык прикладной и теоретической юриспруденции или язык правовых конструкций и правил, аналитических определений и понятий своей исторической эпохи, и тем самым является в своей онтологии и аксиологии препятствием на пути к новому цифровому будущему. Регулярный обмен языками правовых институтов и понятий между национальными социально-правовыми системами в современном мире — очевидный факт, поскольку история развития права — это одновременно история заимствований институтов, концептов и ценностей. *Сегодня требование открытости изменениям в своей генеалогии является, прежде всего, политикой отбора представлений, отвечающих актуальной повестке воспроизводства глобального цифрового миропорядка; реальности, в которой будут только действительно реальны невидимые границы социального ядра и социальной периферии; реальности, в которой ни у кого не будет своего будущего, кроме того, которое живет языком цифрового права.* Институт ID граждан открывает широкие перспективы сетевого поведения, в котором правовое общение будет ничем иным, как завершенным в себе выражением иерархии с односторонней формой зависимости. В нем не будет лиц, а только цифровой язык безликих нолей и единиц, в котором все социальные роли, ниши и позиции будут изначально заданы и распределены, а будущее продолжит свой путь без гуманитарных ценностей.

Список литературы

1. Буссе Дитрих. История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. Научный сборник. М., 2007.
2. Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 2023.
3. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы средних веков и раннего Нового времени. М., 2015.
4. Понятие первенства. Истоки и контексты. Коллективная монография. М., 2022.
5. Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. М., 2016.
6. Гаджиев Г. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
7. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., 2021.
8. Пелипенко А.А. Постижение культуры. Часть 2. Мифоритуальная система. Книга 1. Медиационная парадигма. М., 2017.
9. Хокинг Я. Историческая онтология (2002). М., 2024.

10. Райнах А. Априорные основания гражданского права (1913) / Райнах А. Собрание сочинений. М., 2011.
11. Гуссерль Э. Идея феноменологии. Пять лекций. М., 2018.
12. Умберто Э. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.
13. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2016.
14. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
15. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
16. Мартин ван Гелдерен. Между Кембриджем и Гейдельбергом: понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
17. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
18. Культуральные исследования права /под общей ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб., 2017.
19. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук (1966). М., 1977.
21. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
22. Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
23. Критические теории права: коллективная монография / под общей ред. Осветимская И.И., Тонков Е.Н. СПб., 2023.
24. В поисках теории права / под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
25. Самохина Е.Г. История юридических понятий в работах Бьярна Мелкевика / Бьярн Мелкевик. Заметки по истории правовых понятий. СПб., 2018.
26. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903.
27. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
28. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
29. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000.
30. Тимашев Н.С. Введение в социологию права (1939). СПб., 2021.
31. Антонов М.В., Тимашев Н.С. Поиск теории права через социологическую юриспруденцию // В поисках теории права. СПб., 2021.
32. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения. СПб., 2004.
33. Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. СПб., 2013.
34. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.
35. Голунский С.А. Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
36. Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946). М., 2009.

37. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
38. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
39. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973.
40. Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001.
41. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (1917). М., 2013.
42. Левин И.Д. Суверенитет (1948). СПб., 2003.
43. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства / Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.
44. Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве (1926) / Труды по гражданскому праву. М., 2020.
45. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М., 1971.
46. Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., 1967.
47. Пэнто Р., Гравитц М. Введение в изучение права и социальных наук / Методы социальных наук. М., 1972.
48. Васильев В.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
49. Козеллек Р. История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
50. Дорис Бахман-Медик. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.
51. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
52. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
53. Козеллек Р. Введение / Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Том 1. М., 2014.
54. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
55. Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «Истории понятий» в России. Послесловие / История понятий, история дискурса, история метафор // Сборник статей. Перевод с немецкого. М., 2010.
56. Хархордин О.В. Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002.
57. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2015.
58. Мазур Н. Метод и опыт Майкла Баксандалла // Майкл Баксандалл. Живопись и опыт в Италии XV века. М., 2019.
59. Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
60. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности. М., 2013.
61. Лаптева Л.Е., Пахалов М.Ю. Исторические модели правового общения / Правовое общение. Постановка проблемы. М., 2012.
62. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
63. Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
64. Понятия, идеи, конструкции. Очерки исторической сравнительной семантики. М., 2019.

65. Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2023.
66. Темнов Е.И. Звучащая юриспруденция. М., 2010.
67. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. М., 1979.
68. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
69. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3.
70. Мальцев Г.В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.
71. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права. Исследования по римскому и сравнительному праву. В двух томах. М., 2021.
72. Берман Гаролд Дж. Вера и закон. Примирение права и религии. М., 1999.
73. Брольо Ф.М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М., 2008.
74. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007.
75. Карл Шмитт. Политическая теология (1922). М., 2000.
76. Martin Loughlin. Political Jurisprudence. Oxford University Press. 2017.
77. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003.
78. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000.
79. Норбер Рулан. Историческое введение в право. М., 2005.
80. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2016.
81. Честнов И.Л. История и методология юридической науки. Учебник. М., 2018.
82. Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. Учебное пособие. М., 2008.
83. Бланшо М. Голос, пришедший извне. М., 2023.
84. Энциклопедия правоведения и интегральная юриспруденция. Проблемы изучения и преподавания. М., 2013.
85. Манн М. Источники социальной власти: в 4 томах. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы. М., 2010.
86. Ханна Параг. Второй мир. М., 2010.
87. Ричард Б. Великая конвергенция и информационные технологии и новая глобализация. М., 2018.
88. Сакс Дж. Эпохи глобализации. География, технологии и институты. М., 2022.
89. Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. СПб., 2007.
90. Эпистемология и логика мифа. М., 2017.
91. Слыщенко В.А. Методы сравнительного правоведения: замечания о культурологическом подходе к сравнительному праву // Ежегодник сравнительного права. 2011. М., 2011.
92. Беляев М.А. Кризис правовой теории как поиск уже найденного: феноменологический очерк / В поисках теории права. СПб., 2021.
93. Подвойский Д.Г. Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности / Нормы и мораль в социальной теории: от классических концепций к новым идеям. М., 2017.

94. Медушевский А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5.
95. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
96. Андрианов Н.В. Воспроизводство права как проблема семиотики права / Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
97. Разуваев Н.В. Семиотические проблемы правовой антропологии / Социальная антропология права современного общества. СПб., 2006.
98. Кандидо М. В поисках глобальности: междисциплинарные устремления в социальных и естественных науках // Международный журнал социальных наук. Май, 1993, № 1.
99. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9.
100. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4.
101. Демин А.В. Мягкое право в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. М., 2023.
102. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права / Проблемы постсоветской теории и философии права. Сборник статей. М., 2016.

ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И АРГУМЕНТИРОВАННАЯ КРИТИКА

***Аннотация.** Тема статьи касается вопросов анализа основных положений и аргументированной критики либертарно-юридической теории права и государства. Анализируются авторские постулаты о соотношении права и закона, первичности права по отношению к закону, объективной природы права и условий, определяющих содержание законов в трудах В.С. Нерсесянца. Исследуются категории свободы, формального равенства и справедливости в контексте определения сущности права. Оцениваются авторские дефиниции права и государства с позиции их оригинальности и научной ценности. В заключении формулируются обобщающие выводы.*

***Ключевые слова:** право, закон, свобода, формальное равенство, справедливость, государство.*

LIBERTARIAN LEGAL THEORY OF LAW AND STATE: ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS AND REASONED CRITICISM

***Abstract.** The topic of the article concerns the analysis of the main provisions and reasoned criticism of the libertarian legal theory of law and the state. The author analyzes the author's postulates about the relationship between law and law, the primacy of law in relation to law, the objective nature of law and the conditions determining the content of laws in the works of V.S. Nersesyants. The categories of freedom, formal equality and justice are examined in the context of defining the essence of law. The author's definitions of law and the state are evaluated from the standpoint of their originality and scientific value. In conclusion, generalizing conclusions are formulated.*

***Keywords:** law, freedom, formal equality, justice, state.*

Существование, выражение и самоопределение права детерминируется системой социальных, политических, культурных координат, их категорий и понятий — субъектов и объектов, процессов и отношений, институтов и процедур. Право, которое Г.В. Мальцев справедливо понимал как грандиозный и неисчерпаемый для познания феномен жизни общества, находится

в фокусе внимания юристов с момента возникновения юридической науки. Вместе с тем становлению права в качестве предмета изучения предшествует осознание права в качестве социокультурного явления. Очевидно, что содержание и формы выражения права проистекают из социального порядка в определениях должного и недолжного для конкретной исторической эпохи. В этом смысле право можно рассматривать трояко: фактически сложившаяся на основе обычаев, традиций и законодательства правовая реальность; воображаемая правовая реальность, то есть идеальный правовой порядок; аналитическая правовая реальность, а иными словами — доктрина права. Таким образом, право одновременно реалистично, идеально, доктринально и производно от своей «среды обитания», в рамках которой сталкиваются желания, интересы и ценности. В этом смысле бытие права есть не что иное как перманентный конфликт интересов и ценностей в различных масштабах.

На сегодня существует четыре основных типа понимания права: юридический позитивизм или нормативизм (право трактуется как совокупность норм, установленных или санкционированных государством); социологический позитивизм (существование «книжного права» и «живого права», которое формулируется в решениях судебных и административных органов и имеет абсолютный приоритет над «книжным правом»); теории естественного права (право выводится из разума или природы общества и человека, а человеку приписываются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему); философское понимание права (право сводится к свободе, которая понимается как разумное общественное поведение).

Юридический и социологический позитивизм более реалистичны, так как придают праву вполне реальное содержание (нормы и отношения). Теории естественного права и философское понимание права носят сугубо теоретический характер, говоря по-другому, описывают не реальное право, а скорее идеальное право. Подобные научные абстракции объективно необходимы, так как они представляют собой необходимый этап в познании объективного мира. Все эти подходы принято считать классическими в силу наличия у каждого из них базового принципа: норма поведения, установленная верховной властью; реальные отношения, влекущие юридические последствия; неотчуждаемые права личности; абстрактная формула свободы. Однако прогресс необходим и перманентен, что приводит к теоретическому осмыслению и попыткам обосновать так называемые «новые теории права».

* * *

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных

горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для социума. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Это та интерпретация, в монополюсный характер которой хочется беззаветно верить. Однако реальность однозначно опровергает безальтернативность, да и в целом правильность этого постулата.

Существует еще и скептическое объяснение, согласно которому в предлагаемых сегодня вариантах понимания права нет ничего нового. Как пишет Н.В. Варламова, «на деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы» [1, с. 89]. По мнению О.В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, то есть благодаря равнодушию и безучастности специалистов [2, с. 282].

Действительно, сегодня мы наблюдаем миролюбие представителей научной и университетской сфер. Большинство коллег убеждены в том, что в современных условиях не составляет особого труда с помощью словесной эквилибристики выдать классические постулаты за принципиально новые идеи. Своего рода популистская публикационная активность отдельных авторов зачастую обусловлена готовностью ряда изданий опубликовать любой текст. Вместе с тем аргументированная критика является экзистенциальным элементом любой науки, который убергает ее от деградации и забвения.

В ряду «новых теорий права» особое место принадлежит «либертарно-юридической теории права и государства» академика В.С. Нерсесянца. Эта теория стала хронологически первой и наиболее разработанной в виде значительного числа публикаций, во многом предопределив процесс создания «новых теорий права». Число сторонников этой теории невелико и вполне объяснимо то, что все они вышли из Института государства и права РАН, где сектором теории и истории государства и права руководил В.С. Нерсесянц. Наибольшую известность среди них получили В.А. Четвернин, Н.В. Варламова и В.В. Лапаева.

Говоря о происхождении названия данной теории, нужно подчеркнуть, что этот вопрос не лишен определенного интереса. Откуда произрастает и что означает слово «либертарная»? Во время разработки теории четко прослеживалась только связь этого слова со свободой. Но ведь тогда не было открытием наличие сложившегося и общепринятого понятия «либерализм». Тогда возникает вопрос: почему теория именуется либертарная, а не либеральная? О.В. Мартышин отмечает, что при советской власти слово

«либерализм» здесь не подходило, так как тогда оно прочно ассоциировалось с буржуазностью и защитой интересов капитала: «Назвать теорию, претендовавшую при своем возникновении на верность диалектическому и историческому материализму либеральной, значило бы задушить ее в зародыше, совершить акт самоубийства. А вот термин «либертарная» в силу своей сравнительной новизны в отечественной литературе и непонятности подходил для этой цели» [2, с. 296]. Это объяснение выглядит реалистично в силу наличия в советском государстве законодательно установленной идеологии, которая вне всякого сомнения подчиняла себе науку.

* * *

Основу исследуемой теории составляет «концепция различения права и закона». В монографии «Право и закон» Нерсесянц категорично заявлял, что право и закон — «два ключевых понятия прошлой и современной юридической мысли» [3, с. 3]. Отмечая наличие в ряде языков слов, которые примерно соответствуют словам «право» и «закон» в русском языке, автор заключает, что необходимо выяснить, различаются ли эти понятия. На этой основе он выделяет два типа понимания права: «юридическое» (от лат. *jus* — право) и «легистское» (от лат. *lex* — закон). Для первого типа характерен приоритет права над законом, а для второго — признание закона в качестве права [3, с. 360]. Представляется, что сегодня этот спор носит сугубо теоретический характер. Очевидно, что в чистом виде в жизни общества не существует такого явления как право. Норма права лишь тогда становится общеобязательным правилом поведения, когда она приобретает формальную определенность, то есть закрепляется на законодательном уровне.

В.С. Нерсесянц рассматривает право и закон «как два взаимосвязанных и вместе с тем различных реальных явления» [3, с. 362]. Он подчеркивает, что «различение права и закона — необходимый элемент любого теоретического подхода к правовым явлениям, предполагающего различение сущности (что есть право в его сущности и необходимости) и явления (что в данных условиях дано, положено как право, т.е. считается положительным правом)» [3, с. 361]. Попробуем оценить исходный постулат данной теории.

Необходимость отличать право от закона не вызывает сомнения, но эти понятия никто и не отождествляет. Например, классик античной политико-правовой мысли Аристотель, трактуя право как воплощение справедливости, отмечал существование естественного права, которое универсально и не нуждается в законодательном оформлении и условного права, а значит, норм, установленных людьми в форме законов и соглашений. Средневековый мыслитель Фома Аквинский наряду с вечным законом и божественным законом говорил о присутствии в жизни людей естественного закона и человеческого закона (позитивное право).

На последующих этапах развития политико-правовой мысли идея дифференциации права и закона только расширялась и детализировалась. Здесь стоит сравнить основной постулат теории Нерсесянца с классическими типами понимания права. Как уже было отмечено, для юридического позитивизма характерно понимание права как совокупности норм, установленных или санкционированных государством. В данном случае создается иллюзия отождествления права и закона. Обратимся к позиции классика дореволюционной школы юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневича, который писал: «Право есть такая норма (правило) поведения, соблюдение которого поддерживается угрозой страдания, причиняемого государственной властью нарушителю» [4, с. 130]. Очевидно, что он понимал право как принудительное правило поведения, но не отождествлял его с законом.

В рамках социологического позитивизма тем более невозможно отождествление права и закона. Право в нем понимается как результат практической деятельности уполномоченных субъектов. Следовательно, само оно является содержанием, а судебный прецедент или административный прецедент — официальным оформлением его норм. В свою очередь философское понимание построено на различии права и закона, так как не каждый закон является правовым. Таким образом, приписывать Нерсесянцу новаторство в вопросе разграничения права и закона было бы абсурдно. В упомянутой монографии «Право и закон» он лишь констатирует, что процесс развития мировой политико-правовой мысли со временем все более отчетливо свидетельствовал об универсальном характере понимания закона как одной из форм права [см. 3].

В.С. Нерсесянец предпринял попытку на основе философского подхода обосновать разграничение права и закона не по форме, а по существу в двух аспектах: во-первых, согласно принципу, что первично и что вторично; во-вторых, по содержанию, — насколько закон соответствует праву. Он пишет: «право и закон рассматриваются как два взаимосвязанных и вместе с тем *различных реальных явления*» (курсив мой — А.Е.); развивается идея «приоритета права над законом»; «под правом ... по сути дела имеется в виду нечто по времени и по смыслу предшествующее и определяющее (первичное, безусловное, необходимое, обуславливающее, имеющее приоритет и т.п.) по отношению к закону» [3, с. 360–361]. В этих постулатах тоже невозможно обнаружить новизны или оригинальности. Осознание того, что право предшествует закону, становится очевидным даже на интуитивном уровне, поскольку любому законодательному закреплению того или иного правила поведения предшествует его оформление общественными отношениями, обычаями и традициями. Кроме того, до появления закона то или иное правило поведения законодатель выражает в форме законодательной

инициативы, то есть теоретико-правовая мысль предшествует действию по ее легализации.

«Рассмотрение того, что есть право, представляет собой анализ как объективной природы и специфических качеств самого права, так и той совокупности факторов (природного, социально-политического, общественно-исторического, этического, духовного, психологического характера и т.д.), которые определяют и обуславливают правовые свойства закона, его место и значение в человеческой жизни» [3, с. 362], — пишет Нерсисянц. Но и эта идея ему не принадлежит. Достаточно вспомнить широко известный фундаментальный труд Ш.Л. Монтескье «О духе законов», в котором утверждаются и обосновываются следующие постулаты: бесконечное разнообразие законов и нравов обусловлено отнюдь не произволом фантазии; все имеет свои законы; законы находятся в тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены [см. 5]. Мы можем констатировать, что вся мировая история и развитие юридической науки свидетельствуют о том, что понятие права, его сущность, социальное назначение и законодательное оформление напрямую зависят от всей совокупности условий жизни конкретного социума.

Анализ последнего постулата показывает, что Нерсисянц стремился провести различие между «объективной природой права» и «факторами, предопределяющими содержание законов». В этом мы не можем увидеть новаторства со стороны автора. Общеизвестно, что право формируется объективно и опосредуется общественно-политической, политико-правовой и социально-культурной конфигурациями жизни конкретного социума. В свою очередь законодательная деятельность во многом определяется субъективными факторами в виде лоббирования интересов, стремления навязать обществу определенные мировоззренческие ориентиры, определить векторы общественного развития и тому подобное. Руководствуясь общественно-политической повесткой своего времени, Нерсисянц необоснованно выдавал эту конструкцию за идею исторического материализма. Очевидно, что он не мог прямо говорить об идеализме, который при советской власти решительно отвергался. Тем не менее, сформулированная еще Платоном концепция объективного идеализма вполне вписывается в научно-исследовательскую парадигму большинства «новых теорий права». Эти рассуждения подводят к необходимости проанализировать понятие права.

В.А. Четвернин определяет суть права через категорию «свобода»: «Право — это нормы и полномочия, выражающие и обеспечивающие свободу индивидов в их отношениях друг с другом и с государственной властью» [6, с. 6]; «право гарантирует формальную свободу индивида» [6, с. 68]; «право по своей сущности — это форма свободы, равная для разных людей мера свободы» [6, с. 71]. В приведенном подходе нет ничего

нового. Понимание права как «разграничителя интересов» было четко сформулировано Н.М. Коркуновым, а еще раньше — классиком немецкой философии И. Кантом. Четвернин стремится выделить в праве несколько аспектов: нормативистский (право как норма), социологический (право как полномочие) и философский (право как идея свободы). Такая компиляция не может нести в себе научной новизны.

Нерсесянц несколько расширил понимание права. По его мнению, правовая форма имеет три компонента: формальное равенство; свобода; справедливость [7, с. 29]. Как мы можем видеть, понятие свободы в его трактовке прирастает категориями равенства и справедливости. На этой основе он понимает право и государство как «всеобщие и необходимые формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей» [7, с. 11]. Есть ли в такой трактовке принципиальные отличия от понимания права сугубо в контексте свободы? Обратимся к пояснениям самого автора. Начнем с понимания права как формального равенства.

Нерсесянц полагал, что понятие «равенство» представляет собой определенную абстракцию, однако правовое равенство не столь абстрактно как числовое равенство в математике. Он пишет: «Основанием (и критерием) правового уравнивания различных людей является *свобода индивида в общественных отношениях* (курсив мой — А.Е.), признаваемая и утверждаемая в форме его правоспособности и правосубъектности. В этом и состоит специфика правового равенства и права вообще» [7, с. 17]. Таким образом, категория формального равенства, так или иначе, определяется через категорию свободы. Далее Нерсесянц лишь подтверждает это умозаключение: «Правовое равенство — это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Право говорит и действует языком и средствами такого равенства и благодаря этому выступает как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей. В этом смысле можно сказать, что право — математика свободы» [7, с. 17]. Можно констатировать, что свобода индивида выступает предпосылкой правового равенства. На основе дуализма свободы и равенства Нерсесянц полагает, что право — это «нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях» [7, с. 20]. Можно сделать вывод, что выделение категории формального равенства в рамках сущности права весьма условно, так как формальное равенство неотделимо от свободы индивида. Перейдем к такому компоненту правовой формы как свобода.

Отмечая различные значения, придаваемые слову «свобода», Монтескье писал: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово „свобода”. Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого наделили

тиранической властью; другие — право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилие; четвертые — видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие» [8, с. 288]. Нерсесянц полагал, что специфика правовой формальности обусловлена тем, что «право выступает как форма общественных отношений независимых субъектов, подчиненных в своем поведении, действиях и взаимоотношениях общей норме». Независимость этих субъектов, их равная подчиненность общей норме определяют смысл и существо *правовой формы бытия и выражения свободы* [7, с. 22]. Интересно здесь понимание им соотношения «свобода индивидов» и «свобода их воли».

Нерсесянц пишет: «Свобода индивидов и свобода их воли — понятия тождественные. Воля в праве — свободная воля, которая соответствует всем сущностным характеристикам права и тем самым отлична от произвольной воли и противостоит произволу. Волевой характер права обусловлен именно тем, что право — это форма свободы людей, т.е. свобода их воли» [7, с. 23]. Вряд ли это умозаключение может стать для кого-то открытием. Очевидно, что сферу правового регулирования составляет лишь поведение людей, которые по своей воле способны избрать для себя ту или иную модель поведения.

Далее Нерсесянц проводит четкую взаимосвязь между свободой и равенством. Он говорит: «*Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы*. Неправовая свобода, свобода без всеобщего масштаба и единой меры, словом, так называемая «свобода» без равенства — это идеология элитарных привилегий, а так называемое «равенство» без свободы — идеология рабов и угнетенных масс (с требованиями иллюзорного «фактического равенства», подменой равенства уравниловкой и т.д.). Или свобода (в правовой форме), или произвол (в тех или иных проявлениях). Третьего здесь не дано: неправое (и несвободное) — всегда произвол» [7, с. 25]. Этот постулат он пытается обосновать фактологией всемирной истории.

Вплоть до конца XVIII века все известные миру правовые системы строились не на принципе формального равенства, а напротив, детерминировались принципом неравенства людей перед законом. Никакого «правового уравнивания» или «равной правоспособности» быть не могло [9, с. 56]. Анализируя это обстоятельство, Нерсесянц формулирует на первый взгляд безупречный формально-логический вывод. «Там, где люди делятся на свободных и несвободных, последние относятся не к субъектам, а к объектам права, — пишет он, — и на них принцип правового равенства не распространяется»; в докапиталистической ситуации «само право ... а вместе

с ним и свобода представляют собой привилегию для некоторых индивидов против остальной части общества» [9, с. 53, 57].

Оценивая эту идею, можно прийти к выводу, что сфера правового регулирования не распространяется на несвободных людей. Можно с уверенностью констатировать, что этот вывод абсурден. Признание человека не субъектом, а объектом права отнюдь не выводит его из сферы правового регулирования. Памятники архаичного права устанавливали различные штрафы за лишение жизни или причинение вреда здоровью зависимого человека. Да, его интересы ценились гораздо меньше по сравнению с привилегиями свободного человека, но это обстоятельство не делало его бесправным и не выводило из сферы правового регулирования.

Следует в целом оценить оригинальность идеи «право есть свобода». За этой формулой стоит очень давняя традиция. Классик немецкой философии И. Кант писал: «Право — это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [10, с. 139]. Еще один классик немецкой философии Г. Гегель (по политико-правовым воззрениям которого Нерсисянц защитил кандидатскую и докторскую диссертации, несмотря на то, что Гегель в советское время был изучен «до последней запятой») выводил формулу «идея права есть свобода». Более того, эти мыслители не были первооткрывателями этого постулата, они, скорее, обобщили воззрения своих предшественников. Поэтому, признавать авторство Нерсисянца в данном вопросе, по меньшей мере, наивно. Наконец, следует обратиться к такому элементу правовой формы как справедливость. Существует несколько точек зрения, объясняющих природу справедливости.

М.Н. Марченко считал справедливость внеправовой категорией, то есть категорией, которая не охватывается рамками права по причине того, что справедливость, добро, зло — это категории морали, а не права. Т.Н. Радько рассматривает справедливость как универсальную категорию, которая не может относиться только к праву. Он мотивирует свою убежденность существованием таких понятий, как «социальная справедливость», «человеческая справедливость» и так далее. В праве же, по его мнению, должна выражаться и закрепляться «юридическая справедливость». Это значит, что право не должно допускать произвол, становиться инструментом одного класса или группы людей, должно воздавать должное правонарушителю, не позволять одним наживаться за счет других, допускать незаслуженное обогащение — в этом будет заключаться справедливость права [11, с. 264]. Эта точка зрения представляется приемлемой и обоснованной. Не вызывает сомнения универсальный характер справедливости, которая, имея изначально этическое происхождение, в ряде случаев закрепляется законодательно на уровне принципа права. Поэтому периодически звучащие

сегодня призывы исключить из законодательства принцип справедливости абсурдны.

Отмечая необходимость учитывать справедливость наряду с равенством в вопросах понимания права, В.С. Нерсесянц утверждал: «В контексте различения права и закона это означает, что справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т.д.)» [7, с. 28]. Он подчеркивает, что какого-либо иного принципа, кроме правового, справедливость не имеет. Отрицание правового характера и смысла справедливости приводит к тому, что за справедливость начинают выдавать какое-нибудь неправовое начало — требования уравниловки или привилегий, те или иные моральные, нравственные, религиозные, мировоззренческие, эстетические, политические, социальные, национальные, экономические и тому подобные представления, интересы, требования.

Оценивая этот подход, следует отметить, что Нерсесянц сужает сферу проявления справедливости и в целом исключает ее самостоятельное значение. Общеизвестно, что в догосударственный период жизнь социума регламентировалась обычаями и традициями, которые базировались на представлениях людей о социальной справедливости. Отсутствие в те времена законодательно закрепленных норм права отнюдь не означало отсутствие социальной справедливости. Кроме того, в понимании категории справедливости Нерсесянцем невозможно обнаружить принципиально новых идей, так как категория справедливости интерпретируется им через категорию свободы: «В пространстве всеобщности и общезначимости принципа правового равенства и права как регулятора и необходимой формы общественных отношений свободных субъектов именно правовая справедливость выступает как критерий правомерности или неправомерности всех прочих претензий на роль и место справедливости в этом пространстве. Отдавая каждому свое, правовая справедливость делает это единственно возможным, всеобщим и равным для всех правовым способом, отвергающим привилегии и *утверждающим свободу* (курсив мой — А.Е.)» [7, с. 31].

Здесь есть необходимость обратиться к определению позитивного права. В.С. Нерсесянц предлагает следующую дефиницию: «Право — это соответствующая требованиям принципа формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью государственного принуждения» [9, с. 75]. Понимание права как нормы, установленной или санкционированной государством и обеспеченной возможностью государственного принуждения, полностью вписывается в концепцию юридического позитивизма и является данью нормативизму. Здесь проявилось и стремление автора соответствовать реалиям советского

времени. Что же касается присовокупления к нормативистской формуле либертаристского тезиса о формальном равенстве как необходимом признаке права, это обстоятельство представляет собой словесную эквилибристику. Как уже было отмечено, только законодательства до конца XVIII века закрепляли принцип неравенства людей перед законом. Современное же Нерсесянцу советское право по своей природе принято считать классовым, но даже оно на законодательном уровне закрепляло принцип формального равенства. Следовательно, формальное равенство — это само собой разумеющееся обстоятельство, упоминание которого в дефиниции понятия права выглядит бессмысленным. Обратимся к проблеме государства в рамках либертарной теории. В данном случае четко прослеживается тот же самый подход, что и к праву: как не всякий закон является правом в либертарном смысле слова, так и не всякое государство является государством.

«Государство — считает Нерсесянц, — это правовая (т.е. основанная на принципе формального равенства) организация публичной (политической) власти свободных индивидов» [9, с. 78]. Что же здесь уникального? Пониманию государства как основанной на праве организации публичной (политической) власти сотни лет. Дополнение же этой дефиниции указанием на свободных индивидов опять же есть не что иное как словесная эквилибристика. Очевидно, что всякое современное нам и современное Нерсесянцу государство на законодательном уровне закрепляет формальное равенство свободных индивидов. Даже если обратиться к любому рабовладельческому государству, в рамках которого общество законодательно делилось на свободных и рабов, становится понятно, что такое государство определялось как правовая организация публичной власти свободных людей — субъектов права. Рабы были объектами права и не могли обладать свободой. В этом смысле дефиниция Нерсесянца представляет собой классическую формулу, к которой он добавляет основополагающий постулат своей теории. Следовательно, предложенная интерпретация не имеет научной ценности.

Но ему вторит и развивает либертарно-юридическое понимание государства В.А. Четвернин. На основе противопоставления позитивистско-социологической и неопозитивистской концепций государства он приходит к следующему выводу: «Государство в позитивистской социологической трактовке — это голая монополия силы, которая логически и онтологически предшествует праву, отождествляемому с законом» [12, с. 14]. Иное понимание у неопозитивистов: «Сущность государства — это власть, подчиненная праву. С этой точки зрения различаются государство (власть, ограниченная правом) и деспотия (власть, ничем не ограниченная)» [12, с. 16]. В первом случае воспроизведена классическая формула нормативизма: право — это приказ государственной власти, закрепленный на законодательном уровне.

Второй подход выглядит привлекательно, но его узость более чем очевидна: государство отождествляется сугубо с правовым государством.

Вероятно, осознание узости такой интерпретации вынудило Четвернина пойти на некоторые уступки посредством использования неюридических формулировок: «Далеко не всякое государство можно назвать правовым государством. Но всякое государство называется государством постольку, поскольку власть в нем *хотя бы минимально* (курсив мой — А.Е.) ограничена, связана правами, минимальной неотъемлемой свободой подвластных... [6, с. 107]. Если исходить из либертарного различения права и закона, то получается, что государственной властью является лишь такая публичная власть, при которой *хотя бы часть подвластных* (курсив мой — А.Е.) обладает свободой» [6, с. 88]. Эти тезисы неубедительны: ни в прошлом, ни тем более в настоящем невозможно найти такое государство, в котором хотя бы какая-то часть граждан (подданных) не обладала бы какими-то минимальными свободами. Даже идеолог абсолютизма во Франции Ж. Боден, ратующий за монархию, был убежден в том, что в «законной монархии» подданные повинуются законам монарха, обладая при этом личной свободой и собственностью [см. 13]. Более того, такие расплывчатые и субъективно-оценочные формулировки как «власть в государстве хотя бы минимально ограничена» и «хотя бы часть подвластных обладает свободой» могут привести к произвольным и нереалистичным выводам, что авторитарное правление — это государство, а тоталитаризм исключает наличие государства.

Помимо приведенной не совсем юридической характеристики государства, сторонники рассматриваемой теории затрагивали вопрос о социальном назначении государства. Оно сводится к служению обществу в целом, к выражению всеобщего интереса, обеспечению свободы, безопасности и собственности частных лиц [6, с. 111]. Исходя из данного постулата мы обнаруживаем смешение классового подхода (государство обеспечивает свободу, безопасность и собственность частных лиц) и общесоциального подхода (служение обществу в целом, выражение всеобщего интереса) к определению сущности государства. Представляется, что и этот подход не может быть научным открытием. Общеизвестно, что не существует сугубо классового или сугубо общесоциального государства. Любое государство в той или иной мере решает общесоциальные задачи и не может при этом игнорировать интересы правящей элиты. Советское государство, несмотря на классовый характер, в приемлемых для себя пределах обеспечивало свободу людей, защищало общество от внутренних и внешних врагов, охраняло собственность граждан (правда, не такими репрессивными методами, как социалистическую собственность).

Отмечая единство подходов в понимании права и государства, Нерсесянц категорично заявляет о разработке «единого общего понятия права

и государства». Он видит крупное достижение новой теории в разработке «одного единого общего понятия права и государства», «исходного общего юридического понятия», упраздняющего дуализм права и государства. «Необходимо исходить — поясняет он, — или из понятия права, или из понятия государства». Выбор делается в пользу права. Тем самым «достигнуто понятийно-правовое единство соответствующей концепции юриспруденции: единое понятие права ... охватывает оба объекта научного познания (право и государство) и является общим и единым для них понятием» [9, с. 6–8]. И в данном случае оригинальность идеи находится под большим вопросом. Если анализировать понимание права и государства в рамках определенного общества на определенном историческом этапе его существования, взаимосвязь права и государства самоочевидна: природа государственной власти, доктрина права и содержание законодательства находятся в прямой взаимосвязи. Здесь невозможно «открыть Америку». Следовательно, для познания государства и права определенного общества необходимо использовать один и тот же научно-исследовательский инструментарий.

* * *

Итогом вышеизложенного могут быть следующие выводы:

- за идеей разграничения права и закона стоит многовековая политико-правовая традиция, исключающая саму возможность признания этой идеи научным открытием В.С. Нерсесянца;
- признание первичности права по отношению к закону не представляет собой ничего уникального, так как это самоочевидное обстоятельство, которое неоднократно доказывалось классиками политико-правовой мысли;
- Нерсесянц воспроизводит постулаты труда Ш. Монтескье «О духе законов», когда заявляет о зависимости права от условий жизни общества;
- разграничение «объективной природы права» и «условий, определяющих содержание законов» не является научным открытием Нерсесянца, это было очевидно задолго до него;
- понимание права как свободы в своей классической форме принадлежит И. Канту и Г. Гегелю, которые обобщили воззрения своих предшественников по этому вопросу;
- в ряде своих работ, определяя право как свободу, Нерсесянц ссылается на себя, что создает иллюзию принадлежности этой идеи ему самому;
- приращение свободы категориями формального равенства и справедливости в определении сущности права Нерсесянцем представляют собой лишь словесную эквилибристику, так как эти категории он выводит непосредственно из категории свободы;

– определение позитивного права Нерсесянца есть не что иное как приращение классической нормативистской формулы указанием на принцип формального равенства;

– определение государства Нерсесянца сводится к приращению классической формулы «правовая организация публичной власти» указанием на принцип формального равенства;

– по своей сути государство в трудах Нерсесянца сводится сугубо к правовому государству, что видится излишне идеалистическим и абсурдным.

Наконец, использование одного и того же подхода для определения природы права и государства – самоочевидный постулат, который нельзя считать атрибутом, имманентным только либертарно-юридической теории.

Список литературы

1. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.
2. Мартышин О.В. Философия права. М., 2020.
3. Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983.
4. Шершеневич Г.Ф. Социология: лекции. М., 1910.
5. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Азбука, 2023.
6. Четвернин В.А. Понятие права и государства. М., 1997.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998.
8. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.
10. Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
11. Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2010.
12. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство. Введение в теорию. М., 1993.
13. Боден Ж. Метод легкого чтения историй: в 3 т. / пер. с лат., коммент., сост. указ. И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной. Т. II. Об устройстве государств. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

В.И. ЗАХАРОВА
Н.Т. ИОСЕЛИАНИ

ОСОБЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

***Аннотация.** Прозрачное проведение избирательных кампаний муниципальных депутатов с соблюдением требований законодательства служит залогом укрепления доверия представителей местных сообществ к избирательным механизмам и системе публичной власти в целом, в связи с чем непрерывное совершенствование подходов к организации избирательного процесса на местном уровне является актуальным и значимым. Продолжающаяся реформа местного самоуправления также усиливает важность и роль представительных органов в управлении муниципалитетами, а цифровизация публичной власти в России сопровождается все более широким внедрением современных информационных технологий в ход выборов (например, дистанционное электронное голосование).*

***Ключевые слова:** выборы, депутаты, избиратели, электронное голосование, избирательные комиссии.*

PECULIARITIES OF MUNICIPAL ELECTIONS USING ELECTRONIC VOTING

***Abstract.** Transparent conduct of election campaigns of municipal deputies in compliance with the requirements of the law serves as a guarantee of strengthening the confidence of representatives of local communities in electoral mechanisms and the system of public power in general, and therefore continuous improvement of approaches to the organization of the electoral process at the local level is relevant and significant. The ongoing reform of local self-government also reinforces the importance and role of representative bodies in the management of municipalities, and the digitalization of public power in Russia is accompanied by the increasingly widespread introduction of modern information technologies during elections (for example, the remote electronic voting).*

***Keywords:** elections, deputies, voters, electronic voting, election commissions.*

В основе правового регулирования проведения избирательных кампаний муниципальных депутатов Москвы лежат законы города Москвы от

ЗАХАРОВА Вера Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и кадровой политики Московского государственного университета управления Правительства Москвы, г. Москва

ИОСЕЛИАНИ Николь Теймуразовна — магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

06.11.2002 № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве», от 06.07.2005 № 38 «Избирательный кодекс города Москвы» и другие правовые акты. Так, в соответствии с законом № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» в качестве муниципальных представительных органов выступают Советы депутатов, которые избираются на муниципальных выборах. Численность депутатов в конкретном Совете депутатов определяется уставом в пределах, установленных рассматриваемым законом.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется в рамках государственной программы «Информационное общество» и предусматривает в том числе предоставление цифровых сервисов для участников избирательного процесса, существенное повышение доступности процедуры голосования для избирателей [1]. Электронное голосование на выборах муниципальных депутатов, как справедливо заметил А.Н. Чертков, позволяет успешно решать три важнейшие задачи:

1. повышение доступности процедуры голосования, что достигается в том числе благодаря применению электронного удаленного голосования. В крупных мегаполисах применение удаленного голосования позволяет сделать участие в муниципальных выборах более комфортным для местных жителей, в удаленных населенных пунктах — сократить временные и денежные затраты, связанные с поездкой на избирательный участок. Более того, с учетом быстрой цифровизации всех сфер жизни, что особенно ярко проявляется в Москве, наличие возможностей электронного голосования является объективно необходимым для поддержания интереса жителей (особенно молодежи) к муниципальным выборам;

2. повышение доверия избирателей к муниципальным выборам, рост вовлеченности местного сообщества в решение проблем местного значения. Практика показывает, что создание возможностей для электронного голосования существенно повышает явку на муниципальные выборы, в том числе за счет молодых избирателей;

3. сокращение расходов, связанных с проведением избирательного процесса, что особенно актуально для муниципалитетов, испытывающих трудности с наполнением местного бюджета. При этом экономия ресурсов при проведении избирательного процесса не сопровождается снижением его качества или прозрачности, что также обуславливает интерес органов власти и представителей общественности к использованию электронного голосования [2, с. 16–17].

Электронное голосование на выборах муниципальных депутатов становится возможным благодаря наличию трех основных элементов: технического; организационного; правового [3, с. 169].

Технический элемент, необходимый для успешного проведения выборов муниципальных депутатов, представлен различными аппаратными

и программными решениями, используемыми в избирательном процессе. Впервые технические средства стали активно использоваться в избирательном процессе в 1996 году в виде сканеров избирательных бюллетеней (СИБ), возможности которых оставались ограниченными. Впоследствии были разработаны новые образцы со встроенным компьютером, получившие название «Комплекс обработки избирательных бюллетеней» (КОИБ). Они позволили существенно повысить надежность подсчета голосов в автоматизированном режиме и уменьшить количество ошибок при подсчете результатов голосования. Были востребованы и получили распространение также новые решения, позволяющие голосовать с применением цифровых технологий, в том числе: комплексы электронного голосования (КЭГ) и электронные терминалы цифровых избирательных участков.

Мы поддерживаем точку зрения Е.В. Былинкиной в том, что применение КОИБ является «временным явлением, переходным этапом от бумажного голосования к электронному» [4, с. 6], однако, на наш взгляд, использование современных решений (цифровых избирательных участков, КЭГ) требует существенных затрат, связанных с цифровизацией избирательного процесса. По мере реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» все большее распространение получит также голосование с использованием Интернета.

«Дистанционное электронное голосование осуществляется при отсутствии избирателей на участке или в ином специально оборудованном месте, а стационарное — только при условии личного присутствия избирателя» [5, с. 56]. Соответственно, существующая информационно-коммуникационная инфраструктура должна обеспечивать реальную возможность проведения дистанционного электронного голосования на основе цифровых технологий, гарантировать как достаточный уровень информационной безопасности в ходе течения избирательного процесса, так и достоверность полученных результатов проведения муниципальных выборов.

Действующая ГАС «Выборы» успешно реализует информационные процессы, связанные с проведением выборов муниципальных депутатов, концентрируя информацию о ходе и итогах голосования, о кандидатах на выборах в муниципальные представительные органы, о деятельности территориальных и участковых избирательных комиссий, а также иную информацию, необходимую для устойчивого течения избирательного процесса [6].

Организационный элемент применения электронного голосования, с нашей точки зрения с наличием в муниципалитете подразделений, ответственных за внедрение цифровых технологий в избирательный процесс, и специалистов с требуемыми компетенциями, и с готовностью представителей общественности использовать возможности, предоставляемые электронным голосованием. По данным исследования ВЦИОМ в сентябре 2021 года, более половины избирателей позитивно относятся к возможности использования дистанционного электронного голосования (рисунок 1) [7].

Рисунок 1. Отношение избирателей к возможности использования дистанционного электронного голосования (в %)

В сентябре 2021 года 35 процентов избирателей высказали критическое отношение к применению дистанционного электронного голосования в избирательном процессе, что свидетельствует о неуверенности представителей общества в его надежности, достоверности, а также о неготовности многих граждан к его полноценному использованию в качестве замены традиционных форм голосования. Исследование ВЦИОМ, проведенное в 2020 году, показало, что 69 процентов избирателей при возможности выбора способа голосования предпочли бы использовать традиционный бумажный бюллетень. Это означает, что в электоральной среде сохраняются как технологические, так и репутационные ограничения (рисунок 2) [8].

Рисунок 2. Причины отказа избирателей от использования дистанционного электронного голосования (в %)

60 процентов опрошенных избирателей считают, что при проведении выборов с использованием электронного голосования резко возрастает вероятность каких-либо манипуляций с целью обеспечить победу конкретного кандидата, существуют также риски мошенничества. 28 процентов респондентов высказали неуверенность в технической надежности решений, применяемых при проведении выборов с использованием электронного голосования, 21 процент — в сохранении тайны голосования.

Правовой элемент связан с принятием законодательных актов, регламентирующих применение электронного голосования, а также поправок в действующие правовые акты, регулирующие проведение муниципальных выборов. Следует отметить, в частности, Федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», в соответствии с которым право принять участие в электронном голосовании получили избиратели — граждане Российской Федерации, зарегистрированные на территории города. Территориальные избирательные комиссии Москвы формируют специальные участковые избирательные комиссии по дистанционному электронному голосованию, а избиратели, в свою очередь, заранее подают заявление о желании проголосовать дистанционно через портал государственных услуг.

Первый полноценный эксперимент по применению электронного дистанционного голосования на выборах в Москве был проведен 8 сентября 2019 года в трех избирательных округах. Однако его результаты сложно оценить однозначно. Несомненно, что проведение эксперимента стало важным шагом по пути к полноценной цифровизации избирательного процесса, позволило выявить актуальные проблемы и оценить востребованность цифровых технологий среди московских избирателей.

В то же время выявленные недостатки в проведении электронного дистанционного голосования стали поводом для судебных разбирательств [9, с. 494–496]. Так, во время проведения голосования 8 сентября 2019 года многие избиратели сталкивались с невозможностью входа в систему, имели место случаи технических сбоев при заполнении электронных бюллетеней (при попытке повторного заполнения избиратели получали отказ). В 30-м избирательном округе были получены результаты, значительно отличающиеся от результатов стационарного голосования. Независимый кандидат в депутаты Р. Юнеман при обычном голосовании получил преимущество над ближайшим оппонентом в размере 656 голосов, а по итогам подсчета проиграл 84 голоса (при этом 148 избирателей в округе не смогли проголосовать дистанционно из-за технических проблем). Кандидат не смог оспорить итоги голосования, что справедливо вызвало критику в СМИ и снижение доверия населения к возможностям электронного голосования.

Однако уже в 2020 году в ходе довыборов муниципальных депутатов в Москве наблюдался значительный рост доли избирателей, желающих

проголосовать дистанционно: если во время эксперимента 2019 года дистанционно проголосовало только 2 процента избирателей, то во время довыборов муниципальных депутатов — уже более 7 процентов. Также было обеспечено значительное повышение явки избирателей: до 22,6 процента против 12,8 процента на предыдущих муниципальных выборах [10]. Создание условий для широкомасштабного применения цифровых технологий в избирательном процессе в Москве позволило привлечь к участию в муниципальных выборах избирателей, не посещавших ранее избирательные участки. Уже в 2022 году на муниципальных выборах удельный вес избирателей, проголосовавших дистанционно, превысил 70 процентов (рисунок 3) [11].

Рисунок 3. Выбор избирателями способа голосования на муниципальных выборах 2022 года в Москве (в %)

Рост количества избирателей, применяющих дистанционное голосование, обусловлен также действием двух дополнительных факторов. Во-первых, в 2022 году была отменена предварительная подача заявления о желании проголосовать удаленно (избиратели могли свободно отдать свой голос в любой день с 9 по 11 сентября), что стало возможным благодаря использованию электронного реестра избирателей. Во-вторых, интерес среди избирателей вызвала программа «Миллион призов» (участие в выборах путем дистанционного голосования позволяет набрать баллы для последующего участия в розыгрыше ценных призов) [12].

На муниципальных выборах допускалось как удаленное голосование за отдельных кандидатов, так и голосование по электронным спискам. Но уже в первый день голосования (9 сентября 2022 г.) произошел массовый сбой в работе цифровой платформы, обеспечивающей избирательный процесс, в результате доступ к электронному списку избирателей оказался невозможным, а процедура выдачи электронных бюллетеней остановилась [13]. Хотя правовая база, регламентирующая проведение дистанционного электронного

голосования, предусматривает использование бумажных бюллетеней, территориальные избирательные комиссии Москвы отказались задействовать альтернативную процедуру. По итогам проведения выборов было объявлено, что электронная система голосования работала без сбоев, а Общественный штаб по наблюдению за выборами не направлял в компетентные органы обращений, посвященных устранению сбоев в системе электронного голосования [14]. Все же несомненный интерес представляет изучение особенностей проведения конкретных избирательных кампаний муниципальных депутатов в Москве с применением современных цифровых решений.

* * *

В качестве некоторых рекомендаций предлагаем использовать в ходе муниципальных выборов переносные электронные терминалы для голосования на избирательных участках и при голосовании на дому. Избиратели, проголосовавшие до основного дня голосования с использованием ДЭГ, смогут «переголосовать» с применением электронного терминала на избирательных участках в основной день голосования.

В ходе избирательных кампаний муниципальных депутатов, проводимых в Москве, наблюдается быстрый рост доли депутатов от партии «Единая Россия» и общественного объединения «Мой район», а представительство альтернативных политических сил и самовыдвиженцев, соответственно, ослабевает. Если после муниципальных выборов 2017 года последние имели большинство в 25 муниципальных советах, то после 2022 года — только в одном совете (Куркино).

По итогам муниципальных выборов, прошедших в сентябре 2023 года, кандидаты от «Единой России» получили свыше 95 процентов мандатов, что вызвало критику со стороны других политических сил и представителей общественности. Незначительное количество депутатов муниципальных советов от альтернативных политических сил, общественных объединений, самовыдвиженцев не позволяет им должным образом представлять интересы всех жителей Москвы, реализовать потенциал местного самоуправления. Следовательно, существующая практика масштабного применения дистанционного электронного голосования нуждается в уточнении и дополнении.

Список литературы

1. Цифровое государственное управление: федеральный проект национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.by%2f (дата обращения: 11.11.2023).
2. Чертков А.Н. Электронное голосование на муниципальных выборах: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Юриспруденция. 2021. № 3.

3. Лолаева А.С. Электронное голосование как способ реализации электронной демократии // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4.
4. Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5.
5. Ерохина О.В. Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11.
6. Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 287-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901837887> (дата обращения: 12.11.2023).
7. Опрос: 85% россиян знают о возможности голосовать онлайн // Газета.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/10/17270353.shtml?updated> (дата обращения: 11.11.2023).
8. Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnoe-golosovanie-novye-tekhnologii-menyayut-elektoralnye-privyuchki> (дата обращения: 11.11.2023).
9. Худoley Д.М., Худoley К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57.
10. Как в Москве прошло электронное голосование // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/09/14/reg-cfo/kak-v-moskve-proshlo-elektronnoe-golosovanie.html> (дата обращения: 11.11.2023).
11. Штаб по наблюдению назвал явку на муниципальных выборах в Москве // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/09/2022/631e67449a7947557b13d0f9> (дата обращения: 12.11.2023).
12. Электронное голосование в Москве начинает доминировать // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/moscow/2022-09-12/2_8537_12092022.html (дата обращения: 11.11.2023).
13. На выборах в Москве произошел сбой электронного списка // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2022/631b2b9c9a7947962b3c1bbf> (дата обращения: 10.11.2023).
14. Глава Мосгоризбиркома подвела итоги голосования по выборам муниципальных депутатов // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msk.kp.ru/online/news/4917074/> (дата обращения: 12.11.2023).

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается видение автора относительно эволюции государственного управления общественно-политической сферой. Изложены выводы о необходимости классификации методов государственного управления в рассматриваемой сфере. Особое внимание уделено описанию сформулированных методов. Исследователь приводит конкретные примеры применения методов, классификацию которых он предложил. В результате проведенного анализа становится очевидным, что современное государственное управление общественно-политической сферой требует применения методов, способствующих обеспечению стабильного развития общества и государства, поддержанию правопорядка, гражданского мира и согласия. **Ключевые слова:** управление, государственное управление, методы управления, государственные деятели, политические деятели, общественно-политическая сфера, гражданский мир и согласие, стабильное развитие общества и государства.

EVOLUTION OF PUBLIC ADMINISTRATION METHODS IN CONDITIONS OF POLITICAL POLARIZATION

Abstract. The article reveals the author's vision regarding public administration of the socio-political sphere. The conclusions about the need to classify public administration methods in the area under consideration are presented. Particular attention is paid to the description of the formulated methods. The researcher gives specific examples of the application of methods, the classification of which he proposed. As a result of the analysis, it becomes obvious that modern public administration of the socio-political sphere requires the use of methods that contribute to ensuring the stable development of society and the state, maintaining law and order, civil peace, and harmony.

Keywords: management, public administration, management methods, statesmen, politicians, socio-political sphere, civil peace and harmony, stable development of society and the state.

Вы обладаете властью, если другие думают,
что вы обладаете властью.

Уич Фаулер

В статье рассматриваются методы государственного управления общественно-политической сферой, однако, прежде чем представить их читателю, попытаемся акцентировать его внимание на событиях, в условиях

которых они нами сформулированы. На наших глазах происходит формирование нового многополярного мира; процесс, сопряженный с конфликтами, охватывающими планету, в том числе территорию в непосредственной близости с нашей страной. Представляется, что на пути избавления от доминирующего влияния Запада нам предстоит увидеть еще немало конфронтаций. Западная политико-экономическая элита явно не намерена уступать первенство в гегемонии кому бы то ни было. Несомненно, указанные события накладывают свой отпечаток на способы воздействия на рассматриваемую сферу.

5 октября 2023 года Президент России В.В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай» отметил, что «США и их сателлиты твердо взяли курс на гегемонию — военную, политическую, экономическую, культурную, даже морально-нравственную, ценностную. Нам с самого начала было понятно, что попытки установить монополию обречены на провал. Мир слишком сложен и многообразен, чтобы его можно было подчинить одной схеме, пусть даже за ней и стоит мощь, огромная мощь Запада, накопленная веками колониальной политики. Благосостояние Запада в значительной степени было достигнуто благодаря ограблению колоний на протяжении веков. Фактически такой уровень развития был достигнут за счет ограбления всей планеты. История Запада, по сути, хроника бесконечной экспансии. Западное влияние в мире — это огромная военно-финансовая пирамида, ей все время нужно новое топливо для поддержания себя самой, — природные, технологические, человеческие ресурсы, принадлежащие другим. Поэтому Запад просто не может остановиться и не собирался этого делать. Наши аргументы, увещания, призывы к разуму, предложения — просто игнорировались»¹.

Очевидно, история сложилась таким образом, что западная цивилизация смогла на протяжении нескольких столетий паразитировать на других странах и народах. Ей удавалось использовать ресурсы чужих пространств для улучшения уровня собственной жизни. Кроме того, накопленные капиталы позволили ей совершить научно-технический рывок в развитии промышленности как гражданского направления, так и военного предназначения. Технологии позволили создать новые средства разведки, коммуникации и вооружения. Чуть ли не безграничные финансовые ресурсы делают возможным содержать оборонно-промышленный комплекс, огромную армию и военно-политический блок НАТО в целом. Подобное вечно продолжаться не могло, рано или поздно всему наступает конец. Важно, что это понимание сложилось у народов многих стран, и впереди нас ждут глобальные изменения, которые будут сопряжены с конфликтами, в том числе и с использованием вооруженных сил. В складывающейся обстановке, говоря

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 06.10.2023).

о методах государственного управления общественно-политической сферой, необходимо понимать, что мы должны учитывать не только сложившиеся условия, но и осветить факторы воздействия на управленческие процессы как внутри страны, как и — возможно, прежде всего — за рубежом.

Секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев говорит: «На наших глазах окончательный слом претерпевает западнцентричный колониальный миропорядок, который зародился еще в эпоху крестовых походов и оформился во времена Великих географических открытий. Именно тогда были заложены основы грабительской по своей природе западной модели цивилизации, просуществовавшей с отдельными изменениями до наших дней. В рамках этой модели узкая группа государств выстроила пирамиду, утвердившись на ее вершине и наделив себя исключительными полномочиями. Каким образом спроектирована эта пирамида паразитизма, и кому отведен каждый из ее этажей, хорошо видно из принятого в современной западной практике разделения мира на развитые государства, страны с переходной экономикой и развивающиеся. Сущность этой системы проста: каждый, кто находится на более низком ярусе, должен безропотно и практически безвозмездно передавать наверх часть собственных ресурсов — материальных, финансовых, интеллектуальных, людских. По сути, мы имеем дело с многоуровневой паразитической надстройкой глобального масштаба»².

Западная политико-экономическая элита, находясь под «зонтиком» НАТО, предпринимает беспрецедентные меры, пытаясь сдерживать развитие России. Несмотря на это обстоятельство, именно наша страна стала флагманом в складывающемся общественном мнении о необходимости изменить однополярное мироустройство. Она открыто заявляет о необходимости установления нового мирового порядка. Наши оппоненты раздражены тем фактом, что мы сегодня осмеливаемся говорить о наличии собственного мнения в вопросах формирования многополярного мира. Возможно утверждать, что способы государственного управления общественно-политической сферой должны отвечать вызовам сегодняшнего времени. Предложенные нами методы выводят на пути влияния на зарубежную сферу управления таким образом, чтобы добиться вариаций отстаивания парадигмы многополярного мира, в то же время занять в нем позицию страны-лидера.

В.Ю. Сурков полагает, что «в нынешнем переделе мира геополитические галлюцинации играют не меньшую роль, чем в эпоху Васко да Гамы. И не столь уж важно, увидели ли во сне вашингтонские стратеги вышиванку с принтом „сим победиши“. Или стратегам берлинским померещилось, что они „как всегда“ с якобы свойственной им „немецкой педантичностью“ решительно во всем разобрались и все предусмотрели. Или все они вместе приняли Украину за царство попа Ивана, за чудесную и на все готовую

² Патрушев Н.П. Статья секретаря Совета безопасности России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3558/> (дата обращения: 06.10.2023).

заграницу, которая им поможет. Важно, что в их кровопролитной игре будут достигнуты цели, к которым сегодня никто не стремится. И каждый получит не совсем то или совсем не то, чего добивается. И сиюминутные заблуждения проявят отдаленную правду»³.

Нашим недругам не удастся достигнуть своих целей по удержанию собственной гегемонии и сдерживанию развития России. Однако и нам необходимо обратить внимание на повышение эффективности управления во всех сферах жизни, в том числе социальной, экономической и культурно-религиозной. Но самое важное в данной ситуации заключается в том, что для отражения нападков на страну, нам практически в первую очередь потребуется методологическая проработка аспектов государственного управления. Актуальная реальность вынуждает наше общество отстаивать собственные интересы на внешнеполитической арене. Нужны новые методы воздействия на общественно-политическую сферу, прежде всего, в международных отношениях.

По мнению Р.Д. Гребнева, «геополитические интересы Российской Федерации связаны с институционализацией региональных систем в многополярном мире и подразумевают:

- консолидацию государств и политических ресурсов, направленных на „демонтаж“ однополярной системы глобального мира, по модели временной биполярности „Запад – Антизапад“;
- признание статуса России как одного из полюсов полицентрической модели глобализации политических процессов;
- формирование иерархической структуры полюсов многополярного мира, обеспеченной: а) геополитической идентичностью центров геополитического влияния и периферии; б) смежностью политических систем (в т.ч. государственных идеологий); в) разнообразными формами десоверенизации государств» [1, с. 124–128].

Есть смысл согласиться с данным мнением и одновременно отметить, что в силу обстоятельств, сложившихся на современном этапе истории, наука в очередной раз поставлена перед необходимостью поиска новых методов развития и совершенствования общественно-политической системы. Нынешнее российское общество выросло на руинах великого государства, павшего в результате бездеятельности и бесталанности его высшего руководства, которое не смогло сформулировать и применить эффективные методы государственно-властного воздействия на общественно-политическую сферу. И оно нуждается в поиске эффективных методов управления, отвечающих вызовам и соответствующих логике времени.

Жизненно необходимо сформулировать и реализовать новые методы государственного управления общественно-политической сферой с последующей

³ Сурков В. «Рождение Севера» [Электронный ресурс]. URL: <https://actualcomment.ru/rozhdenie-severa-2309262036.html> (дата обращения: 06.10.2023).

их классификацией. Подобная работа позволит лучше осознать, каким образом осуществляется воздействие на данное пространство деятельности государства. Также станет очевидным то, в каких ситуациях необходимо применять те или иные методы, позволяющие получить оптимальный эффект от управленческих решений и достигнутых результатов.

Формулировка методов управления рассматриваемой сферой обязывает нас кратко изложить факторы, которые в современной науке понимаются под термином «управление» в целом и понятием «государственное управление» в частности. Начнем с того, что управление — это действия субъекта, которые переводят объект из одного состояния в другое. Действия состоят из совокупности способов, приемов и операций, применение которых позволяет добиться поставленной цели.

В данной работе нас прежде всего интересует социальное управление, то есть управление людьми, поскольку государственное управление представляет собой лишь часть социального управления. Таким образом, государственное управление — это властное воздействие государственных органов и их должностных лиц на людей посредством определенных способов, приемов и операций с целью достижения конкретного результата. Нужно отметить, что способы, приемы и операции, оказывающие управляющее воздействие, в целом можно назвать методами управления.

На наш взгляд, методы государственного управления общественно-политической сферой требуют отдельного рассмотрения, поскольку именно она, как своего рода локомотив, ведет за собой все остальные составляющие жизни страны, позволяя достичь поставленной цели, реализовать функции и решить возникающие задачи в конкретной рассматриваемой сфере. Методы государственного управления обусловлены целевым назначением определенного вида управленческой деятельности, так как каждая сфера, в том числе и общественно-политическая, обладает качественным своеобразием. Собственная специфика сфер управления обусловлена теми функциями и задачами, которые стоят перед государственными органами, осуществляющими свою деятельность.

В одних случаях требуется применять методы *социально-психологического воздействия* и *политико-мировоззренческого воздействия* с эффективным позитивным стимулированием, в других — *организационно-распорядительного воздействия* и *экономического воздействия*, при которых управляемые объекты должны выполнять безальтернативные указания, исходящие от субъектов государственного управления. А в отдельных случаях необходимо прибегнуть к методу *«навязывания воли и подчиняющего воздействия»*. В целом предлагается классифицировать обозначенные методы по *характеру управляющего воздействия*.

Методы государственного управления общественно-политической сферой возможно охарактеризовать следующим образом:

- они должны быть направлены на достижение государственно важной цели;
- должны быть оптимальными (сочетание результата и затраченных средств) для достижения поставленных целей в конкретных условиях;
- выбор методов управления общественно-политической сферой основывается на критерии эффективности и одновременно соблюдении прав человека и гражданина;
- методы управления общественно-политической сферой реализуются в рамках принятых решений, во время выполнения государственных функций, которые принесут результат в долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной перспективе.

Таким образом, в выборе способа влияния субъект государственного управления должен руководствоваться в первую очередь показателями целенаправленности, оптимальности, эффективности воздействия на общественно-политическую сферу. Данные методы имеют пространственные характеристики, так как могут применяться и внутри страны и за ее пределами; кроме того, они могут приносить эффект в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. При использовании субъектами управления различных методов государственно-властного воздействия важно соблюдать законные права и интересы человека и гражданина. Равным образом реализация методов государственного управления означает перевод общественно-политической сферы из статичного состояния в динамичное путем оказания государственно-властного воздействия на конкретных участников отношений.

* * *

Предлагается следующая классификация методов государственного управления общественно-политической сферой на основе характера управляющего воздействия с целью обеспечения стабильного развития государства и общества.

Методы социально-психологического воздействия.

1. Метод убеждения — это совокупность способов, приемов и операций, ориентирующих сознание и поведение людей на добровольное подчинение правовым и организационным требованиям государственных органов.

2. Метод стимулирования — это сочетание способов, приемов и операций, направленных на мотивирование всех участников общественных отношений реализовывать модели поведения.

3. Метод воспитания — это система способов, приемов и операций, формирующих личность, стремящуюся к позитивной деятельности, самоконтролю и самооценке.

4. Метод транслирования культурных и духовных ценностей — это комплекс способов, приемов и операций, применяемых в рамках масс-медиа, просветительских, образовательных, культурных, зрелищных,

религиозных и иных техник коммуникации, позволяющих сохранить и распространить сформированную идентичность.

При осуществлении государственного управления необходимо отдавать предпочтение методам социально-психологического воздействия, поскольку они достаточно эффективны в долгосрочной перспективе. Кроме того, эти методы приносят устойчивый эффект, позволяющий получать результаты без применения государственного принуждения. Воздействие на человека, гражданина и общество в целом осуществляется таким образом, что у них возникает желание добровольно выполнять общеприменимые нормы и правила, которые обеспечивают гражданский мир, согласие и сотрудничество. Одновременно необходимо обратить внимание на распространение культурных и духовных ценностей как внутри страны, так и за рубежом, что позволит приобрести сторонников среди граждан иностранных государств.

Методы политико-мировоззренческого воздействия:

1. Метод плебисцитарной легитимации принятых решений в государственном управлении — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для проведения голосования по какой-либо проблеме с целью получения мнения граждан, и подкрепления управленческой практики поддержкой людей.

2. Метод формирования идеологии в государственном управлении — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для создания концептуально оформленных идей, выражающих интересы большинства, мировоззрение и идеалы людей, основанные на социальной справедливости с целью обеспечения стабильного развития государства и общества.

3. Метод агитационно-пропагандистского воздействия в государственном управлении — совокупность способов, приемов и операций, применяемых при проведении публичных мероприятий, выступлений и публикаций в средствах массовой информации, мессенджерах и социальных сетях, с целью сформировать у людей определенное мнение о какой-либо проблеме, что обеспечит приемлемое поведение и, как следствие, стабильное развитие государства и общества.

4. Метод дипломатической деятельности в государственном управлении — совокупность приемов, операций, способов воздействия на системы управления других государств и их вооруженные силы, а также на политическое и военное руководство и общество в целом, с целью реализации целей и задач внешней политики государства, а также защиты интересов собственной страны за рубежом.

Методы политико-мировоззренческого воздействия очень важны, поскольку государство обязано формировать общественно-политическую среду, в которой могут конкурировать на основе правовых установлений различные политические силы. Упомянутая среда должна иметь как соответствующее нормативное правовое регулирование, так и может быть обеспечена материальными средствами. К ним возможно отнести: средства

массовой информации, средства телекоммуникации, площадки для проведения публичных мероприятий, систему избирательных комиссий и комиссий референдума.

Изыявление воли граждан во время голосования при применении метода плебисцитарной легитимации принятых управленческих решений весьма значимая процедура на современном этапе развития общества. На наших глазах посредством данного метода произошло присоединение новых субъектов к Российской Федерации.

Агитационно-пропагандистский метод применяется при проведении политических кампаний. В то же время очевидно, что не только политические партии и их лидеры имеют право формировать информационную повестку, но и государство, в лице конкретных должностных лиц, должно вырабатывать государственную идеологию и обеспечивать соответствующую агитацию.

Метод формирования государственной идеологии оказывает значительное влияние на общественно-политическую сферу как внутри страны, так и за ее пределами. Общепринятые идеи, основанные на социальной справедливости, важный инструмент государственного управления.

А метод дипломатической деятельности позволяет отстаивать и продвигать интересы государства в общественно-политической сфере. Для этого применяются различные приемы: смена позиции, промедление или уход от ответа, выдвигание или блокирование инициатив, предложение или отказ от уступок, разглашение или опровержение информации, демонстрация близости или холодности, усиление или ослабление давления. Приемы дипломатической деятельности могут варьироваться в зависимости от обстановки, складывающейся в общественно-политической сфере.

Методы организационно-распорядительного воздействия:

1. Метод нормативного правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе управления общественно-политической сферой — совокупность способов, приемов и операций воздействия на людей, основанные на праве, обусловленные необходимостью формирования правопорядка и безопасности.

2. Метод создания современных организационно-правовых форм воздействия — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для реформирования и модернизации государственных органов, призванных оказывать управляющее воздействие на всех участников общественно-политической сферы в зависимости от складывающейся обстановки (глобализация, цифровизация, внутригосударственная политика), а также реформирование и модернизация управляемых подсистем (разнообразные объединения и организации).

3. Метод научного познания — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для получения, обработки, систематизации, анализа объективных знаний и выработки современных форм и подходов государственного управления рассматриваемой сферой.

4. Метод научно-технического сопровождения государственного управления общественно-политической сферой — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем.

В рассматриваемой сфере методы организационно-распорядительного воздействия призваны организовать, реализовать и развивать взаимодействие между различными участниками общественных отношений: средствами массовой информации, политическими партиями, коммерческими компаниями, гражданами и так далее, поскольку все участники исследуемых отношений имеют различный набор прав и обязанностей и, соответственно, различные организационно-правовые формы.

Для облегчения процесса оказания управляющего воздействия государственные органы определяют порядок формирования различных общественных объединений и осуществляют контроль за их деятельностью. В связи с тем, что рассматриваемая сфера является многогранной со сложноорганизованной структурой, оказывая организующее воздействие, государство *фрагментирует ее* таким образом, чтобы была возможность ею управлять. Оно обязано оказывать управляющее воздействие так, чтобы создавать формы, способные соответствовать вызовам времени и научно-техническому прогрессу. Например, с развитием телекоммуникационных технологий государственной администрации понадобится определить порядок формирования сетевых партий, созданных и функционирующих в Интернете.

Для оказания более эффективного управления государственные органы используют достижения науки и техники; во имя этого проводятся научные исследования и осуществляется разработка научно-технической продукции.

Методы экономического воздействия:

1. Метод социального ориентирования при распределении ресурсов — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для формирования высокого уровня жизни граждан путем реализации программ развития сельского хозяйства, транспорта, здравоохранения, образования и так далее.

2. Метод регулятивно-экономического воздействия — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для формирования политики заработной платы, ценовых пропорций, тарифов, налоговой политики, кредитной политики, таможенной политики, бюджетного финансирования.

3. Метод введения санкций и контрсанкций — совокупность способов, приемов и операций, применяемых для нанесения материального ущерба государству либо коммерческой компании, враждебно настроенной по отношению к государству, обусловленных необходимостью формирования экономической безопасности.

Методы экономического воздействия на общественно-политическую сферу в современном мире применяются весьма часто. Государственная администрация обязана вести социально ориентированную экономическую политику,

так как от уровня жизни граждан зависит общественно-политическая обстановка. Спокойствие в обществе позволяет обеспечить устойчивый экономический рост и, соответственно, наоборот — чем выше уровень обеспеченности граждан, тем стабильнее политическая обстановка в стране. В то же время мы видим, как в отношении нашего государства западная коалиция ввела экономические санкции, которые призваны сдерживать развитие России. Очень важно обратить внимание на то, что эти ограничения касаются передачи современных технологий, без которых производство не может развиваться. Кроме того, санкции вызывают снижение темпов роста экономики, а это влияет на уровень жизни граждан и, как следствие, на общественно-политическую обстановку. Все перечисленное говорит о необходимости повышения эффективности методов экономического воздействия. Развитие производства, применение высоких технологий, налаживание межгосударственных торговых отношений — во всем этом должно участвовать государство. Высокое благосостояние общества и отдельного гражданина обеспечивается ростом экономики. Все это несомненно влияет на общественно-политическую обстановку и позволяет обеспечить согласие и общественное спокойствие внутри страны.

Методы навязывания воли и подчиняющего воздействия:

1. Метод принуждения — совокупность способов, приемов и операций, воздействия на людей, регулируемых административно-правовым и уголовно-правовым законодательством, основанных на применении легитимного насилия и обусловленных необходимостью формирования правопорядка и безопасности.

2. Метод информационного противоборства — совокупность приемов, операций, способов воздействия на системы управления других государств и их вооруженных сил, а также на политическое и военное руководство и общество в целом, информационную инфраструктуру и СМИ этих государств при одновременной защите от аналогичных действий своего информационного пространства.

3. Методы разведывательной и контрразведывательной деятельности — совокупность способов, приемов и операций, применяемых специальными службами в целях выявления, предупреждения, пресечения разведывательной и подрывной деятельности специальных служб враждебно настроенных государств и организаций, обусловленных необходимостью формирования правопорядка и безопасности.

4. Метод применения вооруженной силы — совокупность способов, приемов и операций, предназначенных для отражения агрессии, направленной против государства, для защиты целостности и неприкосновенности территории страны.

Методы навязывания воли и подчиняющего воздействия можно рассматривать как крайнюю меру, которую необходимо применять только после исчерпания всех вышеупомянутых вариантов. Очевидно, что обозначенные

методы сопряжены с применением норм принуждения в государственном управлении, что несомненно должно реализовываться только на основе правовых установлений и только в условиях необходимости обеспечения правопорядка и безопасности.

При помощи нормативного правового регулирования устанавливаются правила поведения, которые обеспечивают правопорядок и безопасность в обществе и, как следствие, положительно влияют на развитие государства в целом. Устанавливаются правила политической борьбы, регламентируется порядок проведения выборов и агитации. Однако не все участники общественных отношений готовы добровольно следовать общепринятым установлениям, что заставляет законодателя предусматривать различные санкции в отношении нарушителей.

Кроме того, некоторые враждебно настроенные политические силы стремятся дестабилизировать общественно-политическую обстановку, воздействуя на нее посредством различных методов информационного противоборства. Это обстоятельство вынуждает государственные органы обеспечивать безопасность информационного пространства.

Важно учитывать, что данные методы могут применяться как внутри страны, так и за рубежом. Например, методы разведывательной и контрразведывательной деятельности используются с целью получения информации о готовящихся деструктивных воздействиях на общественно-политическую сферу страны и, соответственно, адекватного купирования выявленных угроз. Метод применения вооруженных сил используется с целью отражения агрессии для защиты целостности и неприкосновенности территории нашей страны.

Как полагает Б.С. Эбзеев: «Основная задача отечественной науки о государстве и праве и практики государственного строительства, требующая разрешения на данном этапе развития России, заключается в том, чтобы найти такую государственно-правовую организацию общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного развития государства и прочного правопорядка как необходимого условия поступательного развития общества могла бы соединить с другим императивом эпохи — свободой личности» [2, с. 45]. Стоит согласиться с данным мнением и отметить, что и использование методов государственного управления общественно-политической сферой должно сочетаться с принципом свободы личности.

При применении методов государственного управления общественно-политической сферой существует проблема, которую необходимо преодолеть как в теоретическом осмыслении, так и в практике государственного строительства. Ее можно выразить как необходимость сочетания этатизма и либерального индивидуализма при осуществлении властной деятельности государственных органов. Другими словами, современная ситуация требует одновременно сочетать возможность мобилизации

сил и средств общества и государства для решения имеющихся проблем с целью обеспечения симметричного ответа на вызовы и угрозы, и в то же время — обеспечить соблюдение интересов личности и гражданина. Таким образом, разумное сочетание властного воздействия, социализации и индивидуализации позволяет выработать и применять в зависимости от вызовов времени эффективные методы государственного управления общественно-политической сферой.

Список литературы

1. Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3.
2. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. М.: Проспект, 2023.

Д.Ф. АЛИЕВ
В.Э. САРКИСОВ

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Аннотация. В статье проанализированы фундаментальные теоретические аспекты феномена «медийной политической коммуникации». Обосновано принципиальное сходство данного феномена с другим термином — «медиакоммуникация». Авторы представили собственное определение данного феномена, выделили субъекты медийной политической коммуникации и ее ключевые задачи. Также детализированы основные этапы управления медийной политической коммуникацией. Одной из ключевых проблем в ходе реализации данного вида политической коммуникации является локальность региональных информационных поводов и, соответственно, неактуальность их для федеральных СМИ. Обозначена уникальная особенность СМИ — бинарность: они одновременно являются субъектами медийной политической коммуникации и инструментами ее реализации.

Ключевые слова: коммуникация, медийная коммуникация, управление политическими коммуникациями.

PRACTICAL ASPECTS OF MEDIA POLITICAL COMMUNICATION MANAGEMENT

Abstract. The article analyzes the fundamental theoretical aspects of the phenomenon of «media political communication». The fundamental similarity of this phenomenon with another term — «media communication» — is substantiated. The authors presented their own definition of this phenomenon, identified the subjects of media political communication and its key tasks. The main stages of managing media political communication are also detailed. One of the key problems in the implementation of this type of political communication is the locality of regional news events and, accordingly, their irrelevance for the federal media. A unique feature of the media — binary nature — is indicated: the media are simultaneously the subjects of media political communication and the tools for its implementation.

Keywords: communication, media communication, Political Communications Management.

Данная статья является второй в серии публикаций, которую авторы посвящают рассмотрению практических аспектов управления политическими коммуникациями. Первая статья была посвящена анализу управления

АЛИЕВ Джомарт Фазылович — первый проректор Российского государственного социального университета, кандидат экономических наук, г. Москва
САРКИСОВ Варган Эрнестович — аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета, г. Москва

стратегической политической коммуникацией, в настоящей — речь пойдет об управлении медийной политической коммуникацией.

Описание пяти этапов управления политическими коммуникациями в разрезе шести видов политических коммуникаций было представлено авторами в статье «Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией» [1]. В этой же статье нами представлена матрица управления политическими коммуникациями.

В таблице 1 показан «свернутый» вариант описания процессов, организуемых в рамках реализации медийной политической коммуникации. Далее будет последовательно развернута таблица в разрезе подробного анализа управления медийной политической коммуникацией, посредством которой мы сфокусируемся на наиболее значимых процессах.

Медийная политическая коммуникация. Основные понятия и определения

Понятие «медийная коммуникация» было введено в научный оборот в российских статьях относительно недавно — в начале XXI века. Представленный обзор научной литературы наглядно показывает недостаточную изученность данного понятия в российской науке (*отечественные исследователи все еще находятся в процессе институционализации термина*). При детальном разборе можно заметить, что «медийная коммуникация» по своей сути тождественна с другим термином — «медиакоммуникация».

В данном разделе статьи мы выделим основные характеристики этих понятий, а также *дадим собственную формулировку* термину «медийная политическая коммуникация».

Феномен медиакоммуникации не имеет единой трактовки и зачастую рассматривается в статьях без четкого определения и разделения на научные направления. Например, исследователь А.Д. Кривонос говорит *о слабой изученности данного направления* и подчеркивает, что медиакоммуникации воспринимаются большинством исследователей как синоним гибрида журналистики, связей с общественностью и рекламы, либо обозначают коммуникации в медиасреде [2].

Проанализировав научные труды российских авторов, мы можем выделить некоторые общие характеристики понятия «медиакоммуникация»:

- медиакоммуникация — это процесс создания, обработки и трансляции, а также обмена информацией с помощью различных каналов [3];
- медиакоммуникация может проходить в индивидуальном, групповом, массовом формате [4] и с помощью различных коммуникативных средств — вербальных и невербальных, аудиальных, аудиовизуальных, визуальных и прочее [3, 4]. Сообщения (тексты) в медиакоммуникации представляют социальную и личную значимость [5];

Таблица 1

Матрица управления политическими коммуникациями

		Этапы управления политическими коммуникациями				
		1. Получение и анализ информации	2. Подготовка и принятие решений	3. Организация выполнения принятых решений	4. Контроль, оценка результатов	5. Внесение коррективов
1	Стратегическая коммуникация (СК)	*	*	*	*	*
2	Медийная коммуникация (МК)	2.1 Формирование и анализ ключевых документов для организации взаимодействия со СМИ (базы СМИ, мониторинг СМИ, пресс-портреты и т.п.)	2.2 Подготовка всех видов пресс-материалов, основных спикеров, инфоповодов, ТЗ на рейтинг, сценарных заявок и т.п.	2.3 Проведение пресс-мероприятий, рассылка пресс-материалов, реализация комментарийной программы и инфоповодов, производство медиaproдуктов, размещение инфоповодов, производство корпоративных СМИ	2.4 Оценка эффективности пресс-мероприятий, подготовка клиппингов и медиааналитики, проведение интернет-опросов читателей корпоративных СМИ	2.5 Корректировка контент-планов подготовки медиа-продуктов, медиапланов, перечня инфоповодов, проведение тренингов со спикерами.
3	Цифровая коммуникация (ЦК)	*	*	*	*	*
4	PR-коммуникация (ПК)	*	*	*	*	*
5	Рекламная коммуникация (РК)	*	*	*	*	*
6	Кризисная коммуникация (КК)	*	*	*	*	*

Выбор политической коммуникации

Источник: составлено автором по результатам исследования

Политические технологии

- медиакоммуникации могут быть посредниками между разными субъектами — общества и власти, различных социальных и политических институтов, отдельных лиц и так далее [6].

Термины «медиакоммуникация» и «медийная коммуникация» схожи в некоторых фундаментальных аспектах: классическое понимание феномена коммуникации как отношения «адресант — адресат» [7]; коммуникация между адресантом и адресатом может быть как индивидуальной, так и массовой [8]; представление о СМИ как о посреднике в процессе коммуникационного обмена [9]; возможность личной значимости (релевантности) информации для адресата [9].

Медийная коммуникация и медиакоммуникация, в свою очередь, являются составной частью более глобального политического феномена — «медиаполитика». В его изучении существует несколько условных направлений: медиаполитика как медиарегулирование [10]; медиаполитика как коммуникационная стратегия политических акторов [11, 12]; медиаполитика как способ осуществления контроля за СМИ [13, 14, 15, 16].

Переходя к рассмотрению более «узкого» термина «*медийная политическая коммуникация*», в первую очередь, необходимо отметить, что устойчивого определения этого понятия в настоящее время нет.

Нами дано определение *медийной политической коммуникации* как комплексного процесса *взаимодействия между акторами* политической коммуникации и получателями информации, включающего в себя производство информационного продукта и его распространение, осуществляемое с помощью средств массовой информации и *имеющее целью оказать влияние* на политические процессы.

Между тем в настоящий момент нет универсального подхода и в понимании того, кто *является* актором медийной политической коммуникации. Например, А.П. Чудинов считает актором данного типа коммуникации журналиста [17]. Мы же считаем, что медийная политическая коммуникация является *инструментом, применяемым во всех типах коммуникаций* и, соответственно, ее акторами *могут являться все участники* политического процесса, использующие СМИ как канал доставки информации до объектов политической коммуникации. *В современных российских реалиях* таковыми являются и органы политических (хозяйственных) властей страны, и региональные властные структуры, и политические партии, и политики, и общественные объединения, и религиозные институты, и лидеры общественного мнения, и крупные корпорации и, собственно, сами СМИ. В этом контексте СМИ *обладают уникальной бинарностью*: они одновременно могут быть и акторами медийной политической коммуникации, и инструментами ее реализации, посредниками между политическими акторами и целевыми аудиториями коммуникации.

Ярким примером их подобной «субъектности», самостоятельного участия в политическом процессе, является реакция СМИ на задержание 6 июня

2019 года журналиста Ивана Голунова по обвинению в сбыте наркотических средств. Уже 10 июня издания «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК выступили с совместным заявлением, осуждающим неправомерные, по их мнению, действия правоохранительных органов, а первые полосы газет вышли с одинаковыми заголовками — «Я/Мы Иван Голунов». Как результат, журналист был освобожден после повторного судебного разбирательства, а сотрудники полиции, осуществлявшие задержание, понесли наказание разной степени тяжести.

Этапы управления медийной политической коммуникацией

Перейдем к рассмотрению этапов управления медийной политической коммуникацией. Перечень процессов, реализуемых на каждом из этапов управления, представлен в таблице 2.

Таблица 2

Этапы управления медийной коммуникацией

<p>Этап 1. Получение и анализ информации</p>	<p>1.1 Формирование баз СМИ 1.2 Организация ежедневного мониторинга наиболее актуальных информационных тем (трендов) 1.3 Формирование перечня СМИ для организации совместных спецпроектов 1.4 Формирование и анализ пресс-портретов основных хедлайнеров политической коммуникации 1.5 Анализ качества публичных навыков взаимодействия со СМИ основных хедлайнеров политической коммуникации</p>
<p>Этап 2. Подготовка и принятие решений</p>	<p>2.1 Подготовка материалов для осуществления коммуникации со СМИ (пресс-анонс, пресс-кит, пресс-релиз, пост-релиз) 2.2 Подготовка (проведение тренингов) с основными спикерами пресс-мероприятия 2.3 Определение и резервирование локации для проведения пресс-мероприятия 2.4 Разработка информационных поводов для интеграции в актуальную повестку 2.5 Подготовка ТЗ на рейтинг всех видов информационных материалов коммуникации 2.6 Заключение рекламных контрактов на размещение материалов в СМИ (включая спецпроекты) 2.7 Разработка сценарных заявок (сценариев) для всех видов медиапродуктов 2.8 Тестирование сценарных заявок (сценариев) 2.9 Разработка концепции создания корпоративных СМИ 2.10 Формирование медиапланов выхода и подготовки информационных материалов и медиапродуктов коммуникации 2.11 Формирование пула экспертов для участия в комментарийной программе по актуальной информационной повестке</p>

<p>Этап 3. Организация выполнения принятых решений</p>	<p>3.1 Проведение пресс-мероприятий 3.2 Рассылка по базе СМИ материалов пресс-мероприятий (пресс-анонс, пресс-кит, пресс-релиз, пост-релиз) 3.3 Реализация комментарийной программы ключевых спикеров коммуникации в контексте актуальной информационной повестки 3.4 Реализация информационных поводов в контексте актуальной повестки 3.4.1 Организация событийного ряда 3.4.2 Организация взаимодействия со СМИ на предмет нативного размещения информационных материалов коммуникации 3.5 Рейтинг всех видов информационных материалов коммуникации 3.6 Размещение материалов в СМИ на рекламной основе (включая спецпроекты) 3.7 Производство и тестирование медиапродуктов для печатных, электронных и интернет-СМИ 3.8 Создание корпоративных СМИ 3.8.1 Формирование редакции корпоративного СМИ 3.8.2 Формирование контентного плана 3.8.3 Рейтинг материалов и подготовка к печати 3.8.4 Верстка и печать 3.8.5 Создание интернет-версии корпоративного СМИ</p>
<p>Этап 4. Контроль, оценка результатов</p>	<p>4.1 Оценка эффективности пресс-мероприятия 4.1.1 Пресс-клиппинг по итогам проведения пресс-мероприятия 4.1.2 Оценка интегрального медиавыхлопа по итогам пресс-мероприятия 4.2 Подготовка пресс-клиппинга по результатам реализации комментарийной программы ключевыми спикерами коммуникации 4.3 Подготовка пресс-клиппинга по итогам реализации информационных поводов в контексте актуальной повестки 4.4 Подготовка ежедневной медиааналитики СМИ и цифровых площадок коммуникации (соцсети, мессенджеры, форумы, блоги) 4.5 Организация интернет-опросов читателей корпоративного СМИ</p>
<p>Этап 5. Внесение корректировок</p>	<p>5.1 Тренинги со спикерами пресс-мероприятия для совершенствования навыков общения со СМИ 5.2 Корректировка пула экспертов, комментирующих актуальную информационную повестку 5.3 Корректировка медиапланов размещения информационных материалов и перечня информационных поводов 5.4 Корректировка контент-планов подготовки медиапродуктов и перечня площадок для их размещения 5.5 Корректировка базы СМИ для организации рекламного и нативного размещения 5.6 Корректировка контент-плана выпуска корпоративных СМИ на основе результатов опроса читателей</p>

По аналогии с нашей вышеупомянутой статьей и здесь в тех случаях, когда для наглядности описания потребуются практические кейсы реализации коммуникационных практик, в качестве примера будет использована политическая коммуникация, *реализуемая региональными органами исполнительной власти*. Как правило, она представляет собой информационно-коммуникационное сопровождение текущей практической деятельности региональных властей.

Этап 1. Получение и анализ информации

Важной задачей медийной коммуникации является распространение информационных сигналов посредством СМИ. По этой причине на первом этапе управления *формируются базы СМИ* (офлайн и онлайн), релевантные целевым аудиториям информационного воздействия для последующего взаимодействия и организации работы. Отдельно выделяются СМИ для организации спецпроектов. Таковыми могут быть как рекламная, так и нативная интеграция информации в формате специальной вкладки, тематического спецвыпуска и т.п. *Примером такой интеграции, показавшей высокую эффективность в региональной коммуникации, могут быть специальные тематические полосы, посвященные деятельности региональной администрации и размещаемые в муниципальных региональных изданиях.*

Еще одна задача первого этапа управления медийной политической коммуникацией — организация *ежедневного мониторинга* федеральных и региональных СМИ наиболее актуальных информационных тем (трендов). Ключевой этап этой работы — максимально корректное формирование поискового запроса: «облака» ключевых слов, словосочетаний и фамилий, по которым проводится ежедневный мониторинг. Чем более точно сформирован этот перечень, тем более корректная выдача информации будет обеспечиваться, что позволит, с одной стороны, не «утонуть» в ненужном объеме информации, а с другой — не пропустить важные сообщения по актуальным темам.

Продукт данного мониторинга послужит информационной базой на многих этапах коммуникации: для оценки эффективности пресс-мероприятий и всех видов офлайн-акций коммуникации, для формирования региональной повестки релевантной для текущей интеграции в федеральные информационные потоки при организации антикризисного реагирования и оценки его эффективности.

Широко распространенной ошибкой при организации ежедневного мониторинга региональными специалистами на практике стало его превращение в обычный клиппинг информационных материалов. Вместо краткого аналитического документа с выделением главных тем дня и главных информационных

рисков (обычно он составляет не более 2–3 страниц текста), региональные руководители каждый день получают объемные справки (нередко по 50–70 страниц), с которыми невозможно работать и принимать на их основании какие-либо практические решения. Очевидно, что обучение сотрудников, ответственных за данный участок работы, основам аналитики медианполя может сильно повысить качество коммуникации.

На этом же этапе *формируются и анализируются* пресс-портреты основных хедлайнеров политической коммуникации, а также *качества их навыков публичного* взаимодействия со СМИ.

Чаще всего навыки публичных коммуникаций региональных спикеров бывают недостаточно развиты, и в этом случае (на следующих этапах управления) необходима организация специальных тренингов и семинаров для их улучшения и совершенствования.

Этап 2. Подготовка и принятие решений

Главное содержание данного этапа — подготовка всех видов материалов (контента), решение организационных вопросов для активного начала эффективного взаимодействия со СМИ. Прежде всего речь идет о *проведении пресс-мероприятий* — неотъемлемой части медийной коммуникации, которые в последние годы стали привычным форматом общения региональных властей со СМИ. Речь идет о регулярных пресс-конференциях руководителей регионов, встречах губернаторов с редакторами муниципальных изданий, пресс-подходах после заседаний региональных правительств, брифингах региональных министров по наиболее насущным проблемам и т.п. Для повышения эффективности данной коммуникации на втором этапе управления *готовятся все необходимые документы* для представителей прессы: пресс-киты, пресс-анонсы, пресс-релизы и пост-релизы.

Отдельное внимание стоит уделить правильности и подробности изложения фактов в перечисленных материалах, памятуя о том, что чем корректнее они будут составлены, тем выше вероятность объективного освещения СМИ главных итогов пресс-мероприятия. В случае необходимости *достигается договоренность* со СМИ о размещении этих материалов, *формируются списки* СМИ для рассылки приглашения на пресс-мероприятие. Решаются и организационные вопросы: *заблаговременное резервирование* необходимых помещений для проведения мероприятия, вопросы технической поддержки.

Отдельный вопрос — развитие навыков публичного общения с прессой у спикеров. Часто эти компетенции бывают развиты весьма слабо (как правило, «боязнь» телевизионной камеры присутствует практически у всех региональных чиновников за редким исключением), и в преддверии серьезных пресс-мероприятий полезно и целесообразно организовать *серию*

тренингов для развития либо закрепления умения свободно и убедительно формулировать мысли при общении с представителями СМИ. Интересно отметить, что данная проблема интернациональна. М. Альмонкари и П. Изотал в исследовании феномена коммуникации финских политиков с прессой обозначили «проблемные зоны»: выстраивание отношений с журналистами, общение с политической аудиторией (например, членами партии, избирателями, коллегами по парламенту) и использование новых коммуникационных технологий [18].

Еще одна задача, актуальная для всех региональных администраций при реализации медийной коммуникации — *разработка информационных поводов для интеграции* в актуальную федеральную повестку. Релевантное включение новостей регионов в общефедеральную информационную повестку — задача сколь важная, столь и, как показывает практика, сложно выполнимая.

Самая часто встречающаяся проблема на этом пути — локальность местных информационных поводов и, соответственно, неактуальность их для федеральных СМИ. И хотя региональные пресс-службы регулярно формируют объемные перечни местных событий и мероприятий для рассылки федеральным медиа, чаще всего эта работа уходит «в стол» и не приводит ни к какому результату, а самым верным способом попасть на федеральные каналы становятся, к сожалению, лишь крупные ЧП на территории региона.

Залог успешного решения этой задачи — *интеграция местных событий в федеральную повестку* в контексте следующих часто используемых информационных поводов:

- реализация крупных федеральных программ, проектов на территории региона;
- значимые федеральные праздники;
- визиты в регион известных персон;
- значимые общефедеральные культурные события на территории региона;
- значимые события текущей повестки крупных бизнес-структур, работающих на территории региона;
- освещение деятельности крупных федеральных партий, общественных объединений на территории региона;
- визиты в регион крупных федеральных чиновников.

Для обеспечения оперативной и содержательной комментарийной программы по актуальной информационной повестке на данном этапе *формируется пул экспертов-стикеров*. Важно заранее классифицировать данный список в разрезе уровня (федеральный и региональный) инфоповода и наиболее актуальных отраслей хозяйства и жизнедеятельности.

Представляется целесообразным наличие как минимум 3–4 стикеров по каждой из отраслей.

Следующая задача, имеющая важное значение при реализации медийной политической коммуникации в регионе, — *организация производства всех видов медиапродуктов*. Номенклатура их, как правило, бывает достаточно широка: это продукты для региональных ТВ-каналов, региональных радиоканалов, всех видов печатных СМИ, издающихся в регионе (в эту группу входят как СМИ, финансируемые полностью или частично из регионального бюджета, так и частные), местных интернет-изданий. Прежде всего формируются *подробные медиапланы* их размещения. Как правило, это делается в контексте основных смысловых линий коммуникаций и в разрезе видов СМИ (ТВ, печатные СМИ, Интернет). Готовятся *технические задания* на написание всех видов медиаматериалов и продуктов коммуникации. Сразу после этого разрабатываются сценарные заявки (сценарии) для всех видов медиапродуктов. Так как стоимость подготовки последних часто достаточно высока, чтобы избежать неэффективного расходования денежных средств, целесообразно до начала производства тестировать сценарные заявки на целевых аудиториях коммуникации.

Широко распространенная ошибка в реальной практике — тестировать не идеи и главные смыслы медиапродуктов, а уже готовый продукт. Известно много случаев, когда медиапродукт вследствие подобного подхода не находит применения в реальной коммуникации, а финансовые ресурсы, потраченные на его производство, просто «сгорают».

Чаще всего ключевым в перечне медиапродуктов региональной коммуникации является регулярный прямой эфир руководителя региона на местных ТВ-каналах. Сценирование подобных программ — важнейшая составляющая эффективности этой коммуникации. В том случае, если к нему относятся не формально, есть интересные «ходы» (интерактивные включения из районов, острые вопросы по телефону студии, решение вопросов губернатором в прямом эфире и др.), при применении которых интерес зрителей к программе может быть вполне реальным, а подобные эфиры — серьезным каналом коммуникации. *Но если программа представляет собой скучный и безэмоциональный диалог ведущего и руководителя (где и вопросы, и ответы читаются по бумажке) — маловероятно ожидать какого-то реального интереса со стороны жителей.*

Интересно, что в последние годы некоторые губернаторы отказываются от формата телевизионного общения с жителями в пользу стримов в социальных сетях. Безусловно, такой формат прямой коммуникации вызывает значительный интерес (иногда подобные программы собирают более 150 тыс. просмотров в небольшом российском регионе), особенно у молодой аудитории. *Однако пренебрегать ТВ-форматом даже в этом случае — не самый*

правильный ход, так как целевые аудитории двух этих каналов коммуникации (Интернет и ТВ) сильно разнятся и представители старшего поколения, выбирающие в своем большинстве телевидение, оказываются лишены возможности узнать из первых уст последние новости региона.

И наконец, еще одна задача, решаемая на втором этапе управления медийной коммуникацией, — *планирование регионального бюджета* для обеспечения выхода медиапродуктов в региональных СМИ. Она делится на две самостоятельных: первая — заключение контрактов на стандартные (как правило, повторяющиеся из года в год) объемы размещения в региональных СМИ и интернет-ресурсах; вторая — увеличение этих объемов в периоды проведения региональных либо федеральных политических, или же информационных кампаний. Успешно решить обе задачи в условиях ограниченного (в большинстве случаев) финансирования — проблема данного этапа управления. В тех случаях, когда для решения задач медийной коммуникации необходимо создание корпоративного СМИ, на втором этапе управления разрабатывается его концепция, штатное расписание и бюджет.

Этап 3. Организация выполнения принятых решений

Перечень **пресс-мероприятий, организуемых в процессе медийной коммуникации**, может быть достаточно широк, однако в реальной практике обычно проводятся пресс-конференции, брифинги, пресс-подходы и пресс-туры.

Проведение пресс-мероприятий при грамотной предварительной подготовке всех материалов и спикеров, как правило, не представляет сложностей. Единственное, что часто нуждается в отдельном контроле, это соответствие темы мероприятия его содержанию. Действительно, журналисты, присутствующие на подобных мероприятиях, имеют возможность задавать вопросы, не связанные с предварительно заявленной темой, однако, вступительные заявления спикеров должны содержать тезисы, содержательно связанные с ней. *Своевременная рассылка* материалов пресс-мероприятия по базе СМИ увеличит вероятность присутствия журналистов на нем и косвенно увеличит объем медиаэха по итогам.

Организация комментарийной программы возможна двумя способами: инициативным (предоставление СМИ комментария эксперта по актуальной теме) и реактивным (ответ за запрос СМИ о предоставлении комментария). Первый применяется, когда субъект коммуникации стремится максимально быстро (обычно сразу или даже в преддверии важного информационного повода) заполнить новостное поле принципиальными и объективными информационными акцентами. В большинстве случаев это происходит в процессе подготовки и реализации планируемого события. Второй способ

реализуется при спонтанном возникновении инфоповода. Чаще всего такой сценарий имеет признаки антикризисного реагирования, когда профессиональный взгляд на проблему авторитетного эксперта позволяет оперативно купировать и нивелировать нежелательные последствия распространения негативной информации. Профессиональные участники коммуникации должны быть всегда одинаково готовы работать по обоим сценариям.

Интеграция информационных поводов в контексте актуальной повестки распадается на два процесса: собственно организацию событийного ряда (значимые события, праздники, заявления и т.п.) и организацию нативного размещения информации о данных событиях в СМИ. Первый процесс является ключевым в этой связке — от того, насколько творчески и креативно организуются события, сильно зависит уровень и качество органичного интереса СМИ. Определяющими критериями при этом могут являться уникальность и оригинальность самого инфоповода, участия в нем медийных персон, влиятельных политиков, интеграция события в контекст государственных праздников или общенациональных кампаний и тому подобное.

Качество и разнообразие медиaproдуктов зачастую играют решающую роль в определении или повышении эффективности медиакommunikации. Сам субъект коммуникации обычно выступает в этом процессе не как производитель, а как содержательный заказчик продукта. По этой причине при организации производства таких продуктов особое внимание необходимо обратить на уровень профессиональной подготовки и квалификации персонала, осуществляющего контент-коммуникацию с представителями производящих студий, дизайн-бюро, райтерами, интернет-продюсерами и остальными участниками творческого процесса. Плановость и своевременность производства продукта важны не менее, чем его качество. По этой причине особое внимание уделяется формированию тематических контент-планов подготовки продуктов и их скрупулезной реализации.

Апробация всех видов медиaproдуктов — обязательный компонент процесса их производства. Продукт, размещаемый на офлайн-площадках, тестируется на специально организуемых фокус-группах с целевыми аудиториями, а онлайн-продукт — на специальных интернет-платформах.

Размещение *материалов в СМИ на рекламной основе* чаще всего представляет из себя подготовку специальных вкладок (тематических полос) для печатных СМИ и их интернет-версий или разработку совместных тематических проектов на ТВ-каналах. Обычно в этих случаях подготовку контента берут на себя соответствующие редакции СМИ. Задача заказчика в таких проектах — своевременное предоставление необходимой информации для формирования контента.

Процесс *создания корпоративных СМИ* на данном этапе управления коммуникацией чаще всего включает в себя перечень организационных

(регистрация СМИ, формирование редакционного коллектива, вопросы печати и распространения и т.д.) и сугубо творческих (формирование контент-плана издания, рейтинг всех материалов, создание и ведение интернет-версии издания и т.п.) задач.

Этап 4. Контроль, оценка результатов

По итогам проведения пресс-мероприятия готовится клиппинг вышедших материалов и сообщений по всем видам СМИ (печатные, Интернет, ТВ, соцмедиа и мессенджеры). Главными показателями эффективности пресс-мероприятия, как правило, считаются количественные (число сообщений) и качественные (тональность сообщений) характеристики интегрального медиавыхлопа. Зачастую сюда добавляется и интегральный индекс информационного благоприятствования публикаций по итогам мероприятия.

С помощью таких же показателей эффективности оцениваются и результаты *реализации экспертной комментарийной* программы и *реализации информационных поводов* в контексте актуальной повестки.

Перечисленные ключевые показатели эффективности сводятся в базовый — ежедневно формирующийся — документ: *медиааналитику СМИ* и цифровых площадок медийной коммуникации. Этот документ давно стал неотъемлемым атрибутом регулярной работы всех подразделений, ответственных за информационную деятельность.

Сложнее обстоят дела с *оценкой эффективности размещения* медиапродуктов, так как чисто числовые показатели медиаэха порой совсем не характеризуют эффективность этой работы.

Возьмем в качестве примера вышеупомянутый прямой эфир руководителя региона на местном ТВ-канале. Для того, чтобы оценить эффективность его проведения, необходимо анализировать следующие показатели: рейтинг и долю охвата передачи, количество вопросов, поступивших за время анонсирования и непосредственно во время эфира, и вопросов, на которые были даны ответы во время эфира и после его окончания, число и тональность комментариев к трансляции прямого эфира в соцсетях ТВ-канала. Также полезно смотреть все эти показатели в динамике от эфира к эфиру, чтобы понимать, соответствует ли медиапродукт ожиданиям целевой аудитории и удастся ли улучшить его качество и продуктивность. Показательными могут быть и результаты опросов аудитории канала, организованные на его интернет-сайте и в соцсетях на следующий день после проведения эфира. Как видно из приведенного примера, информационное воздействие медиапродукта на целевые аудитории гораздо более комплексно и нелинейно, чем у остальных разновидностей медиакommunikации, и измерение его эффективности — задача более сложная.

Интернет-опросы аудитории *на сайте корпоративного издания* также широко практикуются для оценки эффективности его взаимодействия с аудиторией.

Этап 5. Внесение коррективов

Коррекция хода медийной политической коммуникации включает в себя как содержательные, так и организационные изменения ее процессов и производится сразу после окончания каждой из разновидностей коммуникации. В каком-то смысле внесение коррективов — постоянно действующий механизм повышения качества и эффективности, идущий параллельно с основным технологическим процессом коммуникации.

После *анализа эффективности проведения пресс-мероприятий* корректируется база СМИ, приглашаемых на мероприятия, и технология взаимодействия с ними. Кроме этого, анализируется эффективность общения с представителями прессы спикеров мероприятия и в случае необходимости организуются дополнительные тренинги для развития недостающих навыков коммуникации.

Низкая эффективность участия экспертов *в комментарийной программе* (чаще всего это связано с недостаточным интересом СМИ к персоне эксперта), как правило, ведет к коррекции пула экспертов, участвующих в ней.

Невысокая эффективность *интеграции информационных поводов* в актуальную повестку чаще всего говорит об их несоответствии потенциальным ожиданиям СМИ (в особенности — федеральным). В таких случаях есть смысл задуматься над содержанием поводов (пересмотреть их перечень, максимально сблизив его с актуальным федеральным контекстом), над их ключевыми спикерами (привлечение медийных персон), над формами организации взаимодействия со СМИ.

Формы и методы *коррекции медиапродуктов* зависят от типа продукта и каналов его распространения. Если речь идет о телевизионных материалах, то правки вносятся в сценарии (чаще всего меняются смысловые и содержательные акценты, вводятся дополнительные спикеры, потенциально интересные целевым аудиториям, корректируются информационные поводы, вокруг которых формируется канва сюжета продукта, периоды ротации продукта изменяются на более релевантные с точки зрения активного телезрителя целевых аудиторий и т.п.). Если речь идет о медиапродуктах, размещаемых в периодических печатных изданиях, то кроме коррекции смысловых паттернов (они практически неизбежны в данном случае) критическому анализу подвергаются и медиапланы размещения и распространения продукта. При коррекции медиапродуктов, предназначенных для размещения в онлайн-среде, важную роль (опять же после внесения правок

в содержание продукта) играет анализ площадок размещения и настроек таргетированного распространения контента.

В целом этап внесения изменений в продуктовую линейку медийной коммуникации, являясь зачастую весьма затратным (на практике внесение изменений в видеоролик в некоторых случаях фактически означает производство нового продукта), часто заходит в тупик по банальной причине отсутствия ресурсов на его реализацию. Поэтому при бюджетировании коммуникации в целом важно планировать ресурсы не только на подготовку и реализацию коммуникации, но и на ее коррекцию.

Заключение

В статье раскрыт авторский подход к определению понятия «медийная политическая коммуникация», а также к описанию этапов управления данным видом коммуникации. Однако необходимо отметить, что, говоря о СМИ, мы имели в виду прежде всего так называемые классические средства массовой информации. Все, что касается социальных медиа и управления ими, мы детально рассмотрим в отдельной статье, посвященной управлению цифровой политической коммуникацией. В ней же остановимся на рассмотрении специфики взаимодействия классических СМИ и социальных сетей (иногда принимающих формы острых противоречий) и способах управления этими противоречиями.

Список литературы

1. Алиев Дж.Ф., Саркисов В.Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-139-150.
2. Кривонос А.Д. Медиакоммуникации: на пути к институализации? // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 21.
3. Профессиональные компетенции специалиста по коммуникациям XXI века: коллективная монография / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021.
4. Войтик Е.А. К вопросу определения медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. № 1.
5. Богдановская И.М. Медиа-коммуникация. Universum // Вестник Герценовского университета. 2011. № 8.
6. Дементьева К.В. Медиакоммуникации региона в контексте взаимодействия власти и общества: анализ освещения поправок в Конституцию РФ (по материалам медиа Республики Мордовия) // Коммуникативные исследования. 2021. № 8(1). DOI 10.24147/2413-6182.2021.8(1).117-131.
7. Мартемьянова С.С. Интеракционные основы медийной коммуникации. Современные проблемы взаимодействия языков и культур: материалы

- Международного форума, Благовещенск, 14–15 декабря 2012 года. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2012.
8. Яхимовский М., Гаврилюк В. Субъектность в медийной коммуникации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2015. № 18(215).
 9. Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В. Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры // Цифровая социология. 2022. Том 5. № 4. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-4-56-66.
 10. МакКуэйл Д. Журналистика и общество. М.: МедиаМир, 2013.
 11. Пономарев Н.Ф. Когнитивные ресурсы медиаполитики власти. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
 12. Blumenthal S. The permanent campaign: Inside the world of elite political operatives. Boston: Beacon Press, 1980.
 13. Варганова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.
 14. Hanitzsch T. Journalists as peacekeeping force? Peace journalism and mass communication theory // Journalism Studies. 2004. Vol. 5. Is. 4. DOI: 10.1080/14616700412331296419.
 15. Kitzberger P. The media politics of Latin America's leftist governments // Journal of Politics in Latin America. 2012. Vol.4. Is. 3. DOI: 10.1177/1866802X1200400305.
 16. Stier S. Democracy, autocracy and the news: the impact of regime type on media freedom // Democratization. 2015. Vol. 22. Is. 7. DOI: 10.1080/13510347.2014.964643.
 17. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40).
 18. Almonkari M., Isotalus P. Two perspectives on the communication skills of political Leaders // International Journal of Strategic Communication. 2012. Vol. 6. Is. 3. DOI: 10.1080/1553118X.2012.664223.

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ВЫБОРОВ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, связанные с реализацией принципа свободы выборов в России и Казахстане. Позиция правоприменителей демонстрирует, что его соблюдение является одним из критериев оценки действительности выборов, объективности их результатов.*

Непосредственного закрепления на конституционном уровне принцип свободы выборов в России и Казахстане не получил. При этом он вытекает из конституционных положений о том, что граждане имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Принцип нашел закрепление на законодательном уровне, а содержание раскрывается в решениях судебных органов, органов конституционного контроля. Автором признается обоснованным отказ от барьера минимальной явки избирателей. В противном случае это привело бы к реализации косвенного принуждения избирателей к голосованию, которое хотя бы и осуществилось в рамках закона, но все равно бы нарушало свободу выборов.

***Ключевые слова:** принцип свободы выборов, избирательное право, Российская Федерация, Республика Казахстан, иностранные агенты, порог явки избирателей.*

THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF ELECTIONS: FEATURES OF IMPLEMENTATION, CONTENT AND PRACTICE IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

***Abstract.** The article discusses the problems of implementing the principle of freedom of elections in Russia and Kazakhstan. The position of law enforcement officials demonstrates that its compliance is one of the criteria for assessing the validity of elections and the objectivity of their results.*

The principle of freedom of elections in Russia and Kazakhstan has not been directly enshrined at the constitutional level. Moreover, it follows from the constitutional provisions that citizens have the right to elect and be elected to government bodies and local government bodies. The principle is enshrined at the legislative level, and the content is revealed in the decisions of the judiciary and constitutional control bodies. The author recognizes that the rejection of the minimum voter turnout barrier is justified. Otherwise, this would lead to the

implementation of indirect coercion of voters to vote, which, although carried out within the framework of the law, would still violate freedom of elections.

Keywords: *principle of freedom of elections, electoral law, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, foreign agents, voter turnout threshold.*

Впервые принцип свободы выборов на международном уровне получил толкование в Решении Европейского суда по правам человека от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии»¹. Суд указал, что у государств имеется широкое поле для введения различных ограничений в области действия данного принципа, однако эти ограничения «не должны препятствовать свободному волеизъявлению народа при выборе законодательной власти» [1, с. 420]. Подобный вывод был сделан Европейским судом и при разрешении дела «Херст против Соединенного Королевства»: ограничения прав человека не должны препятствовать свободному волеизъявлению народа при выборе законодательной власти, то есть они должны отражать заботу о поддержании целостности и эффективности процедуры выборов, направленной на определение воли народа посредством всеобщего избирательного права². В целом принцип свободы выборов, который некоторыми правоведами рассматривается как «метапринцип» — то есть основополагающий для избирательного права принцип [2, с. 75]. Он предполагает, что при организации и проведении выборов исключается какое-либо принуждение как к участию в выборах, так и к голосованию за конкретного кандидата либо избирательное объединение; если иначе, то избиратель свободно (добровольно) участвует в выборах и голосует в соответствии со своим мнением.

При этом принцип свободы выборов не трактуется как некий абсолют. В национальных законодательствах существует масса исключений, которые вытекают в том числе из принципов равных и справедливых выборов. Российское законодательство в определенных случаях разрешает нарушить тайну голосования и, следовательно, принцип свободы выборов. Например, в соответствии с пунктом 10 статьи 64 Федерального закона от 12 июня 2002 года № ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) избиратель, не имеющий возможности самостоятельно расписаться в получении бюллетеня или заполнить бюллетень, принять участие в электронном голосовании, вправе воспользоваться для

¹ Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии (Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium): Постановление Европейского суда по правам человека от 2 марта 1987 г. (жалоба № 9267/81) // Европейская конвенция о защите прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461418/2461418.htm> (дата обращения: 15.09.2022).

² Постановление ЕСПЧ от 06.10.2005. Дело «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства (№ 2)» (жалоба № 74025/01) [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс».

этого помощью другого избирателя. В таком случае он об этом устно извещает комиссию.

Эти обстоятельства явно приведут к нарушению тайны голосования, а в итоге и к возможному нарушению принципа свободы выборов. Подобное положение содержится и в статье 42 Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 «О выборах в Республике Казахстан»³ (далее — Закон о выборах в Республике Казахстан). В научной литературе отмечается, что отдельные субъекты избирательного процесса (различные органы публичной власти) вообще не обладают избирательными правами и лишь исполняют возложенные на них законом обязанности. Следовательно, принцип свободы выборов на них не распространяет свое действие [3, с. 442].

* * *

В ряде стран голосование является юридической обязанностью для гражданина, и неявка на выборы наказуема. Подобное положение соответствует теории «избирательное право как функция», — избиратель осуществляет публичную функцию, которая ему доверена нацией, то есть является гражданским долгом. В связи с этим считается допустимым, что эффективное осуществление этой функции составляет обязанность, неисполнение которой может быть наказуемо [4, с. 74]. Например, согласно законодательству Мексики обязанностью гражданина является регистрация в избирательных списках в порядке, установленном законом, и обязанность голосовать на выборах в соответствующем избирательном округе [5, с. 307–308]. Согласно Уголовному кодексу Республики Сан-Марино от 25 февраля 1974 года лицо, воздерживающееся от голосования, подлежит либо тюремному заключению, либо лишается политических прав [6, с. 79].

При этом в научной литературе отмечается, что выявить количество государств, применяющих процедуру обязательного голосования, — достаточно трудновыполнимая задача. На практике во многих странах мира ответственность реализацию в полной мере чаще всего не находит [7, с. 144]. Но в ряде стран (Аргентина, Австралия, Бразилия, Сингапур, Перу) принцип обязательного участия граждан в голосовании выполняется достаточно последовательно [8, с. 97].

Непосредственного закрепления на конституционном уровне принцип свободы выборов в России и Казахстане не получил. При этом он вытекает из конституционных норм (ст. 32 Конституции Российской Федерации, ст. 33 Конституции Республики Казахстан) о том, что граждане имеют право

³ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_#z3 (дата обращения: 15.04.2023).

избирать и быть избранными в государственные органы и органы местного самоуправления. На это обращается внимание и в научных работах [9, с. 18].

В России принцип свободы выборов получил закрепление в статье 3 Закона об основных гарантиях. Содержание принципа нашло раскрытие в материалах судебной практики. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П⁴ выборы могут считаться свободными только тогда, когда реально гарантированы право на информацию и свобода выражения мнений. Согласно Определению Верховного суда Российской Федерации от 6 декабря 2003 года № 45-Г03-31⁵, принцип свободы выборов означает обеспечение гражданам и иным участникам избирательного процесса возможности без какого бы то ни было влияния, насилия, угрозы применения насилия или иного противоправного действия сделать выбор относительно своего участия или неучастия в выборах в допускаемых законом формах и законными методами.

В Казахстане этот принцип находит закрепление в статье 2 Закона о выборах в Республике Казахстан: выборы в Казахстане основываются на свободном осуществлении гражданином своего права избирать и быть избранным, никто не вправе принуждать к участию или неучастию гражданина в выборах, а также ограничивать его волеизъявление. Принцип составляет основу как активного избирательного права (право участвовать в голосовании на выборах), так и пассивного избирательного права (право быть избранным), то есть, как отмечается в одном из решений Конституционного совета Казахстана⁶, этот принцип, как и другие принципы избирательного права, получил закрепление в правовом состоянии единства.

Законодательство России и Казахстана содержит гарантии принципа свободы выборов. В Законе об основных гарантиях они закрепляются в положениях, регулирующих общественные отношения в рамках отдельных стадий избирательного процесса. Так, рассматривая конституционность положения данного Закона, исключающего участие в сборе подписей в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов) органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов управления организаций независимо от формы собственности, учреждений, членов избирательных

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 9 апреля 2004 года № 5 «О проверке Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» на соответствие Конституции Республики Казахстан» // ИС «Параграф». URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/S040000005_\(дата обращения: 15.04.2023\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/S040000005_(дата обращения: 15.04.2023)).

комиссий, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «такое правовое регулирование является отражением конституционного принципа свободных выборов, одной из гарантий которых служит запрет на оказание в любой форме давления на избирателей в целях их принуждения к совершению тех или иных юридически значимых действий в рамках избирательных процедур. Поскольку у органов публичной власти сосредоточены административно-финансовые, информационные и иные ресурсы, то установление для них запрета на участие в сборе подписей в поддержку выдвижения кандидата на выборах нельзя считать необоснованным; этот запрет является необходимым с точки зрения защиты свободных выборов как ценности, относящейся к основам конституционного строя»⁷.

В Законе о выборах Республики Казахстан гарантиям принципа свободы выборов посвящена девятая глава. Она включает в себя статьи, касающиеся как гарантий деятельности кандидатов в ходе избирательной кампании (ст. 47), деятельности государственных органов по обеспечению свободы выборов (ст. 48), так и механизмов обеспечения действия этого принципа: обжалование и отмена решений и действий в ходе избирательной кампании (ст. 49), ответственность за нарушение законодательства Казахстана о выборах (ст. 50).

Раскрывая содержание принципа свободы выборов невозможно не затронуть вопросы, связанные с порогом явки избирателей. Он всегда являлся актуальным для любой национальной избирательной системы. Как говорят специалисты, «идея манипуляций с порогом явки избирателей появилась в зарубежном законодательстве, как ответ на абсентеизм избирателей еще в 60-е годы прошлого века» [10]. По мнению директора Центра конституционно-правовых исследований Института юридических и философских наук Сорбонны Б. Матье, абсентеизм является следствием «достаточно справедливого чувства того, что голосование больше не оказывает влияние на принятие политических решений» [11, с. 15].

В ряде государств участие избирателей в голосовании связывают с доверием к выборам и их результатам и придают их явке юридическое значение в части признания выборов состоявшимися. При этом ряд правоведов неоднократно отмечали, что установление порога явки избирателей — сам по себе факт целесообразный, но он неизбежно вторгается в свободу и добровольность выборов. Он оказывает психологическое давление на избирателей [12, с. 98]. Путь разрешения данного противоречия ученые видели в отмене

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 г. № 252-О-О «По жалобе гражданки С. на нарушение её конституционных прав положениями пункта 6 статьи 37 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 5.

минимальной планки явки избирателей [13, с. 7; 14, с. 9]. Но в этом случае, по мнению многих экспертов, закон будет «провоцировать и поощрять политическую индифферентность граждан» [12, с. 93].

* * *

Порог явки закрепляется законодательством Казахстана в отношении выборов Сената Парламента Казахстана, большая часть членов которого избирается в ходе многостепенных выборов, а остальные назначаются главой государства. Можно предположить, что это связано с возможностью ее регулирования на практике и влияния на ее уровень. При выборах сената выборщиками являются представители органов публичной власти, для которых участие в голосовании является, в некоторой степени, обязанностью.

**Явка выборщиков на выборах Сената
Парламента Республики Казахстан с 1995 по 2022 год⁸**

Дата проведения	Уровень явки
5 декабря 1995 г.	5314 (93,74%)
31 января 1996 г. (повторные выборы)	597 (92,99%)
8 октября 1997 г.	4660 (86,89%)
17 сентября 1999 г.	4179 (86,5%)
8 октября 2002 г.	3156 (95,4%)
19 августа 2005 г.	3155 (95,98%)
4 октября 2008 г.	3231 (97,61%)
19 августа 2011 г.	3172 (96,6%)
1 октября 2014 г.	3236 (98,69%)
28 июня 2017 г.	3242 (98,51%)
12 августа 2020 г.	2889 (94,1%)
24 августа 2022 г.	311 (89,88%)

Может быть, именно поэтому реформа национальной представительной системы 2022 года началась с сенатского уровня, когда частичные выборы в сенат были проведены 14 января 2023 года. В них приняло участие 2904 (91,6%) из 3167 выборщиков (депутатов маслихатов страны)⁹.

При прямых выборах свобода избирателей в решении вопроса идти голосовать или не идти — более широкая. В связи с этим в отношении прямых

⁸ Информация получена с сайта ЦИК РК Информация о выборах и референдумах в РК. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborah-i-referendumakh-v-rk/>; Информационный сборник о выборах и республиканских референдумах, состоявшихся в Республике Казахстан в период с 25 марта 1990 года по 16 января 2012 г. Т. 1. Астана, 2012. 354 с. URL: https://www.election.gov.kz/upload/docs/inform_sbornik_rus.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

⁹ Постановление ЦИК РК «Об установлении и опубликовании итогов выборов депутатов Сената Парламента Республики Казахстан, состоявшихся 14 января 2023 года» // Официальный сайт ЦИК РК. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8230> (дата обращения: 15.04.2023).

выборов порог явки избирателей в настоящее время не находит закрепление ни в России, ни в Казахстане. Хотя это было не всегда. До 2006 года в России в соответствии с пунктом 2 статьи 70 Закона об основных гарантиях выборов признавались состоявшимися, если в них приняло участие не менее 20 процентов избирателей при выборах представительных органов и не менее 50 процентов при выборах должностного лица.

В 1999 году С.Д. Князев, на тот момент являвшийся председателем Избирательной комиссии Приморского края, отмечал, что во Владивостоке в связи с признанием выборов несостоявшимися из-за недостаточной явки избирателей представительный орган местного самоуправления отсутствует с 1993 года [15, с. 102]. При выборах депутатов Думы города Владивостока, проводившихся 17 января 1999 года, по шести избирательным округам из двадцати двух округов выборы были признаны несостоявшимися¹⁰.

Аналогичная ситуация сложилась и в декабре 2000 года при выборах Совета депутатов города Новосибирска. В связи с низкой явкой избирателей в 19 избирательных округах из 25 выборы были признаны несостоявшимися¹¹. В декабре 2001 года избирателями Приморского края было избрано 19 из 39 депутатов региональной думы¹². В связи с этим местными СМИ была развернута кампания, в ходе которой избирателям разъяснялась необходимость их явки на избирательные участки. Это обосновывалось тем, что повторение признания выборов несостоявшимися повлечет новые расходы для налогоплательщиков.

Федеральный закон от 5 декабря 2006 года¹³ отменил порог явки избирателей для всех выборов, кроме федеральных. Для выборов Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы порог явки избирателей был отменен Законом от 26 апреля 2007 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации”, а также в целях обеспечения реализации законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах»¹⁴.

¹⁰ Об итогах выборов депутатов представительного органа местного самоуправления – Думы города Владивостока Приморского края, состоявшихся 17 января 1999 г.: Постановление ЦИК России от 24 февраля 1999 г. № 161/1088-11 // Вестник ЦИК России. 1999. № 2.

¹¹ Совет депутатов г. Новосибирска. URL: <https://gorsovetsk.ru/about/istoriya/1994-2004.php> (дата обращения: 15.10.2023).

¹² Доволен только «ворчун» Черепков // Российская газета. 2001. 11 декабря.

¹³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5303.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 18. Ст. 2118.

Порогу явки на выборах, проводимых в Казахстане, был посвящен пункт 1 статьи 9 Закона о выборах в Республике Казахстан. Изначально редакция данной нормы закрепляла положение о том, что выборы могли считаться состоявшимися, если в них приняло участие более 50 процентов избирателей. Конституционным законом Казахстана от 6 ноября 1998 года¹⁵ это требование было отменено в отношении выборов президента и депутатов Мажилиса Парламента Казахстана. В мае 1999 года¹⁶ порог явки был отменен и на выборах депутатов маслихатов¹⁷.

* * *

Отмена порога явки избирателей была связана с тенденцией ее снижения как в России, так и в Казахстане. 1 декабря 1991 года при проведении первых президентских выборов в Казахстане явка избирателей была 88,23 процента, в 1999 году — 85,77; в 2005 году — 76,78; в 2011 году — 89,99; в 2015 году — 95,21; в 2019 году — 77,54; в 2022 году — 69,44 процента. При проведении в 1994 году первых парламентских выборов явка избирателей составила 73,52 процента, в 1995 году — 80,73; в 1999 году — 62,56; в 2004 году — 56,49; в 2007 году — 68,41; в 2012 году — 75,44; в 2016 году — 77,10; в 2021 году — 63,25; в 2023 году — 54,15 процента.

На выборах президента России самая большая явка была зафиксирована в первой избирательной кампании, завершившейся голосованием 12 июня 1991 года — 74,66 процента. На выборах 1996 года явка была 69,8 процента (1 тур) и 69,4 процента (2 тур); 2000 года — 68,7; 2004 года — 64,38; 2012 года — 65,34; 2018 года — 67,5 процента. На выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации 1993 года явка была 54,81 процента; 1995 года — 64,76; 1999 года — 61,85; 2003 года — 55,75; 2007 года — 63,78; 2011 года — 60,21; 2016 года — 47,88; 2021 года — 51,72 процента.

¹⁵ Конституционный закон Республики Казахстан от 6 ноября 1998 года № 285-1 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, „О выборах в Республике Казахстан“». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1011461 (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁶ Конституционный закон Республики Казахстан от 6 мая 1999 г. № 375-1 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, „О выборах в Республике Казахстан“». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012998 (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁷ Термин «маслихат» в переводе с казахского означает «совет», «одобрение» и «совещание» (см.: Махмудов Х., Мусамбаев Г. Казахско-русский словарь. Алматы: Онер, 2001. С. 268). В последней трети XV–XVI вв. маслихат являлся высшей законодательной властью в казахском ханстве и означал съезд султанов и представителей общин. Маслихат собирался раз в год и решал наиболее важные государственные вопросы — заключение мира, объявление войны, перераспределение пастбищ, определение маршрутов кочевания. Кроме того, маслихат выбирал и смещал ханов, исходя из принципа меритократии — выбора наиболее достойного. Обязательным условием для участия в работе маслихата было наличие оружия — полноправными членами этого органа были только мужчины // Айтказинов Е.Б. Конституционно-правовые основы системы региональных представительных и исполнительных органов власти Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 21.

Как видим, самая низкая явка в России по выборам депутатов нижней палаты парламента была в 2016 году. Представителями экспертного сообщества это объяснялось в том числе и согласием избирателей с действующим политическим составом нижней палаты российского парламента, то есть «неявкой согласия, а не протеста»¹⁸. В связи с этим установление порога явки избирателей при проведении прямых выборов в настоящее время — на фоне ее снижения, привело бы к реализации косвенного принуждения избирателей к голосованию, которое хотя бы и осуществилось в рамках закона, но все равно бы нарушало свободу выборов.

Соблюдение принципа свободы выборов — один из критериев оценки действительности выборов и объективности их результатов. Именно на этот принцип ссылаются при попытке оспорить законность выборных процедур. Примером может являться Особое мнение члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о Протоколе ЦИК России о результатах выборов Президента Российской Федерации в 2018 году¹⁹. Обосновывая свое мнение он отмечал: «Мое несогласие с Протоколом и приобщенной к нему Сводной таблицей выражается в том, что зафиксированные в арифметическом виде сведения, касающиеся выборов Президента Российской Федерации в декабре 2017 года — марте 2018 года, получены в том числе и за счет нарушения принципа свободных выборов».

Судебные органы также неоднократно обращали внимание, что обстоятельствами, имеющими значение для правильного разрешения избирательного спора, «являются не любые нарушения избирательного законодательства, а лишь такие нарушения, которые существенно отразились на избирательной кампании и ее итоговых результатах, повлияли на свободу выборов и не позволяют выявить действительную волю избирателей»²⁰.

* * *

Избирательная практика Казахстана демонстрирует возможность материальной компенсации морального вреда при нарушении принципа свободы выборов. Так, в ходе последних досрочных выборов президента Казахстана был привлечен к ответственности гражданин Т., являющийся и.о. директора КГКП «Городской парк культуры и отдыха акимата г. Темиртау отдела культуры и развития языков г. Темиртау». Он издал приказ об обязанности

¹⁸ Неявка согласия, а не протеста: гость редакции // Советская Сибирь. 29 сентября 2016 г. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/164580> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁹ Постановление ЦИК РФ от 23 марта 2018 г. № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 г.» // Сайт ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/39429> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 46-ИКАД23-1-А4 // СПС «Консультант Плюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.10.2022 № 55-ИКАД22-1-А5 // СПС «Консультант Плюс».

всех своих работников явиться на свои избирательные участки и принять участие в выборах. По завершению голосования они должны были сообщить об этом по месту своей работы. В связи с тем, что исполнение этого приказа, как предполагалось, было связано с продолжением трудовых обязанностей, ознакомление с ним было проведено под личную подпись каждого работника. Несколько работников обжаловали этот приказ, посчитав его незаконным, унижающим честь и достоинство, нарушающим свободу выборов, требуя компенсировать им моральный вред. Суд отменил приказ признав его незаконным, а также обязал гражданина Т. компенсировать оплаченную госпошлину в сумме 1512 тенге, судебные расходы на оплату труда адвоката 30 000 тенге и выплатить каждому истцу 3000 тенге в рамках компенсации морального вреда²¹.

Интерес вызывает и другой избирательный спор, возникший в ходе этой избирательной кампании. Гражданин И. обратился в суд с иском об обязывании ответчика отменить постановление Центральной избирательной комиссии Казахстана от 12 октября 2022 года № 82/566 о регистрации гражданина Т. кандидатом в президенты, являющегося действующим главой государства. Заявитель отмечает, что очередные выборы главы государства должны были состояться в первое воскресенье декабря 2024 года. Однако внеочередные выборы были назначены на два года раньше. По мнению истца, неучастие в избирательной кампании по досрочным выборам главы государства тех субъектов политической жизни, которые появляются и еще появятся в Казахстане в ходе политических реформ 2022–2024 годов, ограничивает их пассивное избирательное право и принуждает избирателей голосовать за тех лиц, которые были выдвинуты. Несмотря на то, что в удовлетворении иска было отказано²², его содержание, как представляется, демонстрирует ожидания рядовых граждан Казахстана от проводимых конституционных реформ.

* * *

В заключение отметим, что закрепление принципа свободы выборов в Российской Федерации и в Казахстане происходит на законодательном уровне, а его содержание раскрывается в решениях судебных органов

²¹ Решение Тимиртауского городского суда Карагандинской области от 9 сентября 2011 года № 2-5012 // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31063083&pos=31;-54#pos=31;-54&sdoc_params=text%3D%25D0%25B2%25D1%258B%25D0%25B1%25D0%25BE%25D1%2580%25D1%258B%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31063083%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 29.05.2023).

²² Постановление судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан от 17 октября 2022 года № 6001-22-00-6ап/1889 // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37168950&pos=20;-36#pos=20;-36&sdoc_params=text%3D%25D0%25B2%25D1%258B%25D0%25B1%25D0%25BE%25D1%2580%25D1%258B%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D37168950%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 29.05.2023).

и органов конституционного контроля. В связи с тем, что он не трактуется как некий абсолютизм, в национальных законодательствах существует масса исключений. При этом ограничения должны носить разумный характер, пропорциональный внутренним и внешним вызовам.

При разрешении дел, связанных с ограничениями свободы выборов, необходимо дать возможность избирательным комиссиям, судебным органам более широко применять собственное усмотрение. Такое допущение не только возможно, но и может быть признано полезным с точки зрения защиты прав и законных интересов невластных субъектов и обеспечения должного баланса публичных и индивидуальных интересов [16, с. 17].

Обоснованным можно признать отказ от закрепления в национальном избирательном законодательстве барьера минимальной явки избирателей. В противном случае, это привело бы к реализации косвенного принуждения избирателей к голосованию, которое хотя бы и осуществилось в рамках закона, но все равно бы нарушало свободу выборов.

Список литературы

1. Колюшин Е.И. Принцип свободных выборов // Конституционное право и политика: сборник материалов международной конференции. Отв. ред. Авакьян С.А. М.: Издательство «Юрист», 2012.
2. Слободчикова С.Н. Свободные выборы как избирательный стандарт. М.: Юстицинформ, 2022. 188 с.
3. Худолей Д.М., Худолей К.М. Реализация основных принципов избирательного права в избирательных системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3.
4. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты / Пер. с франц., вступ. ст. В.В. Маклаков. М.: Юрист, 2002.
5. Современные избирательные системы. Вып. 1. Британия, Канада, Мексика, Польша / Д.В. Лафитский, Н.М. Касаткина, А.Г. Орлов, Н.Ю. Трещетenkova. М.: РЦОИТ: Норма, 2006.
6. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред., вступ. статья д. ю. н., проф. С.В. Максимова / Перевод с итальянского В.Г. Максимова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
7. Жуковская Н.Ю., Тюмнева М.А., Серова Т.Ю. Принудительное право или почетная обязанность (к вопросу об эффективности избирательных систем с обязательным и добровольным голосованием) // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3(21).
8. Слободчикова С.Н. Реализация принципа свободных выборов в России и в мире: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3.
9. Сарсембаев М.А. Конституционные принципы избирательного права Казахстана и их соответствие международным стандартам // Право и государство. 2014. № 3 (64).

10. Мухамеджанов Э.Б. Порог явки избирателей — показатель результативности избирательного процесса // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34505511&pos=5;-88#pos=5;-88 (дата обращения: 15.04.2023).
11. Матье Б. Право против демократии. М.: Норма: ИНФРА, 2021.
12. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003.
13. Князев С.Д., Хрусталева Е.Н. Добровольность участия в выборах и обязательность явки избирателей: есть ли противоречие? // Власть. 1997. № 10.
14. Юсов С.В. Принципы избирательного права и их реализация в условиях формирования новой Российской государственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Ростов-на-Дону, 1999.
15. Князев С.Д. Очерки теории Российского избирательного права. Владивосток: Издательство Дальневосточного ун-та, 1999.
16. Шерстобоев О.Н. Административное усмотрение в случае отмены административного акта // Административное право и процесс. 2022. № 1.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ БАРЬЕР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОСТАВ И РАБОТУ ПАРЛАМЕНТА И СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА (на примере израильского парламента — кнессета)

***Аннотация.** Вопрос о целесообразности установления определенных препонов (квот) при выборах в высшие руководящие органы постоянно находится в центре внимания многих стран мира. Одной из часто обсуждаемых квот, установленных в виде назначенного процента голосов, необходимого для выборов в законодательный орган, является электоральный барьер, который чаще всего и определяет базовый состав парламента. При этом оценка их эффективности зависит только от контекста и целей каждой из политических систем, использующих эти квоты. В данной статье автор рассматривает влияние электорального барьера на порядок формирования и эффективность работы израильского парламента (кнессета) за весь период его деятельности. Приведенный анализ указывает на то, что как ранее, так и на данный момент электоральный барьер не особо влияет на состав и, главное, качество работы парламента и стабильность правительства, так как правила выборов в кнессет и принципы организации правительства позволяют власти регулировать участие различных политических сил в выборах и формировать структуру исполнительной власти другими путями.*

***Ключевые слова:** электоральный барьер, выборы, явка, партии, оппозиция, коалиция.*

THE ELECTORAL BARRIER AND ITS IMPACT ON THE COMPOSITION AND WORK OF PARLIAMENT AND THE STABILITY OF THE GOVERNMENT (using the example of the Israeli parliament — knesset)

***Abstract.** The question of the advisability of establishing certain obstacles (quotas) during elections to the governing bodies of the country is constantly in the focus of attention in many countries of the world. One of the frequently discussed «quotas» established in the form of a certain percentage of votes required for elections to a legislative body is the electoral threshold, which most often determines the basic composition of this elected body. At the same time, assessing the effectiveness of such «quotas» depends only on the context and goals of each of the political systems using them. In this article, the author examines the influence of the electoral barrier on the formation and efficiency of the Israeli parliament (knesset) over*

the entire period of its activity. The above analysis indicates that, both previously and at the present time, the electoral barrier does not particularly affect the composition and, most importantly, the quality of the work of parliament and the stability of the government, since the rules of elections to the kneset and the principles of government formation allow the authorities to regulate the participation of various political the country's forces in elections and government formation in other ways.

Keywords: *electoral barrier, elections, turnout, parties, opposition, coalition.*

«Основные законы государства Израиль» — это особые нормативные правовые акты, имеющие высшую юридическую силу, которые составляют основу будущей конституции Израиля. Из-за отсутствия консенсуса этот метод постепенного составления конституции государства был выбран еще Кнессетом I созыва для постепенного создания конституции. Так как до сих пор этот консенсус не достигнут, парламент продолжает принимать основные законы, регламентирующие деятельность высших государственных органов. На данный момент принято 16 «основных законов», одним из которых является закон о кнессете. На его базе принят «Закон о выборах в кнессет».

Законы о выборах в кнессет

«Закон о выборах в кнессет», принятый в новой трактовке в 1969 году, регулирует сегодня порядок проведения парламентских выборов в Израиле. Ответственным за осуществление его положений является министр внутренних дел Израиля.

Данный закон дополняет и завершает «Основной закон о кнессете», предоставляя подробные правила для осуществления указанных в нем прав, а также способы фактической реализации избирательной системы. В отличие от базового закона, «Закон о выборах в кнессет» включает в себя значимые практические положения, касающиеся результатов парламентских выборов: нормы об уровне электорального барьера, методике распределения мест для списков, участвовавших в выборах, и так далее существуют только в этом законе [1].

Закон о выборах может быть изменен простым большинством парламента. На протяжении многих лет в него были внесены десятки поправок и изменений, многие из которых были учтены при принятии новых формулировок Основного закона.

Право голосовать на выборах депутатов кнессета имеет каждый гражданин Израиля, достигший восемнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, когда суд лишает лицо такого права на основании закона.

Согласно закону о партиях от 1992 года, лишь партии, зарегистрированные легитимным образом, допускаются к участию на выборах и могут подавать в Центральную избирательную комиссию Израиля списки кандидатов

в депутаты для регистрации [2]. Процедура регистрации партий несложная: она включает в себя предоставление подписей не менее 100 учредителей и регистрационный взнос, который лишь в последние годы был резко увеличен (сегодня он составляет пару десятков тысяч долларов). В связи с этим почти на каждых выборах в парламент на регистрацию подаются от 30 до 40 партийных списков. При этом большая часть из них не только не приближается к электоральному барьеру, но и набирает от нескольких десятков до нескольких сотен голосов, чего не хватило бы даже для избрания депутатом в большинство муниципальных советов страны.

Члены кнессета (депутаты) избираются на основе пропорционального представительства: места распределяются между всеми партиями, за исключением партий, которые опускаются ниже избирательного барьера, определяемого законом. Избирательные бюллетени дают гражданам возможность выбора партий, а не отдельных кандидатов.

Партии составляют списки кандидатов в порядке предпочтения и по-разному формируют списки своих кандидатов в кнессет. В некоторых партиях списки кандидатов выбираются собранием политических активистов или всех членов партии на праймериз (к примеру партии «Ликуд», «Авода», «Мерец» или арабские списки). В других партиях (в частности, в ультраортодоксальных партиях ШАС, «Объединенный иудаизм Торы» и так называемой «русской» партии «Наш дом Израиль») есть небольшой комитет из духовных или политических лидеров, который выбирает список кандидатов. В партии «Еш Атид» и в большей части вновь созданных партий списки кандидатов составляет ее лидер. В связи с этим обычно избиратели делают свой выбор с оглядкой не на состав партии, а на личность ее руководителя. Видимо, поэтому к настоящему времени многие партии изменили свой способ составления списков кандидатов. Несмотря на официально заявленные декларации, главную роль здесь играет не форма отбора кандидатов, а мнение лидера, который, по сути, весь партийный список формирует «под себя».

Номинально выборы должны проводиться каждые четыре года, но кнессет или премьер-министр могут принять решение о назначении досрочных выборов. Так, за 75 лет существования Израиля выборы в парламент состоялись 25 раз, так как большая часть его каденций закончилась досрочно. Также при определенных обстоятельствах выборы могут быть отложены. Единственным примером задержки были выборы VIII созыва, которые были отложены на два месяца (из-за войны Судного дня) подавляющим большинством депутатов.

Интервал между выборами может составлять более четырех лет и до пяти лет, если предыдущие досрочные выборы были проведены ближе к концу еврейского месяца Хешван. По состоянию на 2024 год номинальный график соблюдался только четыре раза — в 1959, 1965, 1969 и 1988 годах,

при этом самый длительный интервал между выборами составлял 101 день за 4 года. Это произошло между выборами в 1984 и 1988 годах. Кнессеты XXI, XXII, XXIII созывов вообще продержались лишь несколько месяцев из-за невозможности организовать правительство. В результате за два года (04.2019–03.2021) прошло четыре избирательные кампании, прежде чем удалось сформировать правительство, номинально состоящее из двух премьер-министров (Н. Беннета и Я. Лапида). Однако уже через год оно было распущено и вновь состоялись досрочные выборы.

Формирование электорального барьера в Израиле

Электоральный барьер — механизм, который регулируется законом и устанавливает процент голосов, которые партия должна набрать для того, чтобы пройти в выборный орган страны.

Избирательный порог является неотъемлемым моментом системы пропорционального представительства. Даже если он не определен законом, на практике этот порог зависит от количества мест в парламенте. В Израиле это означает $1/20$ или 0,83 процента. Именно такая ситуация сложилась на первых всеобщих выборах в Израиле 25 января 1949 года. В тот момент при общей численности 506 567 избирателей и явке 85,8 процента для избрания в Кнессет I созыва хватило 3962 голосов. В выборах участвовало 20 партий, прошло лишь 12. Лидером тогда стала «Израильская рабочая партия» под управлением Давида Бен-Гуриона, набравшая 46 мандатов и сформировавшая правительство из четырех партий [3].

Перед выборами в Кнессет II созыва в 1951 году избирательный барьер был повышен до 1 процента и просуществовал почти 30 лет. За это время было избрано 12 парламентов, в которых почти постоянно присутствовали фракции из одного, двух или трех депутатов. В тот период в среднем в парламент избиралось от 10 до 15 партий (блоков). При этом почти две трети парламентских партий из-за своей малочисленности суммарно обладали лишь 20 процентами мандатов. За указанный отрезок времени численность избирателей возросла почти в три раза, однако явка избирателей почти всегда составляла около 80 процентов. При этом ни одна из партий ни разу не смогла набрать максимальное число в 61 мандат для единоличного управления парламентом. Максимум, что было достигнуто, это то, что на выборах VII созыва партия «Авода» получила 56 мандатов.

Из-за подобных обстоятельств всем партиям для формирования коалиции приходилось идти на компромисс с малочисленными партиями (фракциями). Это создавало постоянную нестабильность: за время действия однопроцентного электорального барьера было избрано 12 кнессетов и сменилось 24 правительства.

За весь рассматриваемый период в парламенте бытовала практика, когда для создания или удержания коалиции правящая партия переманивала депутатов из мелких партий. Даже появился термин «вонючий трюк», с помощью которого удавалось сохранить или свалить коалицию. Для борьбы с подобными явлениями был принят ряд законов, не позволяющий «перебежчикам» получать должности в течение каденции, и ужесточились правила выхода депутатов из фракций и участия «перебежчиков» в следующих выборах в составах других партий.

В дальнейшем «правящая» партия зачастую пыталась подменять данные законы под себя. Так, в сентябре 2021 года Кнессет XXIV созыва принял в третьем чтении поправку к закону о кнессете, получившую неофициальное название «антиликудовская» (партия «Ликуд» в тот момент находилась в оппозиции). Согласно поправке, четверо членов любой парламентской фракции могли отделиться и создать собственное представительство в парламенте. Ранее закон подобное допускал только в том случае, если количество «раскольников» составляло не менее трети от общего числа членов фракции. Эта поправка получила и другое неофициальное название — «закон о перебежчиках».

Но тогда это не помогло сохранить коалицию. Оказавшийся в оппозиции лидер партии «Ликуд» Б. Нетаньяху, удержав свою партию от раскола, сделал все, чтобы переманить двух депутатов из коалиции, а в итоге — свалить 36-е правительство двух уже названных премьер-министров — Беннета и Лапида.

В дальнейшем электоральный барьер повышался трижды. Перед выборами в Кнессет XIII созыва в 1992 году он был увеличен до 1,5 процента; перед выборами в Кнессет XVII созыва в 2006 году — до 2 процентов; а перед выборами в Кнессет XX созыва в 2015 году — до 3,25 процента. В итоге сегодня парламентская фракция с минимальным числом депутатов состоит из четырех человек.

Последнее увеличение электорального барьера связывают с именами двух политиков-лидеров партий — Б. Нетаньяху («Ликуд») и А. Либермана (НДИ). Они способствовали его увеличению, чтобы поставить заслон на пути в парламент арабским партиям. В тот момент в парламенте уже было три арабских партии, набравших в среднем от 2 до 3 процентов голосов; при этом они между собой конкурировали. Однако угроза «исчезновения» привела к тому, что они, образовав общий «Объединенный список», в 2015 году стали третьей по величине парламентской фракцией, получив 10,6 процента голосов и 13 мандатов.

В 2020 году парламентарии попытались «отыграть назад» и понизить электоральный барьер до 1,5 процента. Но, чтобы поправка к закону о выборах была одобрена в первом чтении, необходимо большинство в 61 голос, которого тогда не удалось добиться.

Влияние электорального барьера на работу парламента

Изначально считалось, что повышение электорального барьера приведет к уменьшению малых партий в парламенте, а коалиционная стабильность, соответственно, увеличится. Однако, как показало реальное положение дел, это привело к совершенно другому результату.

По статистике увеличение электорального барьера никак не отразилось на количестве парламентских партий, их число продолжало колебаться в районе от 10 до 15, но при этом силы ведущих партий значительно ослабли (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные по выборам в кнессет

Кнессет созыва	Каденция (дата выборов)	Всего избирателей	Рост %	Явка (%)	Потеряно голосов %	Барьер %	Фракций в кнессете	Каденция-правительство №
1	25.01.1949	506 567		85,8	4,42	0,83	12	1, 2
2	30.07.1951	924 885	83	74,3	0,64	1	15	3, 4, 5, 6
3	26.07.1955	1 057 609	14	80,7	2,42	1	12	7, 8
4	03.11.1959	1 218 724	15	79,5	3,44	1	12	9
5	15.08.1961	1 274 280	5	79,0	0,70	1	11	10, 11, 12
6	02.11.1965	1 499 988	18	80,4	1,70	1	13	13, 14,
7	28.10.1969	1 758 685	17	77,8	1,09	1	13	15
8	31.12.1973	2 037 478	16	76,9	4,84	1	10	16, 17
9	17.03.1977	2 236 293	10	78,2	2,69	1	13	18
10	30.06.1981	2 490 014	11	77,8	5,16	1	10	19, 20
11	23.07.1984	2 654 613	7	78,1	2,84	1	15	21, 22
12	01.11.1988	2 894 267	9	78,9	2,43	1	15	23, 24
13	23.07.1992	3 409 015	18	76,8	5,01	1,50	10	25, 26
14	29.05.1996	3 933 250	15	77,6	2,57	1,50	11	27
15	17.03.1999	4 285 428	9	77,2	5,96	1,50	15	28, 29
16	28.01.2003	4 720 075	10	66,7	4,18	1,50	13	30
17	28.03.2006	5 014 622	6	62,6	5,82	2	12	31
18	10.02.2009	5 278 985	5	63,9	3,08	2	12	32
19	22.01.2013	5 656 705	7	67,0	7,09	2	12	33
20	17.03.2015	5 881 696	4	71,6	4,50	3,25	10	34
21	09.04.2019	6 339 729	8	68,0	8,49	3,25	11	34
22	17.09.2019	6 394 030	1	69,4	2,86	3,25	9	34
23	02.03.2020	6 453 255	1	71,1	0,80	3,25	8	35
24	23.03.2021	6 578 084	2	67,0	1,47	3,25	13	36
25	01.11.2022	6 788 804	3	70,2	8,76	3,25	10	37

Если в период действия однопроцентного электорального барьера лидирующая партия набирала от 40 до 56 мандатов, то после его увеличения численность представителей «партии власти» стала резко уменьшаться (в частности, до 26 мандатов в 1999 году). В период действия 3,5-процентного барьера лидирующая партия (в основном это «Ликуд») набирала от 30 до 35 мандатов (график 1).

Потеря голосов из-за электорального барьера

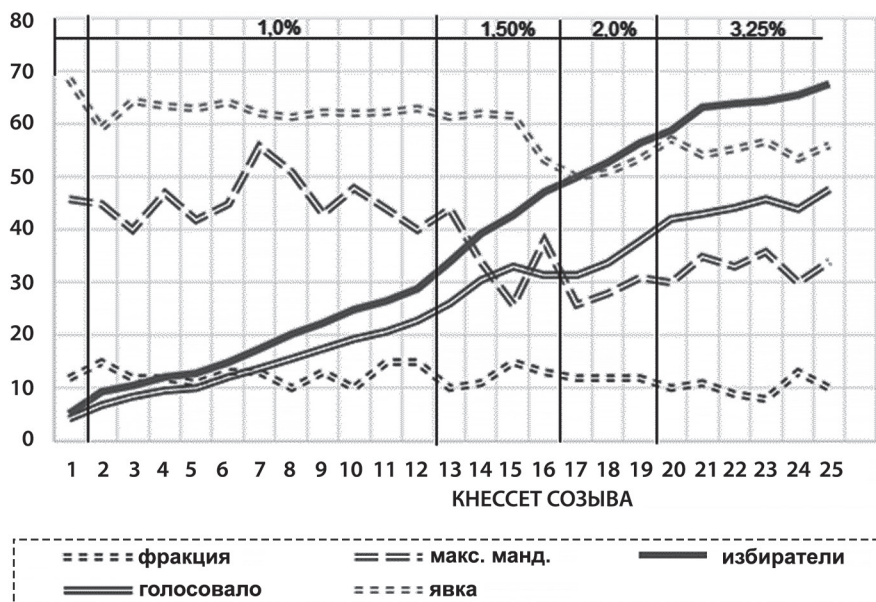
Как уже отмечалось, из-за более чем либерального подхода к формированию и регистрации политических организаций практически всякий раз за попадание в парламент конкурировали от 30 до 40 партий. При этом вне зависимости от величины электорального барьера его преодолевали в лучшем случае примерно половина из них. Голоса проигравших шли в «мусорную корзину» и не учитывались при распределении мандатов среди партий, прошедших в парламент. Численность «потерянных» голосов колебалась от 0,6 процента до 8,76 процента от общего числа проголосовавших и особо не зависела от уровня электорального барьера. Так, в период действия 1-процентного барьера разброс «потерянных» голосов составлял от 0,64 процента до 5,16 процента; в период 2-процентного барьера — от 3,7 до 8,5 процента; а при 3,25-процентном барьере — от 0,8 процента до 8,76 процента (табл. 1).

Самыми драматичными можно назвать выборы в XXI и XXV созывы, когда электоральный барьер не давался «старожилам» парламента. В 2019 году его не сумели преодолеть «Новые правые» во главе с Н. Беннетом, получившие лишь 3,22 процента голосов избирателей, а так же партии «Зеут» (2,73%) и «Гешер» (1,73%). Здесь нужно отметить, что на выборах в Кнессет XIV созыва партия Беннета набрала лишь 7 мандатов, но и с этим показателем ему удалось стать премьер-министром страны. Это еще раз подчеркивает роль малых партий при формировании правительства Израиля.

На выборах 2022 года не прошли барьер партии «Мерец» (3,16%) и «Баллад» (2,91%). Суммарно голоса этих партий могли дать не менее 7 мандатов. Однако эти потери были связаны в основном с внутренними проблемами в партиях и скандалами, в которые были вовлечены их лидеры. При этом как явка и рост избирательного корпуса, так и повышение электорального барьера особо не повлияли на численность парламентских фракций (табл. 1 и график 1).

За весь исследуемый период только 4 раза численность партий, прошедших в кнессет, снижалось до 10; и лишь в период двухлетней нестабильности, когда кнессеты XXII и XXIII созывов не смогли избрать правительство, — их численность упала до 8–9 партий. Возможно, все партии и политики учли уроки выборов XXI созыва, когда ряд партий с парламентским «стажем»

ВЛИЯНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО БАРЬЕРА
НА ДИНАМИКУ ВЫБОРОВ

не прошли электоральный барьер. В итоге из 8 партий, прошедших в парламент, четыре шли объединенными списками от двух-трех партий. Так же было и на выборах XXIII созыва, когда в 3 фракции объединилось 8 партий. Но, оказавшись в парламенте, все они снова распределились на малые партии с собственным «интересом», что сильно сказывалось на стабильности законодательного органа.

Однако уже в Кнессет XXIV созыва было избрано 13 фракций, а через год в парламент прошло 10 фракций. При этом практически каждый раз часть фракций состояла лишь из 4, 5 или 6 депутатов. Из-за этого почти весь период существования кнессета именно малые партии «диктовали» условия по формированию коалиций, а точнее, «торговались» за дивиденды и основные направления деятельности формируемого правительства.

Роль малых партий при формировании правительства

На выборах в Кнессет XXIV созыва в марте 2021 года была сформирована левоцентристская коалиция из 8 партий с минимальным преимуществом в один мандат, и это благодаря тому, что, во-первых, впервые в истории страны в коалицию вошел «Объединенный арабский список» (4 мандата) и, во-вторых, при голосовании один депутат воздержался. В результате правительство было утверждено голосованием 60 против 59. При этом, как

уже говорилось выше, премьер-министром страны стал лидер четвертой по величине партии «Ямина» Н. Беннет, получивший на выборах всего 7 мандатов. Беннета поддержал лидер партии «Еш Атид» Лапид, получивший 17 мандатов, но уступивший лидерство ради свержения правительства Нетаньяху. Благодаря такой комбинации партия «Ликуд» с 30 мандатами оказалась в оппозиции.

Однако, через год правительство пало из-за «перебежчиков», которых «переманил» Ликуд. После проведения очередных досрочных выборов в Кнессет XXV созыва в ноябре 2022 года Б. Нетаньяху вновь стал премьер-министром, сформировав ультраправую коалицию из 4 фракций (состоящих из 7 партий) с 64 мандатами. При этом 32 депутата коалиции относятся к группе ультрарелигиозных деятелей, а это привело к тому, что правительство Нетаньяху стало заложником интересов лишь одной общины с очень специфическим взглядом на жизнь и потребительским отношением к светской общине.

В заключение

Рост электорального барьера никак не повлиял на стабильность правительства. В период действия однопроцентного электорального барьера (в течение 40 лет) только 4 из 12 каденций кнессета отработали полный срок, и это — при постоянных сменах состава правительства, который менялся 8 раз. В остальные 30 лет при постоянном росте электорального барьера выборы в парламент проводились 13 раз; за это время ни одна из каденций не отработала полный срок; а три кнессета подряд (XXI, XXII, XXIII созывов) вообще не смогли сформировать правительство и были распущены не начав свою работу.

Основная цель введения повышенного электорального барьера — уменьшение числа малых партий и усиление ведущих партий — так и не была достигнута. В то же время, как показали последние каденции кнессета, именно от роли малых партий зависит продолжительность работы правительства.

Возможно, увеличение электорального барьера до 5 процентов и даст подобный результат, но практически все коалиции формируются из малых партий, которые с трудом преодолевают нынешний барьер. Поэтому маловероятно, что в ближайшей перспективе он может быть повышен.

Нельзя отрицать, что электоральный барьер выступает своего рода защитой от чрезмерного дробления любого выборного органа. В то же время нынешняя политическая система Израиля — одна из наиболее представительных среди демократических государств: многие социальные слои страны представлены в парламенте.

Как уже отмечалось, израильский избиратель больше настроен на лидера партии, чем на ее список и идеологию. Но именно лидер партии и является

представителем определенной (хоть и зачастую весьма размытой) идеологии, что позволяет ему иметь гибкую позицию в правительстве, основанную либо на решении проблем электората, либо на вопросах собственной выживаемости. По мнению Гейл Тальшир из Еврейского университета в Иерусалиме, «в демократии мы заинтересованы в идеологическом соперничестве, но в Израиле этого часто не происходит. Электоральный барьер по сути своей поощряет личностный подход, а не идеологический» [4]. «Те, кто ратует за средний и высокий электоральный барьер, делают акцент на возможности управлять и на государственной стабильности, — объясняет исследователь израильского Института демократии Офер Кениг, — те, для кого важно представительство широких слоев населения в органах власти, являются сторонниками более низкого электорального порога» [4].

* * *

Небольшая ремарка. Избирательная система Нидерландов гарантирует всем партиям, прошедшим барьер в 0,67 процента, хотя бы одно место в парламенте. Возможно ей важнее представительство различных слоев населения в парламенте, чем способность правительства управлять, ведь оно, как правило, всегда коалиционное. В Новой Зеландии, Латвии и Швеции электоральный барьер составляет 3 процента; в России, Казахстане, Латвии — 5 процентов, в Турции 7 процентов (ранее бывало и 10 процентов). Однако критика западных идеологов о недемократичности высоких электоральных барьеров зачастую звучит более чем выборочно.

В 2007 году ПАСЕ рекомендовала устанавливать процентный барьер для парламентских выборов на уровне не выше 3 процентов [5]. Тем не менее установленный в Латвии для парламентских выборов 5-процентный барьер был признан правомерным и якобы отвечающим Европейской конвенции о правах человека и решениям ЕСПЧ в 2007 года.

Конечно, можно спорить об оптимальном уровне избирательного барьера. Каждый процент выше или ниже имеет свои преимущества и недостатки. Слишком высокий порог, скорее всего, лишит меньшинства представительства в парламенте; слишком низкий — способствует крайней политической фрагментации, что негативно сказывается на работе парламента и стабильности, а также способствует социальной дезинтеграции. При этом вопрос о том, стоит ли стремиться к полной отмене всех электоральных барьеров, возрастных цензов и гендерных квот, зависит от разных точек зрения и подходов к демократии.

Защитники политической свободы аргументируют свою позицию тем, что чем меньше ограничений для участия в политической жизни, тем более свободной и демократичной будет система. Они подчеркивают важность предоставления равных возможностей всем гражданам и свободного

выражения их воли через выборы. Хотя как показывает практика, многообразие и раздробленность парламента ведет к нестабильности и однобокости в принимаемых решениях, — то, что делается в угоду меньшинства, служит нахождению во власти большинства.

В то же время защитники «стабильности» поддерживают электоральные барьеры и другие ограничения как меры, способствующие устойчивости политической системы. Они опасаются дробления политических сил, непродуктивных коалиций и других подобных проблем, способствующих политическому разложению. Однако излишняя укрупненность партийных организаций и малопартийность не всегда говорят о стабильности. При американской системе государственного управления с двумя партиями чуть ли не главным инструментом политической деятельности выступают интриги и всякого рода договоренности. Но о какой стабильности тут можно говорить, если при этой системе правительство регулярно сталкивается с дефолтом и «решает» свои проблемы лишь благодаря партийной дисциплине.

Аргументы в пользу отмены различных цензов или электоральных барьеров могут основываться на принципе социальной справедливости, на стремлении предоставить равные возможности всем гражданам. Однако важно учесть, что каждое общество само решает, какие меры соответствуют его уникальным условиям и ценностям. И не стоит забывать, что в основе государственного управления лежит идея монополии на применение легитимного принуждения граждан выполнять ряд обязательств перед государством. Так что баланс между свободой и стабильностью, инклюзивностью и эффективностью является сложным вопросом, соответственно, и мнения на этот счет могут значительно различаться. При том практика показывает, что мнение народа в данном случае — это последнее, что учитывают партии, прошедшие в законодательные органы, так как после избрания у них возникает вопрос, как удержать достигнутую власть, а это уже задача совершенно другого рода и содержания.

Оптимальный электоральный барьер зависит от конкретных обстоятельств каждой страны, ее политических традиций и целей. Важно найти баланс между стабильностью и конкуренцией, обеспечивая при этом представительство и уважение к демократическим принципам. Однако это явно не относится к современному Израилю, правительство которого вот уже несколько каденций просто желает «выжить», несмотря на ситуацию в стране, регионе и мире.

Список литературы

1. Система выборов в кнессет на официальном сайте кнессета [Электронный ресурс]. URL: <https://main.knesset.gov.il/mk/elections/Pages/default.aspx> (дата обращения: 05.02.2024).

2. Закон о партиях от 1992 года, а так же закон о финансировании партии от 1973 года [Электронный ресурс]. URL: https://he.wikisource.org/wiki/תגלפתמה_קווק (дата обращения: 05.02.2024).
3. Итоги выборов в кнессет [Электронный ресурс]. URL: <https://main.knesset.gov.il/About/History/Pages/KnessetHistory.aspx?kns=5> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Политический ликбез: как Нетаньяху и Либерман подняли электоральный барьер в Израиле и почему // Вести. 09.02.21 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesty.co.il/main/article/ryVJagg11O> (дата обращения: 05.02.2024).
5. Парламентская ассамблея. Резолюция 1547 (2007) «О состоянии прав человека и демократии в Европе» [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2007%5d/%5bApr2007%5d/Res1547_rus.asp#TopOfPage (дата обращения: 05.02.2024).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

***Аннотация.** Партийная система во многих странах Южной Америки регулируется таким образом, что в ней отсутствует систематически организованная политическая оппозиция, как это имеет место в Европе. Поражение политической партии на выборах обычно приводит к ее уходу с политической арены. Партийная система является важным аспектом политической системы и правовой культуры каждой исследуемой страны и может сильно варьироваться в зависимости от культурных, исторических и институциональных условий. Особый интерес к специфике правового регулирования института партийных систем в Южной Америке вызван тем, что несмотря на высокий уровень экономического и индустриального развития рассматриваемого региона в целом, правовая культура граждан в партийной жизни имеет свои особенности и пробелы в сравнении со странами Северной Америки и, в частности, — с США.*

***Ключевые слова:** Бразилия, Венесуэла, сравнительное правоведение, партийная система, партология, Перу, политические партии, Чили, Южная Америка.*

LEGAL REGULATION OF PARTY SYSTEMS IN SOUTH AMERICAN COUNTRIES

***Abstract.** The party system in many South American countries is regulated in such a way that there is no systematically organized political opposition in the party system, as is the case in Europe. The defeat of a political party in elections usually leads to its withdrawal from the political arena. The party system is an important aspect of the political system and legal culture of each country studied and can vary greatly depending on the cultural, historical, and institutional conditions within it. Of particular interest in the peculiarities of the legal regulation of the institution of party systems in South America is that despite the high level of economic and industrial development of the region under consideration, the legal culture of citizens in party life has its own characteristics and gaps in comparison with the countries of North America and compared to the USA.*

***Keywords:** Brazil, Venezuela, comparative law, party system, partology, Peru, political parties, Chile, South America.*

Партии являются политическими институтами, представляющими политическую структуру общества и отношения с другими элементами политической системы. Наука, изучающая партии и партийные системы, — партология, ставит своей целью изучение вопросов распределения власти,

типов партий и степени монополизации власти, а также правовых традиций и обычаев разных народов в сфере партийного представительства. Это позволяет получить полноценное представление о политических процессах в государстве и обществе.

Под партийной системой понимается нормативная и политико-правовая система отношений членов и органов управления внутри политических партий, взаимодействия политических партий друг с другом, государством и избирателями в процессе борьбы за политическую власть, а также управления страной на основе конкурентности, равенства и законности. Правовое регулирование партийных систем в различных правовых семьях стран мира различается в зависимости от уровня демократичности общественного и конституционного строя соответствующей страны.

Правовое регулирование партийных систем в странах Южной Америки различается в зависимости от каждой отдельной страны. При общей характеристике следует отметить, что большинство стран Южной Америки имеют мультипартийные системы, то есть в них существует несколько политических партий с различными идеологиями и программами.

В Латинской Америке результаты выборов свидетельствуют о недоверии к передаче политического лидерства одной партии или коалиции, что усложняет и без того трудную задачу создания политического большинства. Регион требует восстановления национальных социальных пактов, которые могли бы обеспечить общественную стабильность и расширить возможности для демократического управления. Однако расколы и поляризация политических воззрений в большинстве стран региона затрудняют работу правительства и сужают возможности власти по созданию условий для осуществления прав граждан и эффективного политического, экономического и социального функционирования общества.

В Южной Америке не существует единой модели функционирования политической системы. Степень стабильности демократии и ее возможностей по управлению страной зависит от каждого конкретного случая. В то же время степень правовой интеграции стран всего континента достаточно высока, что является следствием общности языка, колониальной истории и боливарианского движения, придающим общие черты партийным системам большинства стран Южной Америки [1]. Для большинства конституций латиноамериканских стран характерно отсутствие специального раздела о политических партиях (имеются и исключения: конституции Бразилии 1988 г., Чили 1980 г. и др.).

В странах региона основные правовые нормы, регулирующие правовое положение политических партий, их права, запреты и ограничения, связанные с деятельностью политических партий, место политических партий в исполнительной и законодательной ветвях власти, положения о порядке регистрации политических партий, их роли в формировании избирательных комиссий, порядке финансирования и отчетности политических партий

закрепляются в конституциях. Часть норм имеет отсылочный характер к национальному законодательству, которое конкретизирует те или иные конституционные нормы. Так, именно закон определяет порядок доступа политических партий к СМИ в пропорциональном порядке к результатам последних общих выборов в Перу, о чем есть отсылка в конституции страны¹.

Партии играют важную роль в демократических системах, представляют интересы граждан и формируют политическую волю населения. Они предлагают различные идеологии, программы, соревнуясь за голоса избирателей на выборах и участвуя в политическом процессе. Но несмотря на мультипартийность, в странах Южной Америки нередко существуют доминирующие партии, которые удерживают власть или имеют значительное влияние на политические процессы. Это может быть связано с историческими или социокультурными факторами, а также с конкретными политическими условиями в каждой стране.

* * *

Рассмотрим партийные системы стран Южной Америки более детально на примере Чили и Бразилии, которые имеют следующие сходства и отличия.

Бразилия характеризуется высокой степенью многопартийности и имеет одну из самых разнообразных и многочисленных партийных систем в Южной Америке. В стране функционирует около 30 зарегистрированных политических партий. При широком спектре политических партий некоторые из них занимают доминирующее положение. Например, «Рабочая партия» (Partido dos Trabalhadores, PT) и Бразильская демократическая партия (Partido Democrático Trabalhista, PDT) имеют значительное влияние на политическую сферу деятельности. В самой многочисленной на настоящий момент партии «Бразильское демократическое движение» (Movimento Democrático Brasileiro, MDB) состоит более 2 миллионов граждан [2].

Бразильские политические партии, в силу многочисленности и фракционности, а также высокой степени дробления политического спектра, часто формируют коалиции и альянсы, чтобы увеличить свои шансы на победу в выборах и формирование правительства.

Финансирование политических партий и выборных кампаний является значимым вопросом в Бразилии и одним из материальных факторов влияния на партийную систему и в итоге — формирование Национального конгресса. Существуют ограничения на пожертвования как от физических, так и от юридических лиц из-за рубежа², а также регулярный мониторинг

¹ Абз. 2 ст. 35 Конституции Перу // Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. Часть 3. Америка. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1606 с. С. 650.

² Ч. II ст. 17. Конституции Бразилии // Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. Часть 3. Америка. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1606 с. С. 389.

финансовых операций партий как встречной обязанности политической партии к ее праву на государственное финансирование³.

Чили долгое время характеризовалась двухпартийной системой с двумя основными партийными коалициями — консерваторами и социалистами. Однако в последние годы партийная система стала более многообразной и сложной. На настоящий момент в стране действует двадцать пять политических партий и еще около пятнадцати партий находится в разной стадии формирования [3].

Здесь наблюдается мощное движение за конституционную реформу, вызванное недовольством многих граждан текущей политической системой. Это может привести к изменению структуры партийной системы и всей политической системы. Разработанный проект конституции определяет Чили как многонациональное, демократическое, межкультурное, децентрализованное и экологическое государство. Здесь коренным народам предоставляется широкая автономия и возможность осуществления собственного правосудия. Проект новой конституции подвергается «острой критике за то, что она была слишком длинной, слишком левой и слишком радикальной» [4].

В стране существует практика образования партийных блоков — нередко несколько партий объединяются для достижения общих политических целей. Всеобщие выборы продемонстрировали абсолютное поражение традиционных партийных коалиций как левого, так и правого центра, высокий уровень социальных ожиданий и надежд, связанных с кардинальным изменением неolibеральных основ модели развития [5, с. 101–102]. В последние годы в Чили происходит увеличение числа независимых кандидатов, не принадлежащих к политическим партиям, которые популярны у избирателей и часто выступают с альтернативными идеями.

* * *

Политические партии в Перу и Венесуэле имеют свои особенности, которые можно охарактеризовать как множественные, слабо организованные и склонные к образованию коалиций.

Разнообразием политических партий *Перу* не отличается от большинства стран региона. В последние десятилетия политическая сфера здесь была раздроблена на множество партий, большинство из которых относительно небольшие и обладают локальным влиянием. На настоящий момент в Конгрессе Перу имеется правящая коалиция из пяти политических партий и восьми оппозиционных партий, не считая независимых депутатов. При этом доля оппозиции сопоставима с числом правящей коалиции.

Многие политические партии Перу имеют слабую структуру и плохо разработанные программы. Частично это объясняется отсутствием стабильности

³ Там же. § 3 ст. 17.

политической системы и частой сменой лидеров. Здесь политические партии нередко создают коалиции перед выборами или для формирования правительства в связи с необходимостью объединения сил для достижения политической стабильности в условиях фрагментированного парламента.

Конституционное регулирование партийной системы в *Венесуэле* достаточно слабо: нормы конституции, направленные на правовое регулирование политических партий, касаются в основном запрета на членство в политических партиях судьям, омбудсменам, прокурорам, налоговым инспекторам⁴ и запрет на вмешательство политических партий в образовательную систему⁵.

В этой стране долгое время доминирует Объединенная социалистическая партия (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*), которая возглавлялась Уго Чавесом, а после его смерти по настоящее время — президентом Венесуэлы Николасом Мадуро. PSUV контролирует большую часть ключевых институтов в стране [6].

В отличие от доминирующей партии оппозиция довольно фрагментирована. Существуют различные оппозиционные силы, партии и лидеры, которые борются за власть. Это усложняет достижение единого оппозиционного фронта. При этом конституция страны не предполагает существования реальных гарантий для многопартийности, либо защиты прав оппозиции. Несмотря на сильные позиции Объединенной социалистической партии как в административном, так и в политическом поле, южноамериканские традиции политической конфронтации и партийной фракционности достаточно сильны, что фактически поддерживает политический плюрализм.

* * *

Политические партии продолжают играть важную роль в формировании политической сцены Южной Америки, но тенденции стран на развитие мультипартийности и формы однопартийности могут различаться.

В регионе имеется реальная мультипартийная система. Практически в каждом из государств функционирует несколько политических партий, конкурирующих за власть и реализацию своих программ. Некоторые страны отличаются наличием доминирующих партий, обладающих значительным влиянием на политическую систему.

Во многих странах Южной Америки создание коалиций — распространенная практика, особенно при формировании правительства. Политические партии объединяются в блоки, чтобы добиться большинства в парламенте, создавать коалиционное правительство и оказаться ближе к управлению страной.

⁴ Абз. 1 ст. 256 Конституции Боливарианской Республики Венесуэла // Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. Часть 3. Америка. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1606 с. С. 488.

⁵ Абз. 2 ст. 104 Конституции Боливарианской Республики Венесуэла // Указ. соч. С. 473.

Южноамериканские партийные системы в целом отличаются высоким уровнем политического плюрализма. Здесь партии придерживаются различных идеологий и программ, представляя разные интересы и группы населения. Во многих странах региона на конституционном уровне регулируется финансирование и избирательные кампании партий, чтобы гарантировать прозрачность деятельности и предотвратить коррупцию. В конституциях Аргентины⁶, Колумбии⁷, Суринамы⁸ и Чили⁹ предусмотрена обязанность политических партий обеспечивать открытость финансовой деятельности.

В ряде стран Америки у независимых кандидатов есть возможность участвовать в выборах без привязки к политическим партиям¹⁰. Важно отметить, что эти характеристики могут варьироваться от страны к стране и изменяться в течение времени в зависимости от политических и социальных условий.

Список литературы

1. Богатырев В.В. Глобализация права: дис. ... док. юрид. наук. Владимир, 2012.
2. Partidos políticos registrados no TSE // Tribunal Superior Eleitoral: электрон. дан. URL: <https://www.tse.jus.br/partidos/partidos-registrados-no-tse> (дата обращения: 21.01.2024).
3. Partidos constituidos // Servicio Electoral de Chile: электрон. дан. URL: <https://www.servel.cl/partidos-politicos/partidos-constituidos/> (дата обращения: 21.01.2024).
4. Chilean voters decisively reject leftist constitution // Washington Post. 5 September 2022: электрон. дан. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/04/chile-votes-constitution-referendum/> (дата обращения: 21.01.2024).
5. Шмачкова Т.В. Мир политических партий // Полис. 2022. № 1, 2.
6. Regionales en Venezuela: la abstención marca unas elecciones que evidencian la crisis de la oposición y confirman el poder del chavismo // BBC News Mundo.: электрон.дан. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-59370013> (дата обращения: 21.01.2024).

⁶ Абз. 4 ст. 38 Конституции Аргентинской Республики // Указ. соч. С. 311.

⁷ Абз. 7 ст. 109 Конституции Республики Колумбия // Указ. соч. С. 560.

⁸ П. е) ч. 3 ст. 53 Конституции Республики Суринам // Указ. соч. С. 679.

⁹ Абз. 5 ст. 15 Конституции Республики Чили // Указ. соч. С. 738.

¹⁰ См., например, абз. 1 ст. 18 Конституции Республики Чили // Указ. соч. С. 735.

ВРЕМЯ ВЫБИРАТЬ (к методологии анализа концепции нового витка социального развития)

Аннотация. Современное развитие человечества жестко привязано к двум факторам: реальным трансформационным процессам социума и их отражениям в представлениях исследователей, политиков и экономистов. Также имеется два трансформационных процесса объективной и субъективной реальностей. Соответственно — два мировоззрения и, по экспоненте, два доктринальных концепта. Описание процесса социальной трансформации и его следствий, отраженных в научных описаниях и входящих в социальную практику, и составляет предметную сторону данной статьи.

Главный фактор заключается в сознательном выборе гражданской и исследовательской позиции, исходя из объективной стороны реальности и необходимости в границах суверенности государственного развития защиты социально-экономических интересов суверена, — российского народа.

Ключевые слова: социальная трансформация, способ производства, социально-экономическая формация, индустриализм, цивилизация, труд, капитал.

IT'S TIME TO CHOOSE (on the methodology for analyzing the concept of a new round social development)

Abstract. The modern development of humanity today is rigidly tied to two factors: the real transformation processes of society and the reflection of this process in the ideas of researchers, politicians, and economists. We have two transformational processes, objective, and subjective realities. Accordingly, there are two worldviews and exponentially two doctrinal concepts.

The description of the process of social transformation and its consequences, reflected in scientific descriptions and included in social practice, forms the subject side of the article. The main factor lies in the conscious choice of a civic and research position, based on the objective side of reality and the need to protect the socio-economic interests of the sovereign, the Russian people, within the boundaries of the sovereignty of state development.

Keywords: social transformation, mode of production, socio-economic formation, industrialism, civilization, labor, capital.

Есть времена и времена. В одни из них люди выстраивают систему отношений, исходя из сложившихся традиций, руководствуясь при этом имеющимися духовными устоями, в другие — создают эти самые ценности и определяющуюся ими всю полную систему общественных отношений.

Вопросы, происходящие в отмеченных исторических форматах и социальных контекстах традиционного и индустриального обществ, давно изучены. Существовало и существует несколько подходов, которые устоялись и заняли свою нишу в архиве, хотя и действующем, но соответствующих отраслей знания. Центральное место во всех позиционируемых чертежах конструкции социума занимает вопрос о власти; или в ином измерении — о ее пропорциональности в системах гражданского и политического строя, — двух сторон любого общественного устройства.

Однако время от времени и особенно в периоды, связанные с частичной или кардинальной ломкой системы общественных отношений и фрустрации общественного сознания, каждый раз проблема государства и пропорций взаимодействия политического и социального ресурсов появляется на поверхности систем правового и социального знания и ставит многоточие там, где большинство исследователей уже поставило точку.

В данном случае, когда мы имеем дело с современностью, а точнее, с постсовременностью, если иметь в виду закономерности истории и тренды планетарного глобального развития, историю и этимологию как событийного, так и категориального рядов можно пропустить. В том, что человечество вступило в переходный период, сейчас мало кто сомневается. Об этом свидетельствуют три главных параметра исторической динамики: скорость перемен, их глубина и географические масштабы [1, с. 338].

Стремительно и болезненно, в обстановке острейшего кризиса, который не обошел ни одной стороны жизни общества, меняется все привычное, устоявшееся, и в муках рождается новое общество [2, с. 11–27]. Понятно, что эти перемены вышли далеко за рамки, говоря на языке теории сложных систем, текущих флуктуаций и среднесрочных циклов, которые с постоянной регулярностью потрясают страны и континенты. И, таким образом, переживаемый исторический период характеризуется рядом качественных особенностей.

Во-первых, технические (индустриальные) технологии, сложившиеся в качестве основ современных обществ, независимо от их социального статуса и идеологической направленности, позволяют говорить об их типиковости. Политические системы развитых стран уже ощущают на себе давление вызова со стороны окружающей среды; сейчас активно протекает стадия конверсии, но — и это факт — выход из данного состояния системы в ответ на вызов будет по своему характеру инновационным, по содержанию — революционным, по форме — примет вид цивилизационного сдвига.

Во-вторых, фактически всё XX столетие является конверсией по отношению к требованию привести в соответствие объективные основания

общественных систем с конкретными формами социально-экономической структуры и политической организации конкретных социальных общностей. Речь идет о том, что подходит к концу, завершается второй большой цикл развития человеческого сообщества; цикл, основными формами проявления которого являлись отчужденные, превращенные формы человеческого бытия [3, с. 212].

С этих позиций отчетливо видна конвергентность формационных признаков развития мировых цивилизаций, различных, доходящих иногда на фоне человеческой истории, в видимости, до антагонизма, и форм политического процесса. Следовательно, если поставить вопрос о возможности цивилизационных сдвигов в современных конкретно-исторических условиях, то ответ на него будет положительным. Его действительное содержание заключается уже не столько в том, происходят ли они на самом деле, сколько в том, какие конкретные формы их проявления принимают в общественной практике, и кто в качестве исторического лидера поведет мировое сообщество к действительной реализации общечеловеческих идеалов.

История практически определила весь этот набор путей и форм общественного движения: развитие, стагнация, движение по кругу. Поскольку в любом из представимых сценариев реальная история творится здесь и сейчас — именно в современном строе жизнедеятельности и мышления, то нас будет интересовать только первая составляющая арсенала социального движения — развитие.

Начальной и конечной фазе процесса структурного цикла соответствует период фазового перехода. Интересно остановить свое внимание на его характерных чертах.

Это — присутствие внешнего воздействия или предельного внутреннего антагонизма, хаотическое движение элементов и их множеств, включение механизмов действия законов системы более высокого уровня структурной организации, элементом которой является вся изменяющаяся система, наличие точки бифуркации, признаком которой выступает определяющее воздействие именно внешней системы, при параличе внутренней «свободы выбора» элементов ядра. Причем, что представляется бесспорным, действие законов более сложной системы в границах данной системы проявляется через структуру и функции последней — самой эквипотенциальной системы. Таким образом, весь фазовый переход представляет собой цикл от проявления первичного возмущения, через его нейтрализацию в прежнем или новом равновесии, до проявления действия волны нового возмущения.

Уникальность этого процесса в человеческих сообществах заключается в том, что объективные законы природы и общества, отражаясь в мировоззрении людей, также отражают либо прошлое, либо будущее.

В первом случае зоной притяжения становится целеполагание из прошлого в образе «золотого века»; во втором — аттрактор формируется полем Великой утопии, говоря современным языком, ядром формирования

наличного бытия системы более высокого уровня структурной организации, не «проходящей» барьер научного осознания, но содержащей в своем информационном поле принципы и начала той новой системы, процесс развертывания которой в качестве логического и станет содержанием реального исторического процесса переходного периода.

В случае социального развития вполне правомерно говорить о том, что они проявляются именно и только через деятельность людей, причем вне прямой зависимости от того, осознанный характер имеет деятельность или нет. Разделение общественного труда и отношение к собственности превращают хаос индивидуальных устремлений переходного периода в структуру групповых интересов, стремящихся к полюсам притяжения как борющихся между собой сторон социального противоречия, вызвавшего к жизни кризис системы, так и к ядрам структур основания, которые определяют содержание и характер новой системы.

Положение усугубляется тем, что, наряду с борьбой отмеченных общих законов в процессе перехода, наблюдается умножение противоречий действия законов функционирования данной системы и ее подсистем, таких, как экономическая, социальная, политическая. Затрагивая самые существенные интересы групп, они приобретают идеологический характер, который в отличие от естественных природных процессов может принимать форму абсолютного антагонизма.

Мы говорим о предельно абсолютизированных формах института государства. Фактом, достойным серьезного научного исследования, выступает не его форма или проявления, а то, что формы государства, стремящиеся к предельной абсолютизации, появляются силой исторического закона в строго определенное историческое время. Таким временем является переходный период. В качестве достоверного эмпирического обобщения можно утверждать, что начало и конец любой конкретной формы социальной общности совпадают с появлением абсолютного государства¹.

В общем случае представляется возможным зафиксировать, что такие феномены социальной практики, как тоталитаризм, закрытое общество или абсолютизм, не являются субъективным произволом личности или идеологии, — это факты, свидетельствующие о вхождении данной системы в границы переходного периода². В исторической практике данное предположение под-

¹ Конечно, применение положений данного эмпирического обобщения выходит далеко за пределы конкретных социальных форм. Но мы выделили в качестве основного предмета изучения в данной работе социум, что оправдывает сужение поля исследования. На проблему вселенской церкви и государства куколки обратил внимание уже А. Дж. Тойнби, а роль мировых религий и империй исследованы К. Ясперсом и Л.Н. Гумилевым. Но границы рассмотрения первого автора предельно широки, а исследовательская позиция остальных ограничена конкретными уровнями структурной организации. Современное состояние научного знания позволяет свести их представления в единую систему и расширить философское понимание происходящих в социуме процессов до действительного синтеза знания.

² Скорее, наоборот, те формы и размеры, которые проявляются в «злой воле», могут указывать на степень соответствия субъективных предпочтений человеческого выбора с объективным вектором направления процесса перемен, происходящих в социуме.

тверждается процессами становления и распада «мировых империй» на цивилизационном уровне, образованием и исчезновением идеократий Древнего Египта, абсолютных монархий границы Средних веков и Нового времени, наличием идеологических и теократических государств в современности.

Всеобщий характер процесса качественных перемен, который охватил сегодня весь ареал индустриальных цивилизаций, подтверждается появлением идеологических государств, как в либеральных системах, так и в плановых обществах советского типа. Проблема не в содержании идеологии, а в том, что современный мир вошел в полосу перехода к иному уровню структурной организации³.

В нашем обширном и разнообразном мире в действительности нет ничего случайного. Как бы ни претендовали отдельные вероучения и методологии на историческую пальму первенства, но система отсчета современного мира идет от Рождества Христова. Поразительно, но с нашей точки зрения это представляется абсолютно верным, и вот почему.

Мы уже выделяли в качестве основополагающих моментов становления цивилизации или формации, как одного из ее структурных уровней, утопию и государство. К ним необходимо теперь добавить и такое понятие, как «азиатский способ производства», то есть, на самом деле, внеэкономический метод ведения хозяйства, основанный на силе власти государства, а не корпоративной силе суммарного вектора экономического интереса гражданского общества. И тогда именно три этих составляющих — Великая утопия, абсолютное государство и внеэкономическое принуждение — предстают перед нами в качестве главных параметров и индикативных признаков наличия переходного периода.

Мы утверждаем, что в качестве информационной матрицы процесса глобального перехода от доиндустриальных сообществ к постиндустриальному структурному уровню единого человечества в реальности выступает Великая утопия христианства. Так же как она определила всё духовное и нравственное содержание индустриальной цивилизации, точно также нарастающая степень девиантности социальной практики и нравственно-духовных начал

³ В данном контексте интересно то, что, если взглянуть на историю индустриальной цивилизации, особенно на период формирования ее высшей общественно-экономической формации — классического капитализма, становится предельно ясно, что определить генеральную линию процесса перемен, вектор структурных преобразований не составляет большого труда. Пульсация перемен начинается с распада абсолютизма, когда сформировался капитализм. Т. Мор, Т. Кампанелла сумели уловить ее тенденции. К. Маркс сформировал научные основы Великой утопии, США и СССР выступили пионерами новой социальной практики. Собственно говоря, ленинский план построения социализма и новый курс Ф.Д. Рузвельта в идеологии представляют собой действие принципа дополнительности, а на практике являются двумя вариантами развертывания логики именно переходного периода. Подчеркнем, что не процесса складывания принципиально иного структурного уровня, а создания условий для возможности его осуществления. От того, насколько глубоко может быть осознано данное обстоятельство, зависит будущее, точнее, его конкретные варианты. Ибо, к сожалению, цикличность истории позволяет иметь в виду, что иное будущее легко обратимо в прошлое. Причем с реальной возможностью того, что на новой исторической сцене появятся новые участники.

христианства свидетельствует об исчерпанности ресурсов индустриализма как способа их реализации.

Великой утопией перехода от докапиталистических формаций к коммунистическим принципам стала — соответственно уровню развития социума в форме науки — марксистская теория исторического материализма. И аналогично первому процессу отклоняющая социальная практика свидетельствует не о крахе марксизма как мировоззрения, а об исчерпанности возможностей той формы структурной организации, которая в современных условиях выступает ее материальной оболочкой.

Речь о том, что и транснациональный корпоративный империализм США и абсолютная власть государственно-социалистического монополизма в СССР не могут, в силу господства завершенных структур кооперации труда при подавлении импульса к его разделению, обеспечить полноправное развитие действия новых оснований общественной жизнедеятельности. Тем более, что обеспечивать приходится не отдельный интерес локальной цивилизации или национальный (также взятый отдельно) интерес. Императив прорыва в будущее — обеспечение возможности проявления действия законов единого человечества на основе универсального характера действия универсальных законов окружающей природы.

* * *

Итак, хронологически христианство обеспечивает логику развития исторического процесса в полном объеме до Нового времени на паритетных с наукой принципах до настоящего момента, но его влияние в качестве Великой утопии подрывается не столько атеизмом науки, сколько прагматизмом протестантской этики труда, которая, сохраняя форму божественности, искореняет из социальной практики ее дух, становясь, по образному выражению Ф. Ницше, действительным антихристианством.

С этого момента голая корысть экономического интереса превращает мир капитализма в бездуховное материальное образование, аморальность которого, свидетельствуя о полной исчерпанности для западной цивилизации потенциала Великой утопии, проявлена в бомбардировках Ирака и Югославии, Ливии и Сирии, фашизации Украины, попрании всех мыслимых норм международной политики и десяти Божественных заповедей.

Проявление в технике, технологии, процессах разделения труда и конкретных формах, основанных на отношении к господствующей форме собственности общности людей, новых элементов социальной практики нашло свое выражение в развитии форм общественного сознания. Религиозная форма информационного поля, заложенного в христианстве, не могла в полной мере отражать потребности инновационных процессов, в основу которых был положен принцип научного рационального знания. И парадоксально, но факт, — эстафету принципов христианства подхватывает не новая форма религии, а атеистическое, но предельно гуманное учение марксизма.

Его появление в середине XIX века ознаменовало собой факт вхождения индустриализма и его высшей стадии, капиталистической общественно-экономической формации, в полосу качественного изменения⁴. «Последствия промышленной революции породили новые идеологии XX века, и точно так же будущие революции в биотехнологиях и ИТ, скорее всего, потребуют формирования нового мировоззрения. Поэтому следующие десятилетия могут ознаменоваться переоценкой ценностей и возникновением новых социальных и политических моделей» [4]. Еще одним свидетельством последнего утверждения может стать анализ соотношения категорий, описывающих процесс труда, формы собственности и конкретные формы социальной структуры.

Если преодолению первоначального индивидуального хаоса общественных движений в период становления формации соответствует доминанта разделения труда, которая образует равновесие с формами трудовой кооперации в период расцвета, то при преобладании нисходящей тенденции примат принадлежит именно процессу кристаллизации форм кооперации сложившихся в обществе форм трудовой деятельности. Хаос индивидов сменяется хаотическим движением корпоративных интересов, основным вектором которых выступает стремление к автаркии и замкнутости. А если помнить о том, что единственной возможной завершённой корпорацией в гражданском обществе может быть только само государство, то понятно, что инстинкт социального самосохранения в процессе перемен неизбежно приводит к усилению властных функций последнего.

В то же самое время пик расцвета любой общественной формации совпадает с максимально допустимым процессом социальной диффузии господствующей в данном социуме формы собственности. Применительно к индустриализму речь о таком расцвете может идти только при исследовании классического капитализма, в условиях которого частная собственность в приватной форме и стала действительным основанием становления такого социального феномена, как гражданское общество, имеющее правомерность употребления только в контексте субъектов такого общества, — подавляющего большинства частных собственников.

⁴ Данное обстоятельство позволяет говорить о реальном прогнозе, по крайней мере, в плане теории, что новая Великая утопия, если человечеству суждено пройти барьер бифуркации и выжить, появится не в форме новой, нетрадиционной религии, но и не как новая рациональная научная парадигма. Процесс перемен, происходящий на уровнях природы, биологии и интеллекта, даст синтетическую форму трех этих составляющих. Материализм, как шкала познаваемости всех процессов окружающей нас действительности, дополнится пониманием многослойности организации состояний и уровней материального мира, триединства основных коммуникаций. Интеллект станет функционировать преимущественно на основе духовных, а не только предметных вещественных интересов, и, таким образом, новая Великая утопия соединит в себе возможности веры, основанной на строгом знании, и знания, содержанием которых будет нравственный императив, имеющий отношение не только к внутреннему миру человека, но и ко всей природе. Большую роль в этом процессе, по нашему глубокому убеждению, сыграет переход к правополушарной доминанте мышления и практики. Конкретное содержание утопии можно угадать, но сейчас это не представляется темой исследования.

Переход к монополизации собственности в границах империализма, вплоть до акционерных обществ и транснациональных корпораций; и в форме предельного огосударствления собственности в советском варианте, — это опять-таки суть индикатор того, что процесс изменения вышел далеко за границы капитализма. Но лишь в последнее время, с исчерпанием ресурсов самой индустриальной цивилизации, он распространился и за ее пределы.

Наконец, именно стремление любых форм кооперации, выступающих как бы таксонометрическими единицами системы, в основании которой лежит такая специфическая форма взаимодействия как труд, определит отмеченную еще П.Д. Успенским тенденцию общественной структуры к кастовости. То есть, иерархия структурных уровней будет стремиться зафиксировать функциональное распределение ресурсов и результатов общественного труда как абсолютную данность. А продолжится ли эта тенденция в направлении биологии вплоть до идеологических обоснований расизма или выльется в сугубо социальные формы, зависит от того, какое основание определит и субъективное восприятие, и социальную практику властвующих элит⁵. Таким образом, представляется, что вывод о переходном характере современной эпохи, по крайней мере, на уровне сообществ, находящихся в полосе социального развития, не подлежит фальсификации⁶.

⁵ В данном случае практически не приходится уповать на разум. Мы категорически не согласны с утверждением Е.Н. Мельниковой о виртуальном будущем чистого интеллекта. Этот опыт уже отработан гностиками Древнего Рима. В подобных обстоятельствах, помогая понять логику происходящих процессов, разум сам выступает лишь как стрелка измерительного прибора, позволяющего выбрать перспективное направление. Основанием же для решения, способного ответить на вызов перемен в полном объеме, может стать категория, отражающая качественный параметр структурной организации эквипотенциальной системы более высокого уровня структурной организации, — духовность. Именно обязательное присутствие информационного импульса нового нравственного императива позволит овладеть ситуацией и из объекта процесса перемен, в отличие от мимикрии тофлеровского образца, стать субъектом, способным сознательно созидать новый уровень.

⁶ Представляется важным обратить внимание на следующие особенности как самого характера переходного периода, так и на отличия его проявления в зонах сообществ, располагающихся на разных уровнях структурной организации. Первое замечание заключается в кумулятивности происходящего в социальном поле процесса перемен. Имеется в виду, что практически одновременно происходят три фазовых перехода. Во-первых, завершается грандиозный суперцикл, связанный с отношениями человечества и окружающей среды. Метаболизм замещается на информационный обмен. Во-вторых, в границах этого перехода при исчерпании ресурсов индустриальных технологий происходит изменение цивилизационного цикла в направлении складывания единого цивилизационного поля в качестве материальной основы структурной организации человеческих сообществ на принципиально иной основе. В-третьих, близка к завершению сама социальная форма движения материи, что предполагает переход от формационной к иной системе отсчета последующих конкретных форм структурной организации сообществ уже в поле несоциальных отношений и постиндустриальных технологий.

Вторая часть замечаний связана с тем, что не все имеющие место в современности человеческие сообщества находятся на одном «этаже» пирамиды структурной организации. Так, значительная часть народов Азии, Африки и Латинской Америки еще не исчерпали потенциала предшествующего социальному уровню господства этнических отношений; Западная Европа находится в стадии одновременного угасания этнического и социального; и только США и страны постсоветского региона несут в себе, правда с различными основаниями и векторами аттракторов движения, заряд ответа на исторический вызов трех совмещенных циклов практически в полном объеме. Не учитывать этого обстоятельства при анализе общего контекста современности, значит, пытаться говорить на разных языках без услуг переводчика. Тем более, что не только язык отношений, но и ментальность разных уровней принципиально различна.

* * *

В условиях изменяющихся параметров материальной составляющей цивилизации, таких как тело труда, предмет труда, средства труда и самого способа производства в двух его сторонах — капитале и труде, — как изменяется система коммуникаций, в том числе производственных, так могут быть соотнесены и понятия деятельности, производства и труда.

Чтобы не уводить внимание в количественную сторону, изменения материального фактора производственных процессов обозначим своего рода штрихами. Так, сегодня уже свыше 95 процентов циркулирующих в мире денег носят чисто информационную природу и являются, по сути, «глобализационными» деньгами. Это стало возможным благодаря тому, что резко увеличилась информационно-финансовая емкость времени, поскольку «длительность сделки» сократилась сначала до предела физиологических возможностей человека, то есть до секунд, а затем и вышла за эти пределы, занимая милли- и даже микросекунды.

В постоянных ценах 1970 года, то есть с поправкой на инфляцию, показатель МВП (мирового валового продукта) составлял 7,287 трлн долларов в 1994 году и 13,487 трлн долларов в 2016 году, то есть отмечался рост в 1,85 раза. За тот же период население нашей планеты возросло с 5,613 до 7,398 млрд человек, или в 1,32 раза. Однако общий объем «мировых денег» (агрегат L) за тот же период вырос более чем в 40 раз; объем производимой за год информации — более чем в 2000 раз; а объем хранимой информации — более чем в 20 тысяч раз.

Системы распределенного реестра, блокчейн-технологии, являясь базой для различных «криптовалют», непрерывно увеличивают оборот последних, который уже превысил планку в 150 млрд долларов, что сопоставимо с годовым ВВП таких стран, как Болгария или Новая Зеландия [5, с. 129, 133].

Нейротехнологии и системы искусственного интеллекта делают возможным осуществлять автоматический перевод текстов, создавать беспилотные автомобили и виртуальных коммуникаторов. Кроме того, они успешно используются в системах безопасности и логистики. Технологии виртуальной и измененной реальностей используются не только в развлекательных, но и в иных целях, в том числе в промышленном шпионаже. Что касается квантовых технологий, то связанные с ними возможности явно не ограничиваются квантовой компьютеризацией, что, собственно, и стало поводом включить их в число «цифровых», но они способны, условно говоря, встроить существование человечества в новые измерения.

С точки зрения такой интерпретации способа производства наличие большинства представителей современного человечества не является

Так что, помимо понятийного соответствия, политология нуждается и в изменении некоторых парадигм модальности методологии как субъективной точки отсчета в процессе формирования объективного содержания исследовательской позиции.

оправданным. Необходимый для существования всех людей объем товаров и услуг может быть обеспечен всего лишь несколькими сотнями миллионов работников. При этом, если они не будут потреблять производимые товары и услуги, производство должно стать еще меньше. А система оплаты новых видов наемных работников и самозанятых, таких как прекариат или фрилансеры, не может уже сегодня реально быть обеспеченной. И это несмотря на рост денег в мире, но денег «пустых».

Но, как и прежде, целью человеческой жизни провозглашается достижение богатства как эквивалента свободы потребления, а целью экономики, соответственно, — получение максимально возможных доходов и прибыли. При этом понятие «экономика», как и категории «производство» и «способ производства», открыто фальсифицируется. Способ производства раскрывает характер того, что, как и для кого производится в социуме. Но существует два варианта организации производства, — это рыночное ведение хозяйства и планово-развивающееся народное хозяйство.

Понятие «капитал» и «труд» — категории, которые относятся только к первому варианту. Но сегодня даже в нашей стране, имеющей славные страницы социалистического прошлого, данное суждение не берется в расчет. Заметим, что полтора миллиарда населения Китая, хозяйственные системы Кубы, Вьетнама и Северной Кореи делают актуальным и второй вариант. Только направленная деятельность по созданию материальных и идеальных продуктов для удовлетворения посредством рынка в товарной форме человеческих потребностей носит характер труда. Но сам по себе процесс труда, как и организационное строение капитала не гарантирует, ни производства, ни потребления.

Современная экономическая теория, не говоря уже про экономическую практику, исключает из понятия «производство» все аспекты человеческой деятельности, не имеющие статуса производственных и трудовых, но тем не менее способные сильно влиять на процессы производства-потребления. В свою очередь, это приводит к «расчеловечиванию» всего технологического процесса производства, переживающего стадию становления.

Допустим, что в целом в становящейся постсовременности продолжает действовать закон, согласно которому капитал развивается как стоимость, производящая стоимость. Вместе с тем, современные производительные силы, такие как цифровизация, возможности искусственного интеллекта, биг-дата, блокчейн, 3D-принтер (аддитивное производство) и так далее, — способствуют не только эффективному самовозрастанию стоимости, но и ее качественной трансформации.

Источником прибавочной стоимости являются два фактора. Первый, это рынок, без которого не существует такая категория экономических отношений, как товар. Товарность производственных отношений — это условие возможности существования категорий стоимости и прибавочной стоимости. Второй фактор — необходимость наличия в качестве товара рабочей силы,

вне эксплуатации которой извлечение прибавочной стоимости невозможно. Таким образом, формирование прибавочной стоимости как движитель самовозрастания стоимости, то есть капитализации процесса производства, зиждется на двух характеристиках одного феномена. И это не капитал.

Процесс капиталистического и посткапиталистического в любом из мыслимых вариантов производства определяется в конечном счете двумя сторонами специфического товара — рабочей силы. С одной стороны, ее стоимость — это издержка, и она в силу закона возвышения потребностей замедляет возрастание капитала. С другой стороны, разница затраченного количества труда и стоимости рабочей силы составляет единственный на сегодняшний день реальный источник капитала⁷.

Анализ современных развитых экономик мира в этой сфере свидетельствует о следующем. Происходят и количественные, и качественные изменения, как в процессе формирования и функционирования капитала, так и в состоянии и перспективах развития труда. Римский клуб, К. Шваб и вся мировая закулиса, вводя в оборот термин «инклюзивный капитализм», на самом деле фиксируют факт завершения капиталистической общественно-экономической формации, впервые открыто признав его экономическую и идеологическую феноменологию. На самом деле при реализации посткапиталистического будущего возможны только два сценарии.

Раз гео- и биосфера планеты Земля являются закрытой для населяющих ее жителей системой, то глобализация фактически привела наряду с монополией ТНК к исчезновению материальных оснований процессов капитализации и уничтожению эффективности рыночной экономики, да и ее самой. Если капитал не станет новой производительной силой социума, то перейдя границы качественной определенности способа производства, он разрушит современность.

* * *

Два пути в будущее с точки зрения возможных способов производства, это новое цифровое рабовладение или социализация экономических отношений в параметрах планового ведения планетарного хозяйства. Маркер определен, но нюансов национально-государственных, ментальных или традиционных методик достаточно, чтобы логически универсальный путь не стал шаблоном, а лишь стартовой площадкой для человеческого творчества. Но уже в настоящее время предельно ясно, что в единстве и противоречии труда и капитала до тех пор, пока труд будет востребован и не станет опредмеченной вариативной творческой деятельностью людей, ведущим основанием в способе производства будет именно он.

⁷ Речь не идет о нарративах и мнимых виртуальных имитациях реального капитала. Это — игры «экономики казино», как и финансовые пузыри — игра людей, а не экономик, и они в перспективе обречены по всему фронту науки и производства.

Вместе с тем, и этот вопрос представляется для мировидения предельно важным, стратегия социального государства не есть тождество социального порядка. Государство в его правовом статусе выступает базовым условием как сохранности и выживаемости целого — самого социума, так и благополучия и достойной жизни членов гражданского общества, личностей, его составляющих. Не государство сильно процветанием его граждан, а, напротив, такое процветание возможно только тогда, когда государство адекватно формирует для этого процесса системные и организационные возможности.

Стало модным говорить о народном капитализме, всеобщем государстве и, как следствие, безусловном базовом доходе. По этому поводу идут дискуссии; масса исследователей и общественных активистов требуют апробации, но не замечают главного, — ответа на вопрос, кому выгодны предлагаемые в массовом доступе решения социальных и экономических проблем такого плана. Рассмотрим данное видение постсовременности на конкретном примере.

В одной из своих работ Ю.Л. Ткаченко приводит следующее концептуальное определение соотношения объемов понятий основных категорий социологии и политологии — государства, ссылаясь на высказывание А.Н. Власова: «Установление гражданам конституционного статуса соучредителей государства в составе гражданского общества, совладельцев неделимой общегосударственной собственности, которая в соответствии с законом будет записываться на имя гражданина с момента государственной регистрации его рождения, увеличиваться в прямой зависимости от его трудового участия в приращении общегосударственной собственности, его особых заслуг перед обществом и государством, с пожизненной выплатой дивидендов в установленных процентах и конституционной процедуры участия граждан в управлении делами государства посредством образования многомиллионного государственно-общественного общегражданского Совета, имеющего свои первичные сельские, поселковые, районные, городские, областные, краевые, республиканские территориальные и производственные органы» [6].

По мнению Ткачева, данная формула — юридически безупречна, строго конституционна, полностью соответствует принципам права и универсальна. При этом ключевой идеей концепции является вывод о том, что учреждение государства — не политическая, а исключительно юридическая процедура⁸. Следовательно, в данном тезисе констатируется, что граждане в составе гражданского общества фактически являются соучредителями государства. Значит, они, являясь соучредителями государства, автоматически становятся совладельцами неделимой общегосударственной собственности

⁸ Ю.Л. Ткачев считает, что Общегражданский Совет образуется миллионами конституционно-полномочных граждан как конституционное образование, а не как политическое движение, создаваемое не обладающими конституционной правосубъектностью и потому фактически и юридически бесправными общественными организациями, любыми их коалициями и политическими партиями.

и конституционно являются участниками процесса управления делами государства. Гарантом Конституции при этом выступает орган, ее принявший — то есть граждане в составе многомиллионного общественно-государственного Совета.

Показательно не то, что концепции общественного договора — несколько столетий, а идея базового гражданского дохода уже несколько лет как перешла из потенциального состояния европейской мысли в юридическую практику. В Швейцарии по данному поводу даже был проведен народный референдум, ответ на котором был отрицательным. Важно то, что с позиций социальной философии, теории государства и права, политэкономии и даже формальной логики эти утверждения являются неверными по существу.

Граждане с юридической точки зрения не могут быть соучредителями системы, которая является не объектом, а условием их общей жизнедеятельности. Введение понятия «соучредитель» вносит в содержание государства возможность его расчленения на основе отчуждения в пользу соучредителя или ассоциации соучредителей. Введение понятие «сособственник» приводит к усилению ложного основания капиталистической системы. Согласно политэкономическим исследованиям, в частности работам В. Ойкена и Р. Хайлбронера, три феномена не могут быть товарами по определению: земля, труд и деньги. «Именно фундаментализм финансового капитала и привел к краху капиталистической системы», — об этом давно говорили представители Римского клуба, а сегодня вслух рассуждает мировая экономическая элита [7].

С объективно-научной политэкономической точки зрения важно то, что введение сособственников и базового национального дохода предполагает априори товарность не только земли, но и суверенитета государства, поскольку субъектность такого образования на мировой карте будет представлять не аппарат власти — политической, экономической и военной, а ассоциация «держателей акций государства», миноритариев персонально в миллионном исчислении⁹.

Не только обсуждая, но даже обдумывая вопросы такого уровня, специалистам различных отраслей знания необходимо представлять, что вызов со стороны природы или общества подготовлен прежде всего объективным ходом исторического развития, экономики, политики, идеологии, права; при этом право занимает в списке причинности одно из последних мест как наиболее отчужденная сторона общественного сознания.

Выбор же со стороны тех людей, которые будут так или иначе отвечать на исторический вызов, в силу человеческих качеств предельно субъективен. Не понимая этого, мы сущность заменяем проявлением, содержание

⁹ Природную ренту человек должен платить Земле, восстанавливая ее ресурсы, совершенствуя биосферное и ландшафтное равновесие. Земля — условие, причем решающее, в самом факте существования человечества. Те, кто думают иначе, способствуют исчезновению нас как одного из биологических видов жизни на планете.

формой, а отсутствие адекватного уровня подготовки — социальной демагогией. Отсутствие знания сторон выбора в 1991 году стало причиной пассивности миллионов, сдавших из-за элементарной неготовности, свою великую трудовую державу.

Даже наши противники понимают это. «В действительности, все эти суждения и заявления, которые мы постоянно делаем, определяются лежащими в основе этическими соображениями, которые носят исключительно личный характер. Проще говоря, то, что мы выставляем как факты или мнения, является моральным выбором, который обнажила пандемия. Они созданы во имя того, что мы считаем правильным или неправильным, и поэтому определяют нас такими, какие мы есть» [8].

Поэтому мы, граждане великой страны, становящиеся все более уверенно на путь суверенного развития, должны в мотивации практических действий четко представлять, что «точка бифуркации современного технологического развития ставит человечество в положение витязя на распутье: либо решительно включить в сферу инновационного творчества, проектирования и внедрения передовых технологий принципы совести, нравственности, либо признать, что мы быстро движемся к технологическому апокалипсису, поскольку гениальная инженерия, робототехника и информатика несут не меньше опасностей, нежели атомная энергия, а в силу усложнения самой парадигмы контроля за технологиями — даже больше. В настоящее время нам позарез необходимы не просто умные, а мудрые технологии, — в них на программном уровне необходимо четко установить своего рода «нравственный кодекс», а также систему постоянно поддерживаемой обратной связи с человеческими коллективами, призванными управлять этими системами» [9, с. 58].

С этой позиции изучение процессов труда и его организации выступает главной методологической и теоретической проблемой общественнонаучного в целом и политэкономических исследований в особенности. И именно их правильное научное понимание дает возможность гражданам России сознательно выбирать и защищать свой собственный суверенный путь общественного развития.

Список литературы

1. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВладДар, 1995.
2. Тоффлер А. Футуршок. Спб.: Лань, 1997.
3. Платонов С. После коммунизма: Книга не предназначенная для печати. М.: ГПЗ, 1990.
4. Юваль Харари Ной. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
5. Карасев В.И. Трансформация категории труда в процессе становления посткапиталистической экономики // Человек труда и наука: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Новочеркасск 17–20 октября 2022 г. Ч. 2 / отв. ред. Е.А. Лазарева;

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2022.

6. Власов А.Н. Конституционное значение и право граждан в образовании государства и его управлении / Сборник научных, журнальных и газетных статей. Минск: издатель А.Н. Вараксин, 2013.
7. Шваб К., Маллере Т. Великая перезагрузка — COVID-19. М.: Эксмо, 2020.
8. Русский ковчег: Альтернативная стратегия мирового развития (коллективный труд под ред. В.В. Аверьянова) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2020. № 1.

А.И. ПЕТРЕНКО

СПЕЦПРОПАГАНДА И БОРЬБА С НЕЙ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Аннотация.** Тема статьи касается анализа основных характеристик спецпропаганды, ее цели, особенностей осуществления в условиях специальных военных операций. Рассмотрены также проблемы организации контрпропаганды и технологии информационных прививок, как инструмента борьбы со спецпропагандой.*

***Ключевые слова:** пропаганда, спецпропаганда, контрпропаганда, градуация принципов военной пропаганды, информационные прививки.*

SPECIAL PROPAGANDA AND THE FIGHT AGAINST IT IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

***Abstract.** The topic of the article concerns the analysis of the main characteristics of special propaganda, its purpose, and the peculiarities of implementation in the conditions of special military operations. The problems of organizing counterpropaganda and information vaccination technology as a tool to combat special propaganda are also considered.*

***Keywords:** propaganda, special propaganda, counterpropaganda, gradation of the principles of military propaganda, information vaccinations.*

Основные цели развернутой информационной войны и пропаганды против нашей страны можно с определенной долей условности сгруппировать следующим образом: доведение жителей Украины до истероидной русофобии; формирование ненависти к России у населения европейских и других стран; формирование у наших граждан негативного отношения к спецоперации и руководству страны.

Реализация программы по соответствующей работе с украинцами началась задолго до начала СВО. Она представляет собой не просто пролонгированный практически на 30 лет комплекс мероприятий по внесению изменений в сознание украинских граждан кардинальных изменений, которые должны были обусловить практически изменение их менталитета. Это и искажение истории, и гонения на православную церковь, и героизация бандеровщины, и свержение законно избранной власти, и практический

ПЕТРЕНКО Анатолий Иванович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования Академии социального управления, г. Москва

запрет на русский язык, и снос исторических памятников, и многое другое. Но все это делалось под мотивы демонизации России, формирования ее образа как единственного и главного врага Украины.

Конечно, этот хорошо спланированный и профинансированный план не мог не дать соответствующие результаты. В данном информационном поле выросло не одно поколение граждан Украины, которое практически было лишено возможности получения какой-либо альтернативной и правдивой информации об истории развития отношений между нашими народами, о совместно пережитых трагедиях и одержанных победах. Все это следует учитывать при реализации продекларированной президентом России цели о денацификации населения Украины. Это — работа на долгие годы, ее следует осуществлять поэтапно и вдумчиво, без чиновничьих реляций по поводу того, кто, сколько и кого денацифицировал.

Формирование ненависти к России у жителей европейских и других стран идет по той же схеме. Тут используется три базовых лозунга: «надо сделать все, чтобы исключить зависимость от России в чем бы то ни было»; «Россия представляет для нас угрозу, в том числе и военную»; «нам надо объединиться и сообща развалить Россию». Всё это делается настолько грамотно, что большинство европейцев даже не понимают, что, избавляясь от надуманной зависимости от России, они стройными рядами идут в кабалу к США. Американцы взорвали готовый к пуску газопровод, находящийся в совместной собственности России и Германии, — кто-то из официальных лиц последней хоть слово по этому поводу сказал? США сделали все, чтобы перевести к себе значительную часть высокотехнологичных экономик — и снова нулевая реакция. Создается впечатление о тотальном зомбировании представителей европейских политических элит, которые делают все, что говорят американцы даже во вред своим странам и народам.

Внушение россиянам негативного отношения к спецоперации также началось задолго до ее начала. Основу программы, направленной на деформацию сознания вначале советского, а затем российского народа, совершенно однозначно сформулировал более 50 лет тому назад основатель ЦРУ и главный методолог того времени Ален Даллес: «Посеяв там [в Советском Союзе] хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить. Как? Мы найдем единомышленников... Найдем союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма,

предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель...

Честность и порядочность будут осмеиваться и превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом...».

Как говорится — ни прибавить, ни убавить! Подобная деятельность направлена не только на выработку негативного отношения к спецоперации на Украине, главная ее цель — разложение нашего общества, формирование у населения недоверия к власти и любым принимаемым ею решениям. Сказанное показывает необходимость немедленной разработки и реализации конкретных мер, преследующих цель сплочения российского общества, активной пропагандистской работы на территории Украины и других стран, прежде всего тех, которые входят в различные международные организации под патронажем США.

Особенности пропаганды в условиях специальных военных операций

В первую очередь хотелось бы остановиться на понятии «специальная военная операция». Этот термин введен в оборот американцами еще 1986 году и в американском полевом уставе сухопутных войск трактовался как неболевая операция по поддержанию мира и боевая операция по установлению мира. Но уже в 1993 году в американских уставных документах данное понятие получило название «конфликт низкой интенсивности».

В чем же те же американцы видят принципиальное отличие понятия «война» от понятия «специальная военная операция» или «конфликт низкой интенсивности»? Если одно государство намерено захватить какую-либо страну или ее часть или сменить в ней политический режим — то это «война». Если же такой задачи не ставится, а планируется разгром вооруженных сил противника и побуждение его к миру, — то это «конфликт низкой интенсивности».

Кроме того, если страна проводит специальную военную операцию, то она теоретически может избежать ответственности по международному гуманитарному праву, которое требует от воюющих сторон соблюдения определенных условий: формальный акт объявления войны, как этого требует Гагская конвенция 1907 года; разрыв дипломатических отношений между

воюющими государствами, что является следствием объявления войны; аннулирование всех двусторонних договоров, торговых и политических; ввод в силу специального правового режима для комбатантов и мирного населения (основа этого правового режима — Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года, различные соглашения, конвенции, протоколы, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и другие документы).

В России вопросы обороны и безопасности регулируют более чем 70 федеральных законов (в том числе Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина, Концепция внешней политики, Концепция строительства военной организации государства), около 200 указов Президента, примерно 500 постановлений Правительства Российской Федерации, а также подзаконные акты. Но у нас до настоящего времени четкого определения понятия «специальная военная операция» так и не выработано, что создает некоторые трудности в ее подготовке и проведении. В новейшей истории примеров проведения «специальных военных операций» или «конфликтов низкой интенсивности» достаточно много. Только США и их союзники осуществляли такого рода «конфликты»:

- на территории Афганистана — 2001 год;
- против Ливии, а затем и против Ирака — 2003 год;
- против Пакистана — 2004 год;
- против Ливии — 2011 год;
- против Сирии — 2014 год;
- против Йемена и Камеруна — 2015 год.

И это далеко не полный перечень подобных «конфликтов». Россия также проводила специальные военные операции: в 2008 году — «принуждение к миру» Грузии; в 2015-м — военная помощь Сирии; с 2022 года — специальная военная операция на Украине.

Напомним, как сформулировал цели и задачи нынешней специальной военной операции Президент России В.В. Путин в своем обращении к нации: «...Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня. Обстоятельства требуют от нас решительных и незамедлительных действий. Народные республики Донбасса обратились к России с просьбой о помощи. В связи с этим в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции.

Ее цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также

преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации.

При этом в наши планы не входит оккупация украинских территорий. Мы никому и ничего не собираемся навязывать силой...

Сегодняшние события связаны не с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа. Они связаны с защитой самой России от тех, кто взял Украину в заложники и пытается использовать ее против нашей страны и ее народа...».

* * *

С самого начала специальной военной операции произошел резкий всплеск пропагандистской активности всех центров, созданных для планирования и проведения психологических кампаний в отношении России, ее лидера и союзников. Прежде чем говорить о спецпропаганде, необходимо определиться с ее базовым термином. Слово «пропаганда» обрело свое нынешнее значение благодаря названию католической организации *Congregatio de Propaganda Fide* (Конгрегация распространения веры), созданной папой Григорием XV в 1622 году. Таким образом, пропаганду можно в самом общем приближении рассматривать как распространение информации о чем-либо.

Жанр «спецпропаганда» обычно понимается как ведение информационной работы среди войск и населения противника. Это классика информационных противостояний военного времени. Во многих источниках понятия «спецпропаганда» и «военная пропаганда» настолько тесно переплетаются, что с определенной долей условности можно пользоваться термином спецпропаганда.

Работа по использованию пропаганды в период военных столкновений имеет давнюю историю. Уже в период Первой мировой войны были сформулированы главные цели военной пропаганды [см. 1]: убеждать свое население в правильности действий, поддерживать его боевой дух, мобилизовывать и направлять ненависть против врага; любыми методами вносить раскол в лагерь противника, подрывать его боевой дух, ослаблять и деморализовывать его население; развивать дружбу с нейтральными странами, по возможности, превращая их в союзников.

Весьма интересную градацию принципов военной пропаганды дала бельгийский историк Анна Морелли в 2001 году. Она исследовала опыт войн и колониальных конфликтов XX века и их отражение в военной пропаганде и сформулировала 10 основных принципов этой пропаганды:

1. *Мы не хотим войны, мы только защищаемся.* Государственные деятели практически всех стран всегда торжественно уверяли, что не хотят войны. «Если все лидеры воодушевлены одной и той же волей к миру, возникает вопрос, почему в конце концов вспыхивают войны?», задается вопросом Морелли и отвечает на него при формулировке второго принципа.

2. *Наш противник несет полную ответственность за эту войну.* Этот принцип вытекает из факта, что каждая сторона должна быть вынуждена объявить войну, чтобы помешать противнику «разрушить наши ценности» и поставить под угрозу нашу свободу или полностью нас уничтожить.

3. *Лидер нашего противника изначально зол и похож на дьявола.* Персонализация образа врага в глазах граждан — важнейшая задача. «Вы не можете ненавидеть группу людей в целом, даже как своих врагов. Поэтому более эффективно направлять ненависть на руководящую личность вражеской страны. Таким образом, у „врага“ будет лицо, и это лицо, естественно, станет объектом ненависти».

4. *Мы защищаем благородное дело, а не свои особые интересы.* Экономические и геополитические цели войны должны быть замаскированы идеалом, моральными и законными ценностями. Так, Джордж Буш — старший, говоря о войне в Персидском заливе, заявил: «Борьба идет не за нефть, а против жестокой агрессии». 22 января 1991 года французская газета Le Monde писала: «Цели этой войны — это прежде всего цели Совета Безопасности ООН. Мы участвуем в этой войне по причинам, лежащим в основе решений Совета Безопасности, и наша цель, по сути, заключается в освобождении Кувейта».

5. *Враг целенаправленно совершает зверства; если мы совершаем ошибки, то это происходит без умысла.* Рассказы о зверствах врага являются существенным элементом пропаганды. Настаивание на том, что зверства совершал только враг, делает рассказы о злодеяниях частью пропаганды. Военная пропаганда не довольствуется реальными инцидентами, она должна выдумывать бесчеловечные зверства, чтобы враг выглядел как альтер эго Гитлера.

6. *Враг использует запрещенное оружие.* Этот принцип рассматривается Морелли в дополнение к предыдущему. Во время Первой мировой войны каждая из воюющих сторон обвиняла другую в применении отравляющего газа. Хотя обе противоборствующие стороны использовали газ и проводили исследования в этой области, он был символическим выражением бесчеловечной войны. Поэтому он приписывался врагу как неприличное и коварное оружие.

7. *Наши потери малы, потери противника значительны.* «За редкими исключениями люди склонны присоединяться к победному делу. В случае войны предпочтение общественного мнения во многом зависит от очевидных результатов конфликта. Если результаты не будут хорошими, пропаганда должна замаскировать наши потери и преувеличить потери противника».

8. *Наше дело поддерживают признанные интеллектуалы и художники.* Каждая сторона войны могла рассчитывать на поддержку художников, писателей и музыкантов, поддерживающих интересы своих стран через инициативы в собственных областях деятельности.

9. *Наше дело свято.* В буквальном смысле война предстает как крестовый поход, подкрепленный божественной миссией. Политические решения

приобретают библейский характер, устраняющий все социальные и экономические проблемы. Ссылка на Бога делается по-разному («На Бога уповаем», «Боже, храни Королеву», «С нами Бог» и т.п.) и служит оправданию действий суверена без малейшего шанса на противоречие.

10. *Тот, кто ставит под сомнение нашу пропаганду, помогает врагу и является предателем.* Ставящий под сомнение даже один из принципов обязательно является коллаборационистом. Есть только две области: хорошая и плохая. Вы можете быть только за зло или против него. По этой логике, противники Косовской войны — сообщники Милошевича. По словам Морелли, этот принцип был вновь применен в иракской войне, хотя мировая общественность была гораздо более расколота, чем в косовском конфликте. Быть против войны означало выступать за Саддама Хусейна [2].

Этой же проблемой был озабочен и британский политик лорд Артур Понсонби (1871–1946). Мы не удержались от того, чтобы не предложить сравнительную таблицу этих двух авторов с градацией принципов военной пропаганды [3]:

По Понсонби (1922 г.) Arthur Ponsonby. Falshood in Wartime, 1922	По Морелли (2004 г.) Anne Morelli. Die Prinzipien der Kriegspropaganda Éditions Labor, Brüssel, 2004
Мы не хотели войны.	Мы не хотим войны, мы только защищаемся.
Враг воплощается в конкретной личности.	Наш противник несет полную ответственность за эту войну.
Наши действия мотивируются принципами человеколюбия.	Лидер нашего противника изначально зол и похож на дьявола.
Действия врага отличаются особой жестокостью и вызывают ужас.	Мы защищаем благородное дело, а не свои особые интересы.
Использовать принцип легитимности.	Враг целенаправленно совершает зверства; если мы совершаем ошибки, то это происходит без умысла.
Всегда нужно преувеличивать свои успехи и потери противника.	Наши потери малы, потери противника значительны.
Распространять дезинформацию и слухи.	Враг использует запрещенное оружие.
Использовать «черную» пропаганду.	Наше дело поддерживают признанные интеллектуалы и художники.
	Наше дело свято.
	Тот, кто ставит под сомнение нашу пропаганду, помогает врагу и является предателем.

У А. Морелли принципов пропаганды больше, разумеется, сформулированы они более современно, но все же какое сходство!

Контрпропаганда

Контрпропаганда — это комплекс мер, направленных на борьбу с пропагандой противника. В условиях специальной военной операции ее можно рассматривать как разновидность спецпропаганды. Она подразумевает наличие ранее изученной информации о целевой аудитории, которая определяется сущностью идей, требующих нейтрализации. Благодаря информации о нейтрализуемых идеях можно довольно точно вычислить дивергентные сообщества — социальные группы, которые представляют собой явных или потенциальных генераторов данных идей. Для субъектов дивергентных групп создаются такие условия, в которых затруднительно дальнейшее развитие каких-либо устойчивых идей; отсутствует какой-либо конструктивный обмен идеями между субъектами группы и, в особенности, между субъектами группы и представителями внешних групп.

Цель контрпропаганды — дискредитация вражеских идей, разрушение нежелательных информационных сущностей и недопущение их возникновения в будущем. Она эффективна, если проведен предварительный и тщательный анализ пропаганды противника; для выстраивания собственной контрпропаганды необходимо четко представлять себе как минимум следующее: кто входил в целевую группу пропаганды противника; каковы планы пропаганды противника; есть ли у нее какие-то результаты, и если да, то какие конкретно; какие слабые и уязвимые места в ней удалось выявить; что из этого можно использовать в контрпропаганде; какие целевые группы должны стать мишенью контрпропаганды; какую контраргументационную модель можно реализовать; каким образом будем осуществлять мониторинг эффективности контрпропаганды.

Информационные прививки

К контрпропаганде, носящей упреждающий характер, можно отнести технологию «информационных прививок», представляющую собой комплекс мероприятий по заблаговременному оказанию психологического воздействия на сознание аудитории с целью формирования у нее устойчивого негативного отношения к предполагаемым информационным атакам оппонентов. Как уже было сказано, за последнее время радикально возросло количество проводимых против России психологических (информационно-психологических) операций. Заметно меняется их качественная составляющая, направленная на оказание деструктивного воздействия на сознание наших граждан по самым различным направлениям. Еще более активно стали использоваться фейки как инструмент психологических операций. Хотелось бы выделить базовые, на наш взгляд, меры, реализация которых может способствовать нейтрализации деструктивного воздействия такого рода операций. Это меры по упреждению деструктивного воздействия

психологических операций; их сопровождению; устранению последствий их деструктивного воздействия.

К мерам по упреждению деструктивного воздействия психологических операций можно отнести мониторинг информационного пространства для выявления признаков готовящихся информационных атак и проведения операций по информационным прививкам. Подобный мониторинг может позволить заблаговременно прогнозировать время начала таких атак, их контент, а также выделить те социальные страты, на которые они будут направлены. Для его своевременного и качественного проведения необходимо наладить и запустить системную и многоуровневую технологию выявления признаков готовящихся психологических операций, что позволит обнаруживать информационные атаки на наиболее ранних стадиях их подготовки и проведения.

Мониторинг должен охватывать практически все информационное поле, причем не только российское, но и зарубежное. Это — фиксация изменения частотности употребления тех или иных контентных маркеров, их эмоциональное сопровождение и многое другое. Такая информация может способствовать заблаговременному пониманию направленности подготовленных психологических операций как по содержанию, так и по целевым группам — объектам деструктивного воздействия. В совокупности эти меры дадут возможность проведения операций по информационным прививкам прежде всего в странах, на которые будут направлены информационные атаки.

Проведение операций по информационным прививкам

Задачи, решаемые информационными прививками: ознакомление с основными содержательными элементами фейков, которые будут использованы в очередном транше психологических операций; комментарии по информации, раскрывающие цели авторов психологической операции; формирование психологической готовности к восприятию и оценке вбрасываемой фейковой информации под углом зрения комментариев; организация негативного отношения, недоверия или полного неприятия фейковой информации.

Подготовка материалов для информационных прививок: материалы, которые планируется использовать для информационных прививок, должны быть направлены на разоблачение замыслов организаторов психологических операций, раскрытие целей и методов этих операций; желательно, чтобы в этих материалах использовались словосочетания, похожие на те, которыми будут пользоваться разработчики психологических операций, но с соответствующими комментариями и оценками; в эти материалы целесообразно включать информационные блоки, показывающие, как и в каком виде разработчики конкретной психологической операции будут выдавать

ложную информацию, демонстрировать — как будет нарушаться логика изложения, «замыливаться» доказательность информации за счет чрезмерной эмоциональности изложения.

Проверка их эффективности через фокус-групповое исследование до запуска: предварительная проверка эффективности материалов, которые подготовлены для информационных прививок, дает возможность определить сильные и слабые аспекты этих материалов; фокус-групповое исследование позволяет выявить не только отношение к «прививочным» материалам, но и возможную реакцию на те материалы, которые будут задействованы при организации психологических атак; в качестве экспертов в фокус-групповом исследовании желательно привлекать представителей тех социальных групп, на которые будет направлено деструктивное воздействие; если это деструктивное воздействие ориентировано на несколько страт, то и подбор экспертов должен этому соответствовать.

Проверка эффективности после запуска (интервью, соцопросы и т.п.): важным этапом в борьбе с деструктивным воздействием психологических операций с использованием фейков является проверка эффективности действия информационных прививок, для этого может быть использован широкий арсенал таких методов как интервью, социологические опросы, анализ изменений в системе отношений в конкретных социумах под воздействием психологических атак; такая работа важна для коррекции контрдифамационного воздействия в конкретных стратах, а также возможной коррекции работы по упреждению деструктивного воздействия психологических операций.

Меры по сопровождению информационных прививок

Мониторинг динамики состояния информационного поля: такой мониторинг позволяет своевременно проанализировать изменения частотности появления фейков определенного содержания, степени их агрессивности и адресности на конкретные страты, появление новых мемов, расширение круга участников информационных атак; получение такой информации необходимо оперативно учитывать при подготовке контрдифамационных материалов исходя из их своевременной коррекции.

Оперативная подготовка контрдифамационных материалов: подготовка таких материалов должна осуществляться в режиме онлайн, поскольку это позволяет резко сократить время между восприятием диффамационных и контрдифамационных материалов, причем в последних могут содержаться ссылки на материалы, содержащиеся в информационных прививках, что позволит задействовать и этот ресурс для нейтрализации воздействия фейковой информации.

Проверка их эффективности через фокус-групповое исследование до запуска: подготовленные материалы тут же проходят экспертную оценку с помощью фокус-группового исследования, причем здесь участникам исследования обязательно предъявляются как сами фейки, так и подготовленные на них антифейки; по итогам исследования принимается решение либо о срочной доработке материалов, либо об их запуске в информационное поле; комплектование фокус-групп экспертами осуществляется по тем же правилам, как и на этапе упреждения деструктивного воздействия психологических операций.

Размещение материалов на аналогичных ресурсах: это условие крайне важно, поскольку представители каждой группы пользуются определенными информационными ресурсами; стратификация системы размещения контрдифамационных материалов позволит оказывать профилактическое воздействие на конкретных представителей различных страт более прицельно и эффективно; определенные трудности могут возникнуть при попытках размещения материалов, подготовленных для зарубежных пользователей, но если поставлена задача оказания на них конструктивного психологического воздействия, то ее необходимо решать, используя все возможности; практика показывает, что найти и дать возможность подготовки объективных материалов иностранными экспертами и журналистами задача вполне решаемая, но такое решение может иметь кумулятивный эффект, причем как у нас в стране, так и за рубежом.

Проверка эффективности после запуска (интервью, соцопросы и т.п.): работа по анализу эффективности воздействия контрдифамационных материалов на представителей конкретных страт строится аналогично, но в исследование включаются и материалы, использованные в информационных атаках; это позволит выявить сильные и слабые стороны не только самих материалов, использованных в информационных атаках, но и подготовленных контрдифамационных материалов; важно определить, какие конкретно материалы из психологической операции оказали свое деструктивное воздействие, на какие страты и в какой степени, как этому способствовало состояние информационного поля, почему не сработал в полной мере инструмент информационных прививок; такая информация даст возможность оперативной коррекции в подготовке контрдифамационных материалов.

Коррекция выявленных недочетов и ошибок: эта работа должна вестись постоянно и системно, поскольку несмотря на то, что организаторы информационных атак хотя и работают часто по шаблону, все же бывают случаи, когда они предпринимают некие новые технологические приемы; своевременная корректировка системы мер по нейтрализации деструктивного воздействия психологических операций позволит более эффективно вести борьбу с информационными атаками.

Меры по устранению последствий могут включать в себя следующие направления: анализ реального ущерба от деструктивного воздействия психологических операций

По контенту: проводя анализ того, как воспринимается и усваивается контент психологических операций теми, на кого эти операции направлены можно более целенаправленно разрабатывать и проводить контрдиффузационные мероприятия, нейтрализуя закрепление деструктивного контента в конкретных целевых группах.

По времени воздействия: важен учет и продолжительности деструктивного влияния на конкретные социальные группы; этот фактор особенно важен, когда воздействие оказывалось в течение значительного времени; это важно еще и потому, что воздействие, оказанное 10, 15 и более лет, реструктурирует сознание уже в раннем возрасте и человек продолжает расти внутри созданного деструктивного информационного поля, продолжая впитывать соответствующий контент.

По устойчивости изменений: без определения, насколько устойчивы те изменения в сознании представителей конкретных целевых групп, которые были инициированы авторами информационных атак, невозможно предпринять эффективные меры контрдиффузационной направленности, решить вопрос о содержании, интенсивности и продолжительности контрдиффузационного воздействия; здесь важно учесть еще одно весьма важное обстоятельство, — чем эффективнее будет отлажена работа по мониторингу происходящих в различных стратах изменений, спровоцированных фейками, тем больше шансов не допустить глубоких изменений в сознании представителей конкретных целевых групп при разработке мер по упреждению и сопровождению деструктивного воздействия психологических операций, а также при устранении последствий этого воздействия; эта работа должна вестись системно, с учетом динамики любых негативных проявлений в информационном поле.

По конкретным социальным стратам: анализ реального ущерба от деструктивного воздействия психологических операций в конкретных социальных стратах дает возможность рентабельнее строить в них контрдиффузационную работу; далеко не всегда можно применять одни и те же приемы и технологии контрдиффузационного воздействия, направленные на различные страты; нельзя одинаково строить контрдиффузационную работу в молодежной среде и, например, в среде пенсионеров. И это касается не только возрастных, но и других различий.

Разработка стратегии коррекционной работы

Меры по локализации возможного продолжения деструктивных изменений в сознании людей: решение этой проблемы нам видится

в широкомасштабном доведении контрдиффамационных материалов, подготовленных с учетом тех изменений в сознании, которые произошли в каждой из социальных групп; причем воздействие на каждую из них осуществляется адресно, интенсивно и качественно; и на этом этапе необходимо предусмотреть меры, направленные на подготовку и проведение операций по информационным прививкам против вновь появляющихся диффамационных воздействий.

Меры по доведению информации о стратегии и тактике организаторов психологических операций: здесь необходимо довести информацию о реальных планах, стратегии и тактике, которые применялись в ходе организации и проведения психологических операций; о том, что уже произошло и что могло бы произойти, если бы не были проведены меры по разоблачению замыслов организаторов психологических операций; главная задача — показать как организаторы последних пытались достичь поставленных целей.

Меры по доведению информации о технологиях манипулятивного воздействия в ходе проведения психологических операций: эти меры должны быть направлены прежде всего на то, чтобы показать людям все те приемы и методы, с помощью которых ими манипулировали; наглядно показать — кто, когда и как обманывал людей, причем и здесь следует учитывать психологические особенности представителей различных страт.

Меры по доведению реальной информации по базовым контентам, использованным при проведении психологических операций: тут решаются вопросы, связанные с раскрытием приемов организаторов психологических операций, в том числе и с применением фейков, направленных на использование реальной информации, но с ложной интерпретацией; эти меры могут проводиться как последовательно, так и в определенном сочетании одновременно, но с обязательной ориентацией на особенности социальных страт.

Устранение последствий психологических операций

Технологии устранения последствий деструктивного воздействия психологических операций включают в себя: подготовку и проведение циклов телепередач на топовых каналах, направленных на информационное обеспечение разработанной идеологии; широкомасштабное проведение подготовленных дискуссионных клубов в социальных сетях, использовавшихся в ходе проведения психологических операций; подготовку и размещение на телевидении и в социальных сетях документальных роликов, дискредитирующих замыслы разработчиков психологических операций; подготовку и размещение аналогичных материалов в зарубежных СМИ, в первую очередь тех стран, с чьих территорий наиболее активно и агрессивно проводились

психологические операции; проведение мониторинга эффективности примененных технологий устранения последствий деструктивного воздействия психологических операций.

Важно понимать, что работа по нейтрализации деструктивного воздействия психологических операций с использованием спецпропаганды должна проводиться системно и на государственном уровне. Эта работа требует подготовки специалистов для работы на каждом из выделенных этапов, она не может быть краткосрочной и требует серьезных бюджетных затрат.

Список литературы

1. Brown J. From Propaganda to Brainwashing. Harmondsworth, 1963.
2. Anne Morelli Die Prinzipien der Kriegspropaganda Éditions Labor, Brüssel. 2004.
3. Arthur Ponsonby. Falshood in Wartime. 1922.

К.С. СТРИГУНОВ
А.А. АЛАУДИНОВ
А.Р. ГОНЧАРЕНКО

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

***Аннотация.** В условиях перехода к многополярному миру международные акторы все чаще прибегают к использованию средств и методов гибридных войн, что обуславливает актуальность их исследования и классификации. Цель данной работы — классифицировать формы гибридных войн. Ключевым критерием предложенной в статье классификации выступает наличие или отсутствие кинетического воздействия. Введен континуум, где формы гибридных войн располагаются в зависимости от их схожести с информационными или традиционными войнами. Показан переход одной формы гибридной войны в другую.*

***Ключевые слова:** кинетические гибридные войны, некинетические гибридные войны, континуум гибридных войн, цветные революции, традиционные войны.*

CLASSIFICATION OF FORMS AND METHODS OF CONDUCTING CONTEMPORARY HYBRID WARS

***Abstract.** In the context of the transition to a multipolar world, international actors are increasingly resorting to the use of means and methods of hybrid warfare. This fact determines the relevance of their research and classification. The aim of this work is to classify the forms of hybrid warfare. The key criterion of the classification proposed in the article is the presence or absence of kinetic military action. The continuum of hybrid wars is introduced, where the forms of hybrid wars are disposed depending on their similarity to information or traditional wars. The transition of one form of hybrid warfare into another is shown.*

***Keywords:** kinetic hybrid wars, non-kinetic hybrid wars, continuum of hybrid wars, color revolutions, traditional wars.*

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич — кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям, г. Москва
АЛАУДИНОВ Алты Аронович — кандидат политических наук, командир спецназа АХМАТ, г. Ростов-на-Дону
ГОНЧАРЕНКО Анна Романовна — аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Разнообразие проявлений гибридных войн требует их классификации. Следовательно, в первую очередь необходимо выбрать критерий, на основе которого и будет создана такая классификация. Однако перед тем, как приступить непосредственно к выработке типологии, следует выделить важный аспект. У разных видов гибридных войн есть общие признаки. Например, фактор информации, информационно-психологических операций и вбросов присутствует практически по всех формах таких войн. Мероприятия в информационном поле составляют жизненно важную часть этих вооруженных конфликтов, без которых их проведение в современных условиях просто невыносимо. Из этого следует, что классификация форм гибридных войн отчасти условна, однако данное обстоятельство не означает, что она невозможна в принципе.

Критерии классификации гибридных войн

Поскольку гибридные войны могут включать в себя разные компоненты — от информационно-психологических операций до широкомасштабного использования иррегулярных формирований из террористов, наемников и криминала, — их классификацию логично провести по уровню применения кинетического воздействия, но при условии, если участие собственно вооруженных сил государств в конкретном военном конфликте играет второстепенную роль. В противном случае — то есть, если вооруженные силы выходят на передний план, военный конфликт приобретает черты традиционного. Поэтому критерием классификации гибридных войн мы предлагаем сделать кинетическое воздействие без масштабного участия вооруженных сил. Под этим мы понимаем континуум в виде перехода от масштабных некинетических воздействий, где доминируют «мягкая сила» [1], информационно-психологические операции и атаки, а также вбросы и фейковые новости, до масштабных военных конфликтов с кинетическими операциями, но в отсутствие использования государственных вооруженных сил или при их незначительном участии¹.

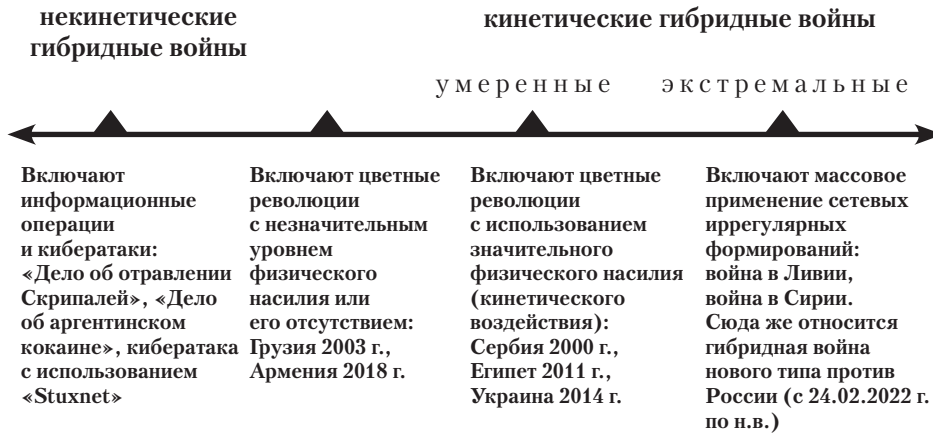
С ростом кинетического воздействия, его видов и масштаба, определяется характер гибридных войн. Если доминируют информационно-психологические операции и кибератаки на элементы инфраструктуры, а также смешанный тип воздействия, тогда по своему характеру гибридная

¹ Под «незначительным участием» вооруженных сил государств мы понимаем такое участие, которое выполняет вспомогательную роль в военном конфликте, а основная ставка субъектами военного конфликта сделана на информационно-психологические операции, кибератаки, работу НПО и НКО, использование террористических методов, диверсий, протестных движений, криминальных элементов, радикалов-экстремистов и т.п. В соответствии с замыслом субъекта (актера) гибридной войны такие средства и методы должны в итоге привести к цели (нанесение поражения противнику) без масштабного и явного участия, — в отсутствие применения своих вооруженных сил, то есть ниже порога идентификации традиционного военного конфликта.

война окажется ближе к информационной и кибервойне. На другом конце спектра она приближается к традиционной, но в ней вооруженные силы государств все еще не применяются или задействуются ограниченно, если речь идет о кинетических операциях². Это означает, что вооруженные силы могут быть использованы, но только в форме, например, специальных операций (контртеррористических, диверсионно-разведывательных, спасательных), в разведке (в частности, предоставление разведанных своим союзникам из числа иррегулярных формирований), в информационно-психологических операциях (провокации, дезинформация, внесение раскогласования в действия руководства государства-мишени и дестабилизация социально-политической ситуации в нем) и кибератаках (сбои в средствах связи; фишинговые атаки; нанесение урона стратегической инфраструктуре, как это было сделано в отношении иранской ядерной программы, подвергшейся деструктивному воздействию с использованием вредоносного программного обеспечения Stuxnet [2, p. 80–91]), координации агентуры и наемников [3, с. 156–165]. Таким образом, гибридные войны классифицируются по степени кинетического воздействия на государство-мишень.

Поскольку степень применения физического насилия в виде кинетического воздействия для разных гибридных войн отличается, мы предлагаем разделить их на две основные группы: некинетические гибридные войны и кинетические гибридные войны. Вторая группа делится на две подгруппы, сегрегированные в зависимости от степени кинетического воздействия и, как следствие, уровня физического насилия и разрушений: умеренные и экстремальные гибридные войны. При этом важно подчеркнуть, что разделение не противоречит единому континууму гибридных войн; так, средства и методы некинетических гибридных войн могут применяться в гибридных войнах кинетического типа. Как показала практика, гибридных войн без активного воздействия в информационном домене не бывает. На рисунке показан континуум гибридных войн в зависимости от уровня кинетического воздействия. Отметим, что в этот континуум включены цветные революции, которые мы рассматриваем как важный элемент в некоторых формах гибридных войн. На представленной схеме цветные революции в Грузии [4] и Армении [5] занимают промежуточное положение, так как в этих странах предыдущую власть организаторам переворотов удалось сместить фактически без применения физического насилия (кинетического воздействия).

² В данном исследовании мы используем два термина: «кинетическое воздействие» и «кинетические операции». Второе является разновидностью первого. В узком смысле кинетические операции относятся к действиям вооруженных сил в традиционных военных конфликтах, поэтому, чтобы избежать путаницы, мы используем термин «кинетическое воздействие» применительно к гибридным войнам, где участие вооруженных сил либо отсутствует, либо оно незначительно.

Континуум от некинетических до экстремальных кинетических гибридных войн

В левой части континуума некинетические гибридные войны могут совпадать, но не всегда, с информационными (информационно-психологическими) войнами. Чаще всего некинетические гибридные войны выходят за пределы информационных войн, так как их субъекты могут применять, например, еще и экономические санкции. Фактически представленный в данном исследовании подход показывает, какое место занимают гибридные войны в классификации военных конфликтов, — от схожих с информационными и торговыми войнами до форм, схожих с традиционными войнами (военными конфликтами). Выбор континуума удобен тем, что он показывает, как одна форма гибридных войн может переходить в другую. Это разрешает проблему строгой формализации границ при поиске ответа на вопрос, что считать гибридной войной, а что нет. Полагаем, что провести четкую демаркационную линию, отделяющую традиционную войну от гибридной, практически невозможно, однако выявить различия между ними — решаемая задача.

Некинетические гибридные войны

Рассмотрим общие признаки групп и подгрупп гибридных войн. Основной акцент в некинетических гибридных войнах делается на действия в трех доменах: информационно-психологическом, кибернетическом и экономическом. Действия могут быть только в одном из них, либо сразу в двух или трех.

Противостояние в информационно-психологическом домене (сфере) сопряжены с использованием информационного оружия в форме информационных (в данном случае — информационно-психологических) операций.

Кроме информационных операций, соответствующих оперативному уровню ведения информационной войны³, используются информационные атаки (тактический уровень). Также выделяется инструментальный уровень [6] (например, фейки). Информационно-психологические операции в гибридных войнах применяются всегда и без исключения: обратных примеров не существует. В этом гибридные войны схожи с традиционными военными конфликтами. Разница состоит в том, что в гибридных войнах такие операции выполняют не вспомогательную функцию, а основную.

Другим доменом, в котором осуществляется противоборство в форме гибридных войн, выступает киберпространство (или кибервойны). Следуя определению бывшего советника Белого дома по борьбе с терроризмом Ричарда Кларка и научного сотрудника по международным делам в Совете по международным отношениям Роберта Нейка, под *кибервойной* мы понимаем действия национального государства по проникновению в компьютеры или сети другой страны с целью нанесения ущерба или нарушения работы [7]. Однако, как показывает опыт современных конфликтов, участвуют не только национальные государства, но и негосударственные акторы.

Фактически, если реальная война разворачивается в спектре, ограниченном концепцией абсолютной войны, с одной стороны, и отсутствия войны, с другой стороны, то этот спектр должен включать кибератаки, из которых и состоит кибервойна, но которые не причиняют очевидного физического ущерба. В то же время последствия кибер-нападения по своему конечному результату могут быть сопоставимыми с кинетическим воздействием (или кинетическими операциями, если речь идет о средствах и методах традиционной войны). Мероприятия в киберпространстве столь же свойственны гибридным войнам, как и информационно-психологические операции. Более того, кибератаки могут теснейшим образом быть связанными с информационно-психологическими операциями, поскольку донесение до противника информации, направленной на введение его в заблуждение, деморализацию и/или дезорганизацию, зачастую требует взлома элементов информационной системы противника — сайтов СМИ, правительственных учреждений, аккаунтов лидеров общественного мнения и тому подобного, при защите своих аналогичных систем.

Также к некинетическим гибридным войнам следует отнести так называемые торговые войны, суть которых особенно явно проявилась во время противостояния в торгово-экономической сфере между США и Китаем во время президентства Дональда Трампа. Тогда Вашингтон значительно поднял пошлины на китайские товары, часть из которых облагалась пошлиной в 25 процентов [8, с. 95–109]. В силу торгового дисбаланса Китай получал

³ Стратегический уровень соответствует самой информационной войне, с которой может совпадать гибридная война, обозначенная в самой левой части континуума.

больший экономический урон, чем США, и это хорошо понимали Д. Трамп и его администрация. Синхронно с этим был введен ряд санкций против китайских высокотехнологических компаний по типу Huawei, которой министерство юстиции США предъявило обвинения в краже американских технологий, заговоре, банковском мошенничестве, ракете и оказании помощи Ирану в обходе санкций⁴.

Это не единственные санкции в отношении Китая и его компаний, однако данный пример наглядно демонстрирует, как в условиях интенсивной глобализации и сильной торгово-экономической взаимозависимости между акторами можно использовать экономические инструменты (например, санкции, пошлины) в качестве оружия. Все эти действия практически всегда сопровождаются массированными медиа-кампаниями, вбросами (фейками) и взаимными обвинениями. Многие из усилий в информационном пространстве имеют признаки синхронизации с действиями в экономической сфере. Из этого следует, что при смещении в левую часть континуума (см. рисунок) гибридные войны имеют сходство также и с торговыми войнами. Нет сомнений, что наработанный опыт будет применен акторами в дальнейшем.

Кинетические гибридные войны

По мере смещения в правую область континуума гибридных войн их формы включают в себя кинетическое воздействие. Чем сильнее смещение вправо, тем все больше гибридные войны приближаются к традиционным. Физическое насилие занимает все большую долю, а это означает рост кинетического воздействия.

В первую подгруппу кинетических гибридных войн входят умеренные гибридные войны, которые в себя включают цветные революции. В большинстве случаев (но не всегда) цветные революции сопровождаются применением физического, то есть прямого насилия. Примеров этому масса: от «бульдозерной революции» в Сербии [9, с. 119–135] до переворотов «арабской весны» [10, с. 46–54]; от так называемого Евромайдана на Украине [11, с. 130–141] до свержения Эво Моралеса в Боливии [12].

Если в условиях традиционной войны вооруженные силы осуществляют кинетические операции, в которые входят любые виды боевых действий, где целям наносится физический урон (поражение или уничтожение), то в цветных революциях кинетическое воздействие может включать в себя любое насилие — от бросков в полицию кусков брусчатки до вооруженных столкновений толпы и агентов-provokatorov/агентов-боевиков (как,

⁴ The United States Further Restricts Huawei Access to U.S. Technology // U.S. Department of State: [сайт]. [2020]. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-united-states-further-restricts-huawei-access-to-u-s-technology/> (дата обращения: 01.11.2023).

например, стрелки во время событий на Украине в 2013–2014 гг.) с силами органов правопорядка и госбезопасности государства.

Силовое давление играет очень важную роль в цветных революциях тогда, когда ее организаторы не в состоянии достигнуть своей цели, суть которой состоит в захвате и удержании власти в государстве-мишени с последующим установлением подконтрольного правительства. При таком сценарии развития событий организаторы цветных революций и проводники их интересов на территории государства-мишени могут инфильтрировать в среду протестного движения боевиков-радикалов, наемников, профессиональных провокаторов, представителей преступных организаций, перед которыми ставится задача стравливания властей и протестующих, сознательное и целенаправленное усиление эскалации с последующей дестабилизацией внутренней социально-политической ситуации. Этим создаются условия для фокусировки международного информационно-психологического, политико-дипломатического и экономического давления в отношении представителей власти, показываемых как душителей свобод и кровавых тиранов, которым не место в цивилизованном мире.

Некоторые цветные революции по уровню насилия приближаются к не-международным вооруженным конфликтам. Так, только в январе-феврале 2011 года в Египте погибло 846 человек [13, р. 60–62] и еще порядка 6 тысяч получили ранения (всего за 18 дней беспорядков). В принципе, цветные революции, для большинства из которых характерно кинетическое воздействие, выступают в роли важнейшей составляющей отдельных форм гибридных войн. С одной стороны, такие умеренные (по уровню используемого прямого физического насилия) гибридные войны имеют выраженное отличие от традиционных войн, поскольку в цветных революциях практически не задействуются вооруженные силы⁵; с другой — с помощью технологий цветных революций возможен захват власти без боевых действий, характерных для традиционных войн, что отвечает особенностям гибридных войн, проводимых ниже порога традиционной войны. На развязанную в отношении государства-мишени гибридную войну, осуществляемую с акцентом на использовании технологий цветных революций, нельзя ответить так же, как на явное нападение, то есть с использованием для этого вооруженных сил.

В самой правой части континуума гибридных войн расположены их наиболее экстремальные формы (см. рисунок). Речь идет о гибридных войнах, в которых основная ставка сделана на разного рода парамилитарные формирования иррегулярного типа, в частности: террористов, наемников, криминальных элементов, повстанцев, партизан. Среди них могут

⁵ Более того, цветные революции осуществляются таким образом, чтобы нейтрализовать вооруженные силы, вынудив их либо отказаться от прямой поддержки одной из сторон, либо перейти на сторону протестных групп.

находиться бойцы сил специальных операций, а также агентура разведок, осуществляющая координационную функцию среди боевиков. Согласно современным исследованиям, такой военный конфликт осуществляется с помощью аморфных групп, действующих по принципу роя. В частности, офицеры Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации И.М. Попов и М.М. Хамзатов отмечали, что изначально на территории государства-мишени формируется «облачный» (аморфный) противник [14, с. 505], чьи структуры обеспечения и стратегический тыл находятся за пределами государства-мишени, на территории стран, которые формально в конфликте не участвуют. Более того, роевые группы формируются и взаимодействуют по сетевому и сетецентрическому принципу [15, с. 8–27], с децентрализованной тактикой, однако их цель подчинена единой стратегии.

Важно отметить, что для иррегулярных формирований не так остра проблема деиерархизации, как для вооруженных сил классического типа, так как это противоречит их основной форме организации, с подчинением директивным указаниям, идущим сверху [16, с. 116–137]. У парамилитарных иррегулярных групп отсутствует твердая и постоянная организация. Поэтому им адаптироваться к сетевой форме легче — и организационно, и, что особенно важно, психологически. Соответственно, внедрение сетевых и сетецентрических принципов управления и организации в иррегулярных группировках проще, чем в вооруженных силах. Это дает им определенное преимущество, в том числе возможность их организации спецслужбами и военными ведомствами государств, которые используют подобные формирования против государств-мишеней.

Наиболее известными примерами кинетических гибридных войн экстремального типа являются войны в Ливии и Сирии. В первом случае, до непосредственного вмешательства НАТО в войну основной акцент в боевых действиях против сил Муаммара Каддафи делался на разного рода террористах (например, из Ливийской исламской боевой группы⁶ и «Аль-Каиды исламского Магриба», АКИМ [17] — запрещенная в России террористическая организация). Итогом стало свержение и убийство Каддафи. Последствия для страны оказались катастрофическими: распад, новые войны, распространение терроризма и бандитизма, гуманитарная катастрофа, исход беженцев, экономический коллапс.

Особенно проявилась экстремальная форма кинетической гибридной войны в Сирии, где с 2011 года против правительственных сил ведут боевые действия боевики из множества стран мира. В этой войне были отработаны новейшие на тот момент практики разрушения государства без прямой интервенции, что привело к катастрофическим последствиям для Сирии.

⁶ Филиал запрещенной в России террористической организации «Аль-Каида».

Если бы не участие России и Ирана на стороне правительства Башара Асада, сирийское руководство было бы свергнуто. Эти формы гибридных войн по своим разрушительным последствиям и жестокости сопоставимы с традиционными войнами.

Заключение

Сложность с формализацией разновидностей гибридных войн продемонстрировала, что строгое разделение между ними практически невозможно. Это определило и подход в данном исследовании, состоящий в уходе от строгой сегрегации форм таких войн к их континууму, на котором эти формы отображены. Критерием предложенной авторами классификации выступает наличие или отсутствие кинетического воздействия. Рассмотрение разнообразия гибридных войн в зависимости от степени применения кинетического воздействия позволило показать, при каких условиях гибридные войны перестают быть отличны, например, от информационно-психологических войн, а при каких — они по своим характеристикам всё больше приближаются к традиционным военным конфликтам, где доминирует применение вооруженных сил в качестве главного инструмента достижения военно-политических целей. Континуум гибридных войн позволяет решить проблему отсутствия четких границ, — где заканчиваются одни формы гибридных войн, а где начинаются другие; наконец, где заканчиваются войны гибридные и начинаются традиционные. Формы гибридных войн, не имея строгих границ, плавно переходят из одной в другую, чем напоминают диффузию веществ, между которыми нельзя провести строгую разграничительную линию, но тем не менее сами вещества отличаются по своим физико-химическим свойствам.

Список литературы

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
2. Collins S., McCombie S. Stuxnet: the emergence of a new cyber weapon and its implications // Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism. 2012. V. 7. № 1.
3. Репко С.И. Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 778.
4. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
5. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020.
6. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018.
7. Clarke R., Knake R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. New York, NY: Ecco, 2012.

8. Карпович О.Г., Литвинов В.О. Перспективы торгового противостояния КНР и США // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4(26).
9. Наумов А.О. «Бульдозерная революция» в Сербии 2000 года: технологии смены политического режима // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 4.
10. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19.
11. Ананьева Е.В., Сафронов А.В. Киевские хроники // Современная Европа. 2015. № 2.
12. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466.
13. Nagy N. The Egyptian revolution seen through the eyes of a psychiatrist // International Psychiatry. 2012. V. 9. № 3.
14. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018.
15. Минасян С.М. Сирийский гамбит Москвы. Риски и перспективы первой «заморской» операции России // Россия в глобальной политике. 2015. № 6.
16. Чижевский Я.А. Реализация концепции сетецентрических боевых действий в вооруженных силах США // Военная мысль. 2019. № 3.
17. «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014.

А.А. ИВАНОВ

СУЩНОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается развернутое содержание определения представительного органа муниципального образования в теоретическом аспекте. С опорой на прикладные научные исследования авторитетных ученых в области рассматриваемой темы автором сформулировано собственное теоретическое понятие представительного органа муниципального образования как базисного органа в структуре публичной власти, реализующего полномочия местного самоуправления в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** представительный орган, местное самоуправление, народное представительство, публичная власть, муниципальное право.*

THE ESSENCE AND THEORETICAL NATURE OF THE REPRESENTATIVE BODY OF THE MUNICIPALITY

***Abstract.** The article considers the detailed content of the definition of a representative body of a municipality in the theoretical aspect. Based on the applied scientific research of authoritative scientists in the field of the topic under consideration, the author formulates his own theoretical concept of a representative body of a municipal formation as a basic body in the structure of public authority exercising the powers of local self-government in the Russian Federation.*

***Keywords:** representative body, local self-government, people's representation, public authority, municipal law.*

Непоколебимой составляющей правового государства и конституционного строя Российской Федерации является принцип разделения властей, который закреплен в статье 10 Основного закона нашей страны. В связи с этим для организации правового государства обособляются и разграничиваются три целостные ветви государственной власти: законодательная, исполнительная и судебная.

Субъектами непосредственно законодательного характера властных полномочий выступают органы государственной власти и органы местного

ИВАНОВ Артем Александрович — аспирант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Красногорск

самоуправления. Они, формируясь посредством института выборов и иными формами непосредственной демократии, могут быть названы законодательными или представительными органами.

При рассмотрении теоретического генезиса и теоретической природы представительного органа муниципального образования есть смысл обратиться к первоисточнику. Законодательство в России прямо не предусматривает определения понятия представительного органа муниципального образования. Из части 2 статьи 130 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция или Основной закон) следует, что местное самоуправление осуществляется гражданами в том числе через выборные и другие органы местного самоуправления. Согласно положениям статьи 130 местное самоуправление реализуется гражданами в различных организационных формах.

К атрибутам непосредственной демократии в Российской Федерации относятся местный референдум, сход граждан, муниципальные выборы, народная правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичное слушание, собрание граждан, опрос граждан, обращение граждан в органы местного самоуправления и конференция. Эти правовые номенклатуры не являются исчерпывающими, так как граждане имеют право участвовать в реализации местного самоуправления и посредством иных форм организации деятельности по решению местных вопросов. Формы могут быть любыми из перечня тех, которые установлены Конституцией, федеральными законами или законами субъектов Российской Федерации.

Обозначенные организационные формы объединяются в единую структуру местного самоуправления определенным видом муниципального образования, которая в свою очередь взаимодействует с органами государственной власти для наилучшей результативности. Именно через эту структуру гражданами решаются вопросы местного значения. Разграничение предметов ведения и полномочий между различными способами осуществления местного самоуправления представляет собой главный базис единства структуры, которое проявляется еще и в том, что все организационные формы этой структуры объединены, действуют совместно находясь во взаимосвязи и взаимовлиянии друг на друга.

В рамках обоюдно структурированных правоотношений одни формы единой структуры являются производными от других или связаны между собой отношениями дирекции, подотчетности и ответственности или подотчетности и подконтрольности. Следует также обратить внимание на то, что в отличие, например, от государственного аппарата, образующего единую структуру в рамках всего государства, местное самоуправление создает некую структуру лишь в рамках соответствующих муниципальных образований, а структура местного самоуправления, закрепившись в одном муниципальном образовании, совершенно независима от аналогичной структуры в любом другом муниципальном образовании [1, с. 173–175].

На основании части 2 статьи 1 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — закон о местном самоуправлении) местное самоуправление — это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения под свою ответственность.

В отличие от Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу), актуальный закон идентифицирует местное самоуправление не как «деятельность населения», а как «форму осуществления народом своей власти», что значительно соотносится с нормами Конституции (ст. 3). Оно может реализовываться населением непосредственно или опосредованно через создание органов местного самоуправления. В соответствии со статьей 131 Конституции структура органов местного самоуправления формируется населением; таким образом, обеспечивается опосредованное участие населения в решении вопросов местного значения [2].

* * *

Осуществление местного самоуправления невозможно без наличия специально уполномоченных органов, которым население муниципального образования делегирует право решать вопросы местного значения. Под структурой органов местного самоуправления в нашем случае понимается конфигурация имеющих самостоятельный статус органов, реализующих на территории муниципального образования функции и полномочия местного самоуправления [3].

В соответствии с частью 1 статьи 34 закона о местном самоуправлении структуру органов местного самоуправления составляют: представительный орган муниципального образования; глава муниципального образования; местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования); контрольно-счетный орган муниципального образования; иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Согласно части 2 указанной статьи наличие в структуре органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования по нынешним нормам права является обязательным. На основании части 2 статьи 35 закона о местном самоуправлении представительный орган поселения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, внутригородского муниципального образования города федерального значения состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах.

К примеру, согласно пункту 1 статьи 12 Закона города Москвы от 6 ноября 2002 года № 56 «Об организации местного самоуправления в г. Москве» (далее — закон о местном самоуправлении в г. Москве) представительный орган состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах жителями муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании в соответствии с федеральными законами и законами Москвы. Представительный орган местного самоуправления может иметь следующие наименования: Совет депутатов муниципального округа; Совет депутатов городского округа; Совет депутатов поселения (п. 1 ч. 2 ст. 10 закона о местном самоуправлении в г. Москве).

Состав представительных органов муниципального района и городского округа с внутригородским делением, а также порядок их избрания (формирования) предусмотрены частями 4, 5 статьи 35 закона о местном самоуправлении. Численность депутатов представительного органа поселения, муниципального округа, городского округа определяется уставом муниципального образования и не может быть менее:

- 7 человек — при численности населения менее 1000 человек;
- 10 человек — при численности населения от 1000 до 10 000 человек;
- 15 человек — при численности населения от 10 000 до 30 000 человек;
- 20 человек — при численности населения от 30 000 до 100 000 человек;
- 25 человек — при численности населения от 100 000 до 500 000 человек;
- 35 человек — при численности населения свыше 500 000 человек.

Численность депутатов представительного органа муниципального района определяется уставом муниципального района и не может быть менее 15 человек (ч. 6 и 7 ст. 35 закона о местном самоуправлении).

Согласно части 10 статьи 35 закона о местном самоуправлении в исключительной компетенции представительного органа муниципального образования находятся:

- принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений;
- утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении;
- установление, изменение и отмена местных налогов и сборов в соответствии с законодательством России о налогах и сборах;
- утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования;
- определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности;
- определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий, а также об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений, выполнение работ, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами;
- определение порядка участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества;

- определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления;
- контроль за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения;
- принятие решения об удалении главы муниципального образования в отставку;
- утверждение правил благоустройства территории муниципального образования.

* * *

Представительный орган муниципального образования заслушивает ежегодные отчеты главы муниципального образования, главы местной администрации о результатах, деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования (ч. 11.1 ст. 35 закона о местном самоуправлении).

Нормативные правовые акты представительного органа муниципального образования, предусматривающие установление, изменение и отмену местных налогов и сборов, осуществление расходов из средств местного бюджета, могут быть внесены на рассмотрение представительного органа муниципального образования только по инициативе главы местной администрации или при наличии заключения главы местной администрации (ч. 12 ст. 35 закона о местном самоуправлении).

Организацию деятельности представительного органа муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования осуществляет глава муниципального образования, а в случае если указанное должностное лицо исполняет полномочия главы местной администрации, — председатель представительного органа муниципального образования, избираемый этим органом из своего состава (ч. 14 ст. 35 закона о местном самоуправлении).

Расходы на обеспечение деятельности представительного органа муниципального образования предусматриваются в местном бюджете отдельной строкой в соответствии с классификацией расходов бюджетов России (ч. 15 ст. 35 закона о местном самоуправлении).

Таким образом, представительный орган муниципального образования — это обязательный орган в структуре органов местного самоуправления, который состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах жителями муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права с учетом принципа тайного голосования, деятельность которого направлена на осуществление жителями муниципального образования своей власти, в сферах решения вопросов местного значения.

В свете вышеизложенного Е.В. Белоусова пишет: «Процесс реформирования местного самоуправления невозможен без совершенствования организации и деятельности представительных органов власти. Представительные органы местного самоуправления, являясь институтом организации народо-властия на местном уровне, организационно обособленным от системы государственной власти, занимают доминирующее положение в системе публичной власти муниципального образования. Научно обоснованная реализация системы конституционных принципов организации и деятельности представительных органов местного самоуправления позволяет создать лучшие условия для участия этого института в ускорении формирования и развития гражданского общества в России, повышении активности населения и приближении власти к народу. Представительные органы местного самоуправления как элемент органов публичной власти являются важнейшим инструментом для решения на местах многих вопросов социально-экономического и иного характера в Российской Федерации» [4, с. 3].

Мы полностью разделяем данный подход, так как главной характерной особенностью местного самоуправления является широкое участие граждан в решении вопросов, относящихся к вопросам местного значения. При этом способ выражения этого участия всегда будет «поставлен ребром» посредством представительной демократии.

С.А. Авакьян в контексте исследуемой темы утверждает: «Ключевым набором организационных средств выражения интересов народа стали именно органы народного представительства, как органы, сформированные населением. Это органы государственной власти и органы местного самоуправления. В своем большинстве это коллегиальные органы. Однако к ним добавляется и осуществление задач представительства индивидами, избранными народом, а также органами, производными от органов и лиц, которым поручены народом задачи представительства. Поскольку непосредственное выражение своих интересов народом и его участие во власти, состоящее в совокупности институтов непосредственной демократии, занимает подчиненные позиции, с учетом реальностей жизни мы так же в характеристике народного представительства пойдем по пути анализа сначала системы органов, выполняющих представительские задачи, и уже после этого обратимся к институтам непосредственной демократии как совокупности прямых путей выражения народом своих интересов» [5, с. 83]. То есть, сознательно будем исходить из того, что народное представительство чаще всего ассоциируется с коллегиальными представительными органами власти.

Природа этих органов настолько широко и регулярно освещается в литературе, что любой исследователь, даже если он, как автор этих строк, занимается темой постоянно, рискует получить упреки в неполноте изложения либо, наоборот, в обращении к известным в данной теме аспектам. В данной парадигме С.А. Авакьян считает необходимым обозначить исходные начала теоретической природы представительства, принятие решения об удалении

главы муниципального образования в отставку и выделяет ряд базисных характеристик органов народного представительства, позволяющих им претендовать на ведущее место в системе средств выражения интересов народа: «1) Прежде всего это органы публичной власти. А это значит, что они — с учетом уровня — наделены правом участия в руководстве делами соответственно страны или части ее территории. По официальной концепции, принятой в государстве, представительные органы на всех уровнях их создания могли считаться органами государственной власти, — так было, например, в советский период нашей истории. Но может быть и так, что одни уровни относятся к числу государственных органов, другие нет. Формально их называют органами местного самоуправления, но относят к системе органов публичной власти в тех аспектах, что они наделены правами принятия обязательных решений, исполнение которых при необходимости обеспечивается силой и принуждением со стороны государства. Такой подход мы можем констатировать в нашей стране в постсоветский период ее развития, то есть и в настоящее время.

2) Эти органы представляют население страны, территории, на которой действуют, причем и внутри ее, и за ее пределами. Представительство — это, с одной стороны, идеологическая основа, ключевая составляющая характеристики таких органов, они отражают (призваны отражать) в целом интересы населения; с другой стороны, представительство воплощается в возможностях граждан и их групп обращаться к органам в целом, к конкретным депутатам и сотрудникам со своими заботами, получать их понимание, поддержку, помощь. Таким образом, в основе представительства — широкий комплекс возможностей сторон, рождающий их особые взаимоотношения.

3) В развитие сказанного следует также отметить, что органы представительства чаще всего избираются населением. Избрание — это акт публичной легитимации воли народа, в силу которого орган вправе считать себя законно созданным и реализующим „прилагающиеся“ к его статусу полномочия и действия. Может быть и так, что какие-то из органов не избираются непосредственно населением, а формируются избранными народом коллегиальными или единоличными органами, представляющими народ. В таком случае на сформированные таким способом органы „снисходит благодать“ опосредованного доверия населения и сформировавшего органа. И к тому же законодатель сопровождает в данном случае регламентацию статуса подобного органа указаниями на то, что данный орган также представляет народ, обязан руководствоваться его интересами, оставляя за населением, отдельными гражданами возможности обращения к органу с целями доведения до них возникших проблем и надеждой на помощь. К примеру, по ходу освещения темы мы уже упоминали о том, что звенья суда, прокуратуры формируются с участием Президента Российской Федерации и Совета Федерации как палаты Федерального Собрания, то есть представительных органов, производных от народа; но в своей деятельности судьи и работники

прокуратуры руководствуются как законом, так и обращениями граждан, и имеют полное право сказать, что они так или иначе участвуют в отношениях представительства, действуют в интересах и государства, и народа (населения).

4) Поскольку в первую очередь нас интересуют непосредственно производные от народа органы представительства, отметим также и особенности, связанные с методами их работы. Обобщенно говоря, у них свой образ деятельности. Его главные черты: для коллегиальных органов — публичные заседания, гласное обсуждение вопросов, принятие решения посредством голосования, образование внутренних подразделений, формируемых из части членов данного органа (комитеты, комиссии, иногда президиумы); для индивидуального органа — как правило, публичность обсуждения проектов его решений, создание различных совещательно-консультативных подразделений вокруг руководителя — комиссий, советов, групп, возглавляемых и заседающих чаще всего под председательством руководителя или кого-то из его приближенных» [5, с. 86–88].

По мнению Н.В. Мижаревой, «Вопрос о содержании категории представительства является весьма актуальным. В российском законодательстве (как федеральном, так и законодательстве субъектов Российской Федерации) термин „представительный орган“ используется довольно часто. Хотя российские законодательные акты не дают определения представительного органа, комплексный анализ норм, посвященный этим органам, позволяет сделать вывод, что законодатель в большинстве случаев рассматривает их исключительно как коллегиальные, избранные гражданами органы государственной власти или местного самоуправления. Понятие „представительство“ широко используется в различных отраслях права, однако лишь в конституционном и муниципальном праве представительство, будучи непосредственно связанным с властеотношениями, является одной из фундаментальных категорий. В качестве субъектов властеотношений представительства выступают отдельные органы государственной власти и местного самоуправления; в субъектах Российской Федерации — это законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы муниципальных образований. Итак, для более глубокого понимания сущности представительства как общего признака соответствующих органов необходимо рассмотреть его соотношение с выборностью как основным и единственным способом формирования представительных органов государственной власти и муниципальных образований, который является традиционной формой демократического самоуправления. В конституционном и муниципальном праве понятие „выборы“ многоаспектно. Выборы определяются как способ и процедура формирования органов государственной власти и местного самоуправления, как одно из проявлений народного представительства, как форма непосредственной демократии, средство реализации политических прав граждан и их гарантия, элемент политического

процесса, форма политической борьбы за власть. Каждая из приведенных характеристик выборов отражает их политико-правовую природу и включается в содержание различных теоретических и нормативных построений конституционного права: статус выборных органов государственной власти и местного самоуправления, принцип народовластия, конституционный статус гражданина. Поэтому непосредственное избрание гражданами государственных органов и органов местного самоуправления обеспечивает начала представительности, приносит элементы представительства в природу государственных органов и органов местного самоуправления. В связи с этим необходимо отметить, что выборность является одним из основных свойств представительных органов, которое в совокупности с другими свойствами этих органов — коллегиальностью, особым характером связи народных представителей с избирателями — позволяет характеризовать указанные органы как представительные» [6, с. 14–30].

Со своей стороны отметим, что выборный характер представительных органов выступает вектороопределяющим признаком, который обеспечивает качественную специфику понятия «представительность», а сами выборы являются единственно возможной формой реализации для создания представительных органов в современном демократическом государстве.

* * *

Говоря о формулировке и содержании самого понимания представительного органа, В.Г. Лякишева интерпретирует его как орган, «избранный населением и представляющий интересы населения соответствующей территории. Он состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах. Депутаты с наибольшей полнотой должны выражать интересы населения, принимать от его имени решения по наиболее важным вопросам местной жизни и, в первую очередь, устав муниципального образования» [7, с. 147].

Е.В. Белоусова отмечает: «Представительные органы (органы народного представительства) — избираемые народом Российской Федерации (либо его частью (населением представляемой единицы) на определенный срок, призванные выражать волю народа (его части), действующие от имени и по поручению представляемого субъекта коллегиальные формирования, выполняющие на уровне Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования публично-властные полномочия, установленные Конституцией и законодательством Российской Федерации, основной функцией которых является представительство народа (его части) в правотворческой деятельности, участии в формировании других органов и контроле за иными элементами механизма публичной власти». Из определения к специфицированным и базисным признакам органов народного представительства автор относит: избрание этих органов народом на периодических выборах; коллегиальность; наличие механизма влияния на их деятельность со стороны граждан. И только в своей комплексной

группе, по мнению Е.В. Белоусовой, перечисленные признаки позволяют определять органы как представительные. На основании этого автор попыталась сформулировать определение представительного органа местного самоуправления, определяя его как коллегиальный орган публичной власти, формируемый на определенный срок с участием населения посредством использования прямых либо косвенных выборов, представляющий интересы населения муниципального образования и реализующий ответственность перед населением [4, с. 90–92].

В парадигме муниципального права предлагаются и другие определения представительного органа местного самоуправления. Тем не менее, в используемом аспекте воспроизводятся практически все принципиальные направления деятельности местного представительного органа. Первое, это коллегиальная направленность, учитывающая нормы законодательства о количестве депутатов. Второе, ограниченный срок компетенций (от двух до пяти лет), опять же, включая нормы законодательства. Третье, возможные пути его формирования — посредством всеобщего прямого избирательного права с использованием всевозможных избирательных систем (в отношении всех разновидностей представительных органов муниципальных образований) и путем делегирования от представительных органов поселений и глав поселений, расположенных на территории муниципального района (в отношении представительного органа муниципального района). И наконец, четвертое, главная функция представительного органа, расположенного на любой ступени федеративного устройства — это выражение интересов народа (населения).

* * *

Наряду с исследованием теоретического генезиса представительного органа муниципального образования вырисовывается еще одно определение, как публичная власть.

При анализе вопросов сущности и содержания данного института и его теоретического осмысления А.А. Югов обращает внимание на то, что в тексте действующего Основного закона категория «органы публичной власти» непосредственно отражена в пункте е. 5 статьи 83, в котором изложено, что Президент формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях эффективной согласованной работы и взаимодействия органов публичной власти. Далее формула «органы публичной власти» имплицитно присутствует также в части 3 статьи 132, где определено, что органы местного самоуправления и органы государственной власти не формируют всю целостную единую систему публичной власти, а лишь входят в нее наравне с другими органами публичной власти. В этой интерпретации конституционных норм предполагается плюрализм видов органов публичной власти. При любом другом варианте в формулировке части 3 статьи 132 был бы использован глагол «составляют», а не глагол «входят». Автор акцентирует

особое внимание на выявлении и описании признаков, присущих именно органам публичной власти, разделяя их на: «1) правомерный характер осуществления публичной власти; 2) наличие специального аппарата для реализации компетенции; 3) легитимный характер публично-властной деятельности; 4) создание кратологических норм; 5) применение принуждения; 6) обязательность принимаемых властных решений; 7) ответственность перед электоратом; 8) собственная компетенция; 9) наличие экономической основы» [8, с. 3–9].

А.Б. Абазов полагает, что «представительный орган местного самоуправления уже только по самому своему названию позволяет выделить его как основу институционального выражения воли населения, которое делегирует ее своим представителям (депутатам)». Он считает, что орган местного самоуправления «целесообразно определить и законодательно закрепить следующим образом — это избираемый в обязательном порядке населением муниципального образования, подотчетный ему и самостоятельно действующий коллегиальный орган, в наибольшей мере выражающий интересы всего населения и реализующий принцип народовластия в вопросах местного значения путем преимущественно нормотворческой, а также правоприменительной, контрольной и иной деятельности, и наделенный в связи с этим соответствующими полномочиями» [9, с. 42–43].

* * *

На наш взгляд, представительный орган — это коллегиальный и базисный орган в структуре публичной власти, реализующий полномочия местного самоуправления, основанный на воле населения муниципального образования и созданный посредством институтов непосредственной демократии. Представительный орган муниципального образования представляет собой обязательный элемент в структуре органов публичной власти, реализующих полномочия местного самоуправления на территории того или иного муниципального образования. Это подтверждается наличием у него не только исключительных компетенций, но и возможностью взять к своему ведению любой вопрос местного значения.

Список литературы

1. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция с поправками / Е.Ю. Бархатова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 256 с. Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392338535.html> (дата обращения: 25.10.2023).
2. Шкатулла В.И. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / В.И. Шкатулла М.: Юстицинформ, 2019. 592 с. Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. URL:

- <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785720514921.html> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Комментарий к Федеральному закону №131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» / под ред. В.В. Бабичева, Е.С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 672 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1302340> (дата обращения: 25.10.2023).
 4. Белоусова Е.В. Представительный орган местного самоуправления в системе публичной власти муниципального образования в России. Дис. ... д-ра юрид. наук: М., 2011. 468 с.
 5. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография / С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.
 6. Мижарева Н.В. Конституционно-правовые основы взаимодействия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований. Дис. ... канд. юрид. наук: Казань., 2006. 171 с.
 7. Еремин А., Ильин В., Ломова Н., Лякишева В., Мельникова Н. Актуальные проблемы теории и практики муниципального управления: монография / под общ. ред. Н.Г. Ломовой. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 277 с.
 8. Югов А.А. Органы публичной власти в свете конституционной реформы – 2020: понятие и основные признаки / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6.
 9. Абазов А.Б. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений. Дис. ... канд. юрид. наук: М., 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АЛАУДИНОВ Апты Аронович, кандидат политических наук, командир спецназа АХМАТ; ALAUDINOV Apty Aronovich, Candidate of Political Sciences, Commander of the AKHMAT special forces

АЛИЕВ Джомарт Фазылович, первый проректор Российского государственного социального университета, кандидат экономических наук; ALIYEV Dzhomart Fazylovich, First Vice-Rector Russian State Social University, Candidate of Economic Sciences; kharchenkodd@rgsu.net

БОЧАРОВ Юрий Борисович, кандидат политических наук; BOCHAROV Yuri Borisovich, Candidate of Political Sciences; yurabig@gmail.com

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; **VEDENEEV Yuri Alekseevich**, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University; yuravedeneev@yandex.ru

ГОНЧАРЕНКО Анна Романовна, аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; GONCHARENKO Anna Romanovna, Postgraduate Student at the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University; annagoncharenko3@yandex.ru

ЕГОРОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; EGOROV Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University; egorov.a90@mail.ru

ЗАХАРОВА Вера Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и кадровой политики Московского государственного университета управления Правительства Москвы; ZAKHAROVA Vera Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Personnel Policy of the Moscow State University of Management of the Government of Moscow; vizaharova@bk.ru

ИВАНОВ Артем Александрович, аспирант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; IVANOV Artem Alexandrovich, Postgraduate Student Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; artem.krasnogorsk@mail.ru

ИОСЕЛИАНИ Николь Теймуразовна, магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; IOSELIANI Nicole Teymurazovna, Graduate Student, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; vizaharova@bk.ru

КАРАСЕВ Валентин Иванович, доктор философских наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, профессор кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»; KARASEV Valentin Ivanovich, Doctor of Philosophy, Corresponding member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Social and Humanitarian Faculty, Academy of Labour and Social Relations; karasev_vi_52@inbox.ru

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; LYSENKO Vladimir Ivanovich, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; vlysenko@cikrf.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления; MAKARTSEV Andrei Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management; makarzew@mail.ru

ПАЛЮЛИН Антон Юрьевич, генеральный директор ООО «Палюлин и партнеры»; PALYULIN Anton Yurievich, Palyulin and Partners LLC; anton@palyulin.ru

ПЕТРЕНКО Анатолий Иванович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования Академии социального управления; PETRENKO Anatoly Ivanovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methods of Education and Additional Education, Academy of Social Management; aipetr@rambler.ru

САРКИСОВ Вартан Эрнестович, аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета; SARKISOV Vartan Ernestovich, Postgraduate Student of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University; vartan1809@gmail.com

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям; STRIGUNOV Konstantin Sergeevich, Candidate of Political Sciences; leading specialist of the Association of Information Operations Specialists (AIOS); sks6891@gmail.com

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Doctor of Law; I.Chistoborodov@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**№ 1(31)
2024**

ЯНВАРЬ–МАРТ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 29.02.2024.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «ПРЕССА ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143